

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

**Материалы Международной научно-практической конференции,
проходившей в рамках II Байкальского юридического форума**

г. Иркутск, 23–25 сентября 2021 г.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Байкальский государственный университет

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Материалы Международной научно-практической конференции,
проходившей в рамках II Байкальского юридического форума

г. Иркутск, 23–25 сентября 2021 г.

Текстовое электронное издание

Иркутск
Издательский дом БГУ
2021

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2021
ISBN 978-5-7253-3070-0

УДК 34
ББК 67

*Издается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета*

Редакционная коллегия:

О.П. Грибунов (отв. ред.), И.Г. Смирнова, М.С. Дунаева

Уголовная политика на современном этапе : материалы Междуна-
р. науч.-практ. конф., проходившей в рамках 2-го Байкал. юрид. форума,
г. Иркутск, 23–25 сент. 2021 г. – Иркутск : Изд. дом БГУ, 2021. – 235 с. –
URL: <http://lib-catalog.bgu.ru>. – Текст : электрон.

ISBN 978-5-7253-3070-0.

Материалы освещают актуальные проблемы законодательства Рос-
сийской Федерации в сферах уголовного права и криминологии, уголовно-
го процесса и криминалистики.

Предназначены для научных работников, преподавателей, аспиран-
тов и студентов юридических вузов, сотрудников судебной системы и пра-
воохранительных органов, а также всех читателей, интересующихся со-
временными проблемами российского права.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования:

веб-браузер Internet Explorer версии 6.0 и более поздние,

Opera версии 7.0 и более поздние, Google Chrome 3.0 и более поздние.

Компьютер с доступом к сети Интернет.

Минимальные требования к конфигурации и операционной системе компьютера
определяются требованиями перечисленных выше программных продуктов.

Подписано к использованию 21.12.2021.

Объем 2,8 Мб.

Байкальский государственный университет.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

<http://bgu.ru>.

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

<i>Аверинская С.А., Радченко О.В.</i> Состояние преступности в сфере лесопользования на современном этапе (по материалам Иркутской области)	6
<i>Агильдин В.В.</i> Восстановление социальной справедливости как цель наказания.....	11
<i>Волков А.А.</i> Полиция в борьбе с преступностью.....	16
<i>Георгиевский Э.В.</i> Основания криминализации в уголовном праве Древней Руси и Древней Германии.....	21
<i>Жмурин Д.В.</i> Спорные признаки объективной стороны допинговых преступлений.....	26
<i>Корягина С.А., Кравченко И.О.</i> Некоторые неоднозначные аспекты административной преюдиции в фокусе современной уголовно-правовой политики.....	29
<i>Орешкин М.И.</i> Отдельные проблемы законотворческой деятельности в сфере уголовной юстиции и пути их решения.....	36
<i>Петрякова Л.А.</i> Характеристика современного состояния мошенничества в сфере кредитования.....	46
<i>Рогова Е.В.</i> Дифференциация уголовной ответственности: состояние и перспективы развития	53
<i>Романова Н.Л.</i> О некоторых неопределенностях уголовного закона.....	59
<i>Сидорова Е.З.</i> Общая характеристика уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде.....	64
<i>Стародубцева М.А.</i> Правовое и цифровое просвещение преподавателей и учащихся образовательных учреждений как необходимый аспект профилактики распространения идеологии терроризма и кибертерроризма	68
<i>Шаблинская Д.В.</i> Совершенствование положений уголовного закона об иных мерах уголовно-правового воздействия – важнейшее направление депенализации.....	73
<i>Шестак В.А., Шайнурова Д.А.</i> Особенности законодательства Германии, регламентирующего противодействие финансированию терроризма	79
<i>Шиханов В.Н.</i> Амбивалентность российской уголовной политики: между мифологическим и рациональным постнеклассическим сознанием	85

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Азаренок Н.В.</i> Оценка закрепления состязательности в УПК РФ в контексте разработки будущего уголовно-процессуального закона	91
<i>Архипова И.А.</i> Сущность оценивания результатов судебно-психиатрических экспертиз	96
<i>Гусева С.Д.</i> Способ совершения допинговых преступлений как элемент их криминалистической характеристики.....	100
<i>Дронова О.Б., Порываева П.С.</i> Объективность как принцип судебно-экспертной деятельности.....	104
<i>Дронова О.Б.</i> Возможности информационного обеспечения расследования мошенничеств, совершенных с использованием средств мобильной связи.....	108
<i>Кольчевский А.В.</i> Особенности возбуждения уголовных дел по коррупционным преступлениям, совершаемым военнослужащими и не связанным с хищением	112
<i>Лебедев Н.Ю.</i> Некоторые аспекты несовершенства правовой защиты потерпевших из числа лиц, проходящих военную службу по призыву в уголовном судопроизводстве (постановка проблемы).....	118
<i>Лебедева Ю.В.</i> Некоторые проблемы установления и поддержания психологического контакта с несовершеннолетним потерпевшим при производстве следственных действий	124
<i>Лечидова А.А.</i> Проблемы реализации положений статьи 3 Европейской конвенции о выдаче	130
<i>Литвинцева Н.Ю.</i> Законодательные изменения в институте свидетельского иммунитета	135
<i>Мерецкий Н.Е.</i> Установление способов совершения мошенничества на рынке криптовалют	141
<i>Милюс А.И.</i> Некоторые источники сведений о личности преступника как одного из элементов криминалистической характеристики краж нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке	147
<i>Миронова Е.Ю.</i> Соотношение принципов цифровизации и принципов уголовного процесса (нравственный аспект)	155
<i>Натура А.И.</i> Частная криминалистическая методика расследования преступлений на современном этапе: дискуссионные вопросы теории и практики	161

<i>Попова Е.И.</i> О критериях существенности нарушений прав и законных интересов потерпевших.....	167
<i>Прокофьева Е.В., Корелова Е.Д.</i> Современное состояние и возможности совершенствования унифицированных криминалистических чемоданов.....	172
<i>Родивилина В.А., Родивилин И.П.</i> Особенности выявления и доказывания преступной деятельности в сфере компьютерной информации	176
<i>Россинская Е.Р.</i> Особенности тактики и технологии осмотра места происшествия при расследовании компьютерных преступлений	181
<i>Рыжков И.В.</i> Обращение к натурным справочно-информационным фондам при производстве экспертных исследований как форма реализации экспертной инициативы	189
<i>Савкин А.А.</i> Судебная почерковедческая экспертиза: важность и проблемы ее производства	194
<i>Смахтин Е.В.</i> Взаимосвязь теории и практики: невероятно очевидное, но неоправданно забытое	200
<i>Смирнова И.Г.</i> К вопросу об участии потерпевшего при производстве допроса и предъявлении для опознания по УПК РФ и КНР: сравнительный анализ	206
<i>Смолькова И.В.</i> Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации – новый этап в развитии уголовного судопроизводства	211
<i>Столбов В.Р.</i> Организационные аспекты деятельности органов предварительного следствия и дознания на первоначальном этапе раскрытия краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных организованными группами.....	217
<i>Тишутина И.В.</i> Актуальные вопросы взаимодействия правоохранительных органов с общественностью и СМИ в целях раскрытия и расследования преступлений.....	224
<i>Чаплыгина В.Н.</i> Проблемные вопросы реабилитации умершего подозреваемого (обвиняемого)	230

СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматриваются некоторые аспекты состояния преступности, связанной с незаконным оборотом леса, на примере Иркутской области. Особое внимание авторами уделяется проблемам противодействия преступности в сфере лесопользования сотрудниками полиции.

Ключевые слова: лесопользование; преступность; состояние; динамика.

S.A. Averinskaya, O.V. Radchenko

THE STATE OF CRIME IN THE FIELD OF FOREST MANAGEMENT AT THE PRESENT STAGE (BASED ON THE MATERIALS OF THE IRKUTSK REGION)

The article considers some aspects of the state of crime related to illegal forest trafficking, on the example of the Irkutsk region, Special attention is paid to the problem of countering crime related to illegal logging of forest plantations by law enforcement officers.

Keywords: forest management; crime; state; dynamics.

2 июля 2021 г. указом Президента РФ № 400 утверждена Стратегия национальной безопасности РФ [1], в соответствии с которой к глобальным вызовам экологической безопасности относится интенсивный рост производства и потребления в мире, сопровождающийся увеличением антропогенной нагрузки на окружающую среду и ухудшением ее состояния, что, в свою очередь, влечет существенное изменение условий жизни на Земле.

Россию по праву можно считать крупнейшей лесной державой, так как ее лесопромышленный комплекс продолжает приносить стране около 20 млрд дол. в год. Ресурсы лесного фонда оказывают огромное влияние на экономику России, из числа более 40 субъектов которой имеют 50 % общего объема лесной промышленной продукции.

Иркутская область не исключение. Это обусловлено тем, что Иркутская область является одной из крупнейших в стране по площади расположенных на ее территории лесов (71,4 млн га) и отличается высокой лесистостью своих территорий (82,7 %). По состоянию на 1 января 2018 г. общая площадь земель лесного фонда, находящихся на территории Иркутской области, составляет 69,4 млн га. Покрытые лесной растительностью земли на них занимают 62,4 млн га. По объемам заготовки древесины Иркутская область занимает пер-

вое место среди субъектов Российской Федерации. Запас древесины на землях лесного фонда составляет 8,6 млрд м³, из них 56 % (или 4,8 млрд м³) спелые и перестойные насаждения [2].

По данным Федерального агентства лесного хозяйства Иркутская область заготавливает 17 525 тыс. плотных м³, занимая первое место при запасе 9 103 млн м³. Индекс использования ресурса в Иркутской области составляет 1,925 [3].

Соответственно, с учетом географических особенностей Иркутской области, в структуре экологических преступлений преобладают преступления, совершенные в сфере лесопромышленного комплекса, охраны и рационального использования животного мира и водных биологических ресурсов. Это находит подтверждение в анализе статистических сведений ГИАЦ МВД России, согласно которым наибольшее количество преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ, в 2018 г. выявлено именно на территории Иркутской области (2 620), далее в республике Бурятия (1 364), в Башкортостане (549), на территории Забайкальского (881), Красноярского (623) краев [4]. Таким образом, Иркутская область является лидером среди субъектов Российской Федерации по количеству совершаемых преступлений в сфере лесопользования.

За прошедший 2020 г. сотрудниками ОМВД области возбуждено 2 330 уголовных дел по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, в 2019 г. эта цифра составляла 2 126 дел, что на 10 % больше. Рост количества возбужденных уголовных дел был допущен за счет выявления дистанционным мониторингом незаконных рубок, совершенных на территориях Тайшетского и Черемховского районов, где впервые проводились работы по государственной инвентаризации лесов: на территории Тайшетского лесничества из 137 тыс. м³ незаконно заготовленной древесины только 8 тыс. м³ заготовлено в 2020 г., остальной объем приходится на незаконные рубки, совершенные в период 2016–2019 гг. Из 552 возбужденных уголовных дел по материалам мониторинга, 450 материалов уголовных дел – по незаконным рубкам лесных насаждений, совершенным в период с 2016 по 2019 г. Аналогичная ситуация на территории Черемховского лесничества, где за аналогичный период возбуждено около 100 уголовных дел по факту незаконной рубки лесных насаждений.

Ущерб от незаконной лесозаготовительной деятельности в 2020 г. составил 2,6 млрд р., что на 10 % больше, чем в 2019 г. (2,3 млрд р.). По окончанным материалам уголовных дел возмещено 122,2 млн р. (в 2019 г. возмещение ущерба составило 225,1 млн р., т.е. на 46 % меньше). За прошедший отчетный период общее количество изъятой незаконно заготовленной древесины на территории Иркутской области в 2020 г. составило 6 972,56 м³, которая в дальнейшем была реализована через Территориальное управление Росимущества Иркутской области на сумму 8,3 млн р.

Вместе с тем за 7 месяцев 2021 г. количество совершенных преступлений, связанных с незаконной заготовкой древесины на территории рассматриваемой области, снижено на 41 %, или на 428 фактов, в 2020 г. за рассматриваемый период эта цифра составляла 604 выявленных преступления. Ущерб от незакон-

ной лесозаготовительной деятельности сокращен на 43 % (569,3 млн р., за 7 месяцев 2020 г. – 998 млн р.), объем незаконно заготовленной древесины – на 59 % (104,9 тыс. м³). Вышеуказанные сведения объективно подтверждаются и дистанционным мониторингом использования лесов, работы по которому проводятся на территории 34 лесничеств из 37 по области [5].

При этом количество лесничеств, на территориях которых проводились работы по государственной инвентаризации лесов с помощью космического мониторинга [6], ежегодно возрастает: в 2017 г. количество лесничеств составляло 16, в 2019–2020 гг. – 20, на сегодняшний день – 37. В связи с этим следует рекомендовать органам власти на территории Иркутской области совершенствовать меры по усилению контроля со стороны лесничеств за поднадзорными территориями, и прежде всего, за деятельностью лесопользователей.

При взаимодействии с Правительством региона, органами лесного хозяйства, сотрудниками ГУ МВД России по Иркутской области организовано получение информации о поступлении и освоении денежных средств, направленных на реализацию национальных проектов в сфере лесопромышленного комплекса.

Обвинение в совершении рассматриваемой категории преступлений за 7 месяцев 2021 г. предъявлено 296 лицам, в отношении 60 лиц ведется расследование. На 11 % снижено количество приостановленных дел в связи с неустановлением лица, привлекаемого в качестве обвиняемого (504 материалов уголовных дел), за 7 месяцев 2020 г. это количество составляло 569.

Необходимо отметить, что земли лесного фонда на территории Иркутской области составляют 69,4 млн га, площадь лесных участков, переданных в аренду 532 лесозаготовителям – 21,3 млн га (это 30 %). Как правило, арендованные участки лесного фонда расположены в отдаленных и труднодоступных лесных массивах без развитой инфраструктуры и дорожной сети. За последние 4 года количество преступлений в сфере лесопользования, совершенных на территории арендованных лесов, увеличилось в 2,5 раза, ущерб от которых возрос на 77 % и составил 2,3 млрд р. Текущий год не стал исключением, 63 % незаконной древесины заготовлено на территории арендованных лесных участках (252,5 тыс. м³, из 400,7 тыс. м³).

На основе анализа криминогенной обстановки сотрудниками Главного следственного Управления и УЭБиПК ГУ МВД России по Иркутской области в результате совместной работы следователей и оперативных сотрудников выявляются лица, совершающие незаконные рубки в промышленных масштабах. Так, например, в 2018 г. было окончено 9 уголовных дел по факту незаконной рубки лесных насаждений, совершенных в составе организованной преступной группы в отношении 53-х лиц по 62-м эпизодам преступной деятельности и одно уголовное дело в отношении 7 лиц по 15 эпизодам преступной деятельности в составе преступного сообщества (преступной организации). В отношении указанных лиц вынесены на сегодняшний день обвинительные приговоры.

Так, 25 марта 2019 г. Иркутским районным судом Иркутской области постановлен обвинительный приговор в отношении 16 лиц, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 191.1 УК РФ и ч. 3 ст. 260 УК РФ

в составе преступного сообщества, каждому из участников сообщества назначены наказания в виде лишения свободы от 3 лет 6 месяцев до 5 лет 1 месяца [7].

8 мая 2019 г. Нижнеудинским районным судом вынесен обвинительный приговор в отношении 13 лиц, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 260 УК РФ, совершенных в составе преступного сообщества, каждому участнику организованного преступного сообщества назначено наказание в виде лишения свободы от 2 до 4 лет [8].

На сегодняшний день в результате проведенного комплекса оперативно-профилактических мероприятий и пресечения деятельности организованных групп и преступных сообществ в лесной отрасли сотрудникам полиции удалось стабилизировать ситуацию, связанную с незаконной заготовкой древесины, на территориях Эхирит-Булагатского, Зиминского, Жигаловского, Усольского, Заларинского, а также Чунского районов, где количество совершенных преступлений снижено с 50 до 80 %.

Вместе с тем, несмотря на все принимаемые меры, ситуация в сфере лесопользования остается напряженной. Приведенные выше статистические сведения свидетельствуют о том, что меры по охране лесного фонда на территории Иркутской области требуют усиления, а борьба с преступностью – совершенствования работы по декриминализации лесной отрасли.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – № 27 (ч. 2). – Ст. 5351.

2. Официальный портал Иркутской области. – URL: <https://irkobl.ru/region/economy/forest> (дата обращения: 16.09.2021).

3. Таблицы: Информация о лесах Российской Федерации, Информация об использовании лесов, Официальный сайт Федерального агентства лесного хозяйства Российской Федерации. – URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru/stat/?start=317>.

4. Статистические данные ГИАЦ МВД РФ. – URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 16.09.2021).

5. Статистические данные ИЦ МВД России по Иркутской области. – URL: <https://38.мвд.рф/document/23304863> (дата обращения 16.09.2021).

6. Завершен основной этап инвентаризации лесов в 2020 году. – URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/zavershen_osnovnoy_etap_gosudarstvennoy_inventarizatsii_lesov_rf_itogi_predstavyat_v_2020_godu (дата обращения: 16.09.2021).

7. Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 17 июня 2019 г. № 22-1953/2019, 22К-1953/2019 по делу № 22-1953/2019. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.09.2021).

8. Приговор Нижнеудинского городского суда № 1-374/2018, 1-4/2019 от 11 февраля 2019 г. по делу № 1-374/2018. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.09.2021).

Информация об авторах

Аверинская Светлана Александровна – доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук, доцент, Юридический институт, Иркутский государственный университет, Иркутск, e-mail: aver27@mail.ru.

Радченко Ольга Викторовна – доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук, доцент, Юридический институт, Иркутский государственный университет, Иркутск, e-mail: radchenko.ov@mail.ru.

Authors

Averinskaya Svetlana Alexandrovna – Ass. Professor of the Department of Criminal law, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Law Institute, Irkutsk state University, Irkutsk, e-mail: aver27@mail.ru.

Radchenko Olga Viktorovna – associate Professor of the Department of criminal law, Candidate of legal Sciences, associate Professor, Law Institute, Irkutsk state University, Irkutsk, e-mail: radchenko.ov@mail.ru.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ЦЕЛЬ НАКАЗАНИЯ

Представленная статья посвящена одной из важнейших проблем уголовного права, а именно, целям наказания – в частности, восстановлению социальной справедливости. В статье проводится попытка раскрыть содержание данной цели наказания, описана история данной цели, анализируются точки зрения различных ученых, высказываются собственные предложения. По мнению автора, восстановление социальной справедливости не является целью, а относится к задачам наказания.

Ключевые слова: наказание; возмездие за преступление; цели наказания; восстановление социальной справедливости; кара.

V.V. Agildin

RESTORING SOCIAL JUSTICE AS THE PURPOSE OF THE PUNISHMENT

The presented article is devoted to one of the most important problems of criminal law, namely, the goals of punishment – in particular, the restoration of social justice. The article makes an attempt to reveal the content of this goal of punishment, describes the history of this goal, analyzes the points of view of various scientists, makes their own proposals. According to the author, the restoration of social justice is not a goal, but refers to the tasks of punishment.

Keywords: punishment; retribution for a crime; goals of punishment; restoration of social justice; punishment.

Традиционно наука уголовного права понимается как учение о преступлении и наказании [1, с. 68]. Это свидетельствует о том, что институт наказания является одним из основных в науке уголовного права. Как любой другой институт в уголовном праве, наказание направлено на достижение определенных целей, которые обусловлены значением и содержанием данного института.

В настоящее время цели уголовного наказания определены в ч. 2 ст. 43 УК РФ, в диспозиции которой указано, что «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». Таким образом, в уголовном праве законодательно закреплены три цели наказания. Указанные выше цели по своему содержанию равнозначны и нельзя говорить, что, какая-то из них имеет приоритет и является более важной. И не важно, какой по счету цель закреплена в диспозиции статьи.

Нельзя назначить наказание ради достижения одной из целей, игнорируя при этом другие цели. Наказание должно назначаться для достижения всех целей одновременно в их взаимосвязи и совокупности. В данной статье мы попы-

таемся проанализировать и раскрыть одну из целей наказания – восстановление социальной справедливости, так как именно эта цель вызывает наибольшее количество вопросов и дискуссий.

В Уголовном кодексе 1996 г. в качестве цели наказания впервые была законодательно закреплена такая цель, как восстановление социальной справедливости, хотя для науки уголовного права данная цель не является новой и давно указывалась различными учеными как цель наказания. Так, например, в 60-х гг. прошлого века о восстановлении социальной справедливости как о цели наказания высказывался Н.А. Беляев [2, с. 23].

Несмотря на то, что цель восстановления социальной справедливости законодатель закрепил в уголовном кодексе, он не дал ей легального определения и не раскрыл содержания данной цели. Данный пробел восполняется учеными и в научной литературе встречаются различные точки зрения ученых на данную цель наказания.

Так некоторые авторы считают, что «провозглашенная в Уголовном кодексе 1996 г. цель восстановления социальной справедливости имеет своим основным содержанием кару: осуждение, порицание совершенного преступления и лица, виновного в его совершении» [4, с. 58–59].

Другие авторы раскрывают содержание данной цели наказания еще более широко. Так, по их мнению, «восстановление социальной справедливости предполагает: а) оптимально возможное возмещение, заглаживание посредством наказания причиненного преступлением вреда личности, обществу, государству; б) соразмерность опасности наказания опасности преступления, личности виновного, смягчающим и отягчающим обстоятельствам; в) запрет двойного наказания; г) недопущение в качестве цели наказания причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства» [8, с. 43–44].

Попробуем проанализировать и раскрыть содержание указанной выше цели. Думается, никто ни будет спорить, что понятие «справедливость» имеет оценочный характер. Представляется, что такая категория, как «социальная справедливость», многогранна, многоаспектна, и думается, что она более характерна для философии и социологии, чем для уголовного права, и трудно представить, что данное понятие может иметь нормативный характер. В то же время отношения, складывающиеся в обществе, в том числе и по поводу защиты от нарушений каких-либо прав, должны быть справедливыми и нарушенные права должны быть каким-либо образом восстановлены.

Само понятие справедливости возникло достаточно давно как морально-этическая категория, выражающаяся в общем в распределении добра и зла (прав и обязанностей) между людьми и характеризующая равное соотношение определенных явлений – в том числе, и соотношение между деянием и преступлением. Соответствие между характеристиками первого и второго порядка оценивается в этике как справедливость, а несоответствие этих характеристик как несправедливость. Правовое содержание справедливости закрепляет или фиксирует определенный уровень прав и обязанностей человека. Таким образом, нарушение этих прав и есть нарушение справедливости. Но у каждого своя справедливость, а понятие «социальная справедливость» вообще что-то усред-

ненное. Это имеет и прямое отношение к уголовному праву, к преступлению и наказанию, конечно, со своей определенной спецификой, так как это наиболее грубое нарушение справедливости в праве, наивысшая степень ее отрицания. В свою очередь, наказание и иные меры уголовно-правового характера, предусмотренные УК РФ, направлены на восстановление нарушенных в результате совершения преступления прав и свобод потерпевшего, т.е. в конечном счете – на восстановление справедливости.

Из анализа ч. 2 ст. 43 УК РФ видно, что понятие восстановления социальной справедливости имеет многоаспектный, многогранный характер. Действительно, никаким наказанием нельзя восстановить жизнь потерпевшего от убийства, либо полностью восстановить утраченное в результате посягательства здоровье. По мнению некоторых ученых [3, с. 21], восстановительная функция наказания за убийство не исключает имущественного аспекта и предлагают установить за совершение подробных преступлений в дополнение к традиционному наказанию в виде лишения свободы еще и штрафные санкции. Но восстановление социальной справедливости заключается не только в возмещении причиненного вреда и возмещении нарушенного в натуре или его денежной стоимости.

Законодатель делает акцент не на восстановлении справедливости в общем, а социальной справедливости, что, по нашему мнению, выражается в том, что государство, применяя уголовное наказание, убеждает всех граждан, в том числе и тех, против которых совершено преступление, и которым непосредственно причинен вред, что суд назначает наказание в соответствии с законом, при этом учитывается характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность самого виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также оно убеждает, что способно обеспечить исполнение назначенного наказания.

Вторым аспектом цели восстановления социальной справедливости является учет интересов потерпевшей стороны, т.е. наказание должно быть таким, чтобы потерпевший был удовлетворен решением суда как справедливым и неотвратимым. Фактически государство убеждает потерпевшего, а также иных граждан, что лицо, которое причинило совершило преступление и вред, за это несет неблагоприятные последствия в виде наказания и таким образом государство выполнило свой долг и защитило потерпевшего и общество.

В доктрине уголовного права выделяются следующие положения, в которых выражается социальная справедливость: а) в назначении наказания в соответствии с законом и с учетом тяжести содеянного и его последствий; б) возмещение в полном объеме материального ущерба, причиненного преступлением; в) в компенсации морального вреда [9, с. 19].

При этом по вопросам назначения наказания интересы потерпевшего находятся в определенном противоречии с интересами осужденного. Интересы осужденного заключаются в назначении минимального наказания, а интересы потерпевшего в более жестком подходе к применению мер государственного принуждения.

Достаточно большое значение для потерпевшего имеют вопросы компенсации материального ущерба в результате совершения преступления и причинения морального вреда.

Следующий аспект социальной справедливости выражается в том, что общество, граждане не должно ощущать тревогу из-за того, что гуманность по отношению к преступникам может обернуться разгулом преступности вследствие безнаказанности.

И, наконец, предполагается, что государство может частично компенсировать затраты, понесенные в ходе выявления и раскрытия преступления, предварительного следствия и суда, за счет штрафа, исправительных работ, а также использования труда осужденных в местах лишения свободы.

Представляется, что восстановление социальной справедливости заключается не только в восстановлении личных имущественных, но и личных неимущественных прав. Государство обязано, назначая наказание виновному, принять все меры для возмещения потерпевшему как имущественного вреда, так и возмещение вреда морального или физического. И данная цель должна заключаться в создании у потерпевшего уверенности, что лицо, причинившее ему вред, претерпевает страдание за свое деяние, полностью возместило вред, который можно оценить. А потерпевший полностью удовлетворен этим фактом. В то же время мы осознаем, что данная цель в настоящее время на практике труднодостижима.

В научной литературе [7, с. 91] высказывается мнение о редакции данной цели и предлагается заменить термин социальная справедливость на криминологическую справедливость. Несмотря на имеющееся здоровое зерно, все-таки понятие «социальная справедливость» более соответствует данному предназначению.

В настоящее время в научной литературе высказывается мнение об исключении цели из ч. 2 ст. 43 УК РФ в силу того, что в ч. 1 ст. УИК РФ она отсутствует [6, с. 15]. Но следует иметь в виду, что, во-первых, приговор суда, назначивший меру наказания и вид исправительного учреждения, уже определил соответствующую часть справедливости, а, во-вторых, уголовно-исполнительное право является самостоятельной отраслью права, которая имеет собственные цели. В противовес точке зрения об исключении «восстановление социальной справедливости» из числа целей наказания, часть ученых считает, что «единственной целью применения наказания, которую следует закрепить в тексте уголовного закона, является цель восстановления социальной справедливости, под которой следует понимать справедливое воздаяние (кару) за совершенное преступление».

Завершая анализ понятия цели восстановления социальной справедливости, следует заметить, что указанная категория, по нашему мнению, не является целью наказания, а является задачей наказания [5, с. 5].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арямов А.А. Общетеоретические основы учения об уголовном наказании : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2004. – С. 68.

2. Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 186 с.
3. Бородин С.В. Проблемы возмещения ущерба за умышленные преступления // Государство и право. – 1994. – № 4.
4. Дуюнов В.К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. – Курск, 2000. – С. 58–59.
5. Дядькин Д.С. О целях и критериях применения наказания // Российское право в интернете. – 2006. – № 2. – С. 5.
6. Минязева Т.Ф. Проблемы правового статуса личности осужденных в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2002. – С. 15.
7. Орлов В.Н. О некоторых целях уголовного наказания // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2007. – № 2 (11). – С. 91.
8. Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 2 / под ред. А.И. Коробеева. – Владивосток, 1999. – С. 43–44.
9. Становский М.Н. Назначение наказания. – СПб., 1999. – С. 19.

Информация об авторе

Агильдин Владимир Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Институт юстиции Байкальского государственного университета, Иркутск, Российская Федерация, e-mail: agildinvv@bgu.ru.

Author

Agildin Vladimir V. – Ph.D. in Law, Ass. Professor, Department of Criminal Law, Institute of Justice Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: agildinvv@bgu.ru.

ПОЛИЦИЯ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Представленная автором статья посвящена роли полиции в борьбе с преступностью. В настоящее время между гражданским обществом и правоохранительными органами существует определенное напряжение и в статье описывается зарубежный опыт борьбы полиции с преступностью и смягчения напряжения между полицией и населением.

Ключевые слова: борьба с преступностью; полиция; общество; правопорядок; правосудие; справедливость.

А.А. Volkov

POLICE IN THE FIGHT AGAINST CRIME

The article presented by the author is devoted to the role of the police in the fight against crime. At present, there is a certain tension between civil society and law enforcement agencies, and the article describes the foreign experience of the police fighting crime and mitigating the tension between the police and the population.

Keywords: fight against crime; police; society; law and order; justice; justice.

Борьба полиции с преступностью отвечает интересам подавляющего большинства населения, поэтому преследование преступлений касается всего общества. Преступность не может подорвать общественные отношения, но она расшатывает существующий правопорядок, создает известную неустойчивость государственной власти. Очевидно, что борьба полиции с преступностью прежде всего предполагает изобличение действительного преступника, наказание лица, виновного в совершении преступления. Борьба с преступностью основана на идеологической составляющей правосознания населения о «беспристрастности» и «справедливости» правосудия, единственной целью которого является установление истины. Особое место в деятельности полиции занимают призывы к «законности», «бдительности» с учетом «интересов национальной безопасности».

Рассмотрим на примере деятельность американской полиции, как осуществляется защита правопорядка. Так, Эдгар Гувер, публично осудив преподавателей Калифорнийского университета, которые призывали студентов сжечь военные билеты и не платить налоги в знак протеста против войны во Вьетнаме, заявил: «Мы должны выбрать между законом и анархией, свободой и хаосом» [4, с. 9]. Попытка противопоставить в сознании масс «свободу» (ужесточение репрессий, расширение прав полиции и т.п.) «хаосу» (движению за демократические права) проявилась, в частности, и в создании в 1966 г. в США организации, названной «Американцы за эффективное исполнение закона».

Как признала Национальная Комиссия по причинам и предупреждению насилия, созданная Конгрессом США, «стандарты правосудия на первоначальных этапах уголовного процесса, низкие в обычное время, становятся еще ниже при чрезвычайных обстоятельствах, в особенности при решении критических вопросов освобождения под залог и обеспечения обвиняемого адвокатом» [5, с. 547]. Ее основатель – профессор Северо-Западного университета Фред Инбау, один из наиболее рьяных сторонников расширения прав полиции. По свидетельству столь же реакционно настроенного Френка Кэррингтона, цель этой организации – «бороться за интересы законопослушного большинства» и противостоять «Американскому Союзу защиты гражданских свобод», оберегая тем самым «спокойствие и порядок» [1, с. 261].

Политическая реакция неизбежно сопровождается свертыванием процессуальных гарантий личности, ужесточением уголовно-правовых санкций. Например, представители реакционных кругов единственно эффективным способом борьбы с преступностью считают усиление полицейского террора в негритянских кварталах, устранение «формальностей», в силу которых отменяются приговоры, основанные на незаконно полученных доказательствах и т.д.

Глава ФБР США Эдгар Гувер с одобрением приводил слова одного прокурора, который утверждал: «Это не преступники, действительные или потенциальные, нуждаются в клиниках нервных болезней. В них нуждаются люди, которые пускают слюнки по поводу этих преступников, пытаюсь найти оправдание их преступлениям. Требования дня в Америке больше, чем в других странах, это сознательные присяжные, смелые судьи и тюрьмы, которые не являются ни сельскими клубами, ни домами отдыха» [4, с. 11].

По мнению Гувера, все еще много таких присяжных, «которые сознательно закрывают глаза на представленные им доказательства», и слишком многие судьи «больше отыскивают различные формальности, чем вину или невиновность» [4, с. 11].

Реакционной тенденции в определенной мере противостоит либерально-умеренная, сторонники которой стремятся отыскать наиболее надежные и длительно действующие способы охраны и упрочения общественных отношений. Сторонники либерально-умеренной тенденции основную задачу видят в смягчении напряженности, существующей между полицией, с одной стороны, и этническими меньшинствами, бедняками и молодежью, с другой. По их мнению, социальные и этнические группы населения, низведенные до положения граждан «второго сорта», представляют собой одновременно и «доказательство крушения демократической системы и потенциально разрушительную политическую силу» [6, с. 207].

Именно стремление ввести эту «разрушительную» силу в русло демократической системы и тем самым предотвратить опасный для государства и общества взрыв и побуждает правящие круги принимать различные меры с целью смягчить остроконфликтные ситуации. Под «формальностями» имеется в виду главным образом запрет класть в основу приговора доказательства, полученные в результате нарушения закона (вынужденное насилием сознание обвиняемого, вещественные доказательства, изъятые в ходе незаконного обыска, и т.п.).

Так, выводы американской Национальной консультативной Комиссии по вопросам гражданских беспорядков сводились, главным образом, к предложению принять меры, направленные на смягчение напряженности «в отношениях полиции с группами меньшинств» [5, с. 313; 3, с. 63]. В ряде американских полицейских департаментов были организованы отделы, задачей которых является поддержание связей с населением, проведение пропагандистской работы с целью улучшения отношений «полиция – общество». Например, в полицейском департаменте г. Сан-Диего (Калифорния) задачи отдела по связи с населением формулируются следующим образом:

- установление связей с любой группой населения, которая желает обсуждать проблемы, представляющие взаимный интерес;
- принятие мер и урегулирование конфликтов, возникающих между населением и полицией.

Под руководством отдела по связи с населением работает бюро лекторов, состоящее из 35 полицейских. На них возложена «разъяснительно-воспитательная» работа. Конкретные мероприятия отдела определяются существующей в городе ситуацией. Например, после широкой кампании протеста, проводимой студенческой молодежью, была разработана специальная «Программа контактов со студентами». Основная цель этой программы заключалась в установлении широких личных контактов между полицией и студентами, проведении разъяснительной работы о функциях полиции и ее полномочиях и т.д. Значительная работа проводилась отделом и с молодежью этнических меньшинств. Молодые негры и пуэрториканцы вовлекались в организацию под названием «Молодежь в борьбе с преступностью». Члены этой организации, обязывались вести работу по разъяснению законов и принимать меры к тому, чтобы удержать других молодых людей от совершения преступлений [6, с. 45].

Президентская Комиссия по исполнению закона и отправлению правосудия (1966–1967 гг.) в числе прочих мер рекомендовала принимать в полицию больше представителей этнических меньшинств. «Если нет достаточного процента негров-полицейских в негритянском районе, – указывает Комиссия, – то многие его жители придут к выводу, что полиция действует в их кварталах не с целью поддержания закона и порядка, а с целью сохранения «статуса кво» гетто» [2, с. 101–102].

Хотя мероприятия подобного рода не дают сколько-нибудь существенных результатов, они свидетельствуют, что появляются все более и более разнообразные методы идеологического воздействия на население. Одним из аспектов этой тенденции является стремление правящей элиты использовать все достижения науки, чтобы повысить эффективность манипулирования общественным мнением. Значительное место при этом отводится таким отраслям знаний, как социология, социальная психология и психология.

В настоящее время центральными с точки зрения остроты кризисной ситуации являются две проблемы: напряженность в отношениях полиции с населением и ее низкая эффективность о борьбе с преступностью.

Разумеется, кризис полиции во многих капиталистических странах имеет много и других проявлений: коррупция, связь с организованной преступностью

и т.д. Однако все они в конечном итоге ведут к растущей враждебности со стороны широких масс населения и уменьшению способности выполнять основную «официальную» функцию – защиту общества от уголовных преступлений.

Поэтому предпринимаются попытки и другого рода, связанные с известной перестройкой деятельности самой полиции. Перечень мер, предпринимаемых для улучшения отношений «полиция-население», достаточно разнообразен. Это и организация в структуре полицейских департаментов специальных отделов, задача которых состоит в установлении контактов с населением, и попытки привлечь на работу в полицию представителей национальных и этнических меньшинств и введение для полицейских специального курса обучения приемам поведения в «конфликтных ситуациях» и т.д.

Как отмечается в докладе американской Национальной Комиссии по причинам и предупреждению насилия, полицейские департаменты начинают вводить курс так называемого экстремального обучения (т.е. обучения приемам поведения в экстремальной обстановке). Эти курсы варьируются от изучения вопросов, связанных с контролем над толпой, до овладения приемами, позволяющими справиться с уличными нарушениями общественного порядка. Экстремальное обучение включает, в частности, инсценировку таких ситуаций, с которыми полицейский может столкнуться при исполнении служебных обязанностей [5, с. 302].

Однако исследования, проводимые американскими юристами и социологами, свидетельствуют о том, что перечисленные меры, как правило, не дают заметных результатов. Например, изучение общественного мнения в гг. Сан-Диего и Филадельфия показало бесплодность усилий полицейских отделов, ответственных за «контакты с населением».

Предлагаемая отделам программа улучшения отношений «полиция – население» содержит две группы мероприятий.

Первая из них касается всех слоев населения. К ней относятся выступления сотрудников полиции на различных митингах и собраниях, организация «открытых домов» (полицейские участки, открытые для экскурсий по специальным темам), издание и распространение различной пропагандистской литературы и т.п.

Вторая группа предлагаемых мероприятий рассчитана на такие слои населения, которые наиболее враждебно относятся к полиции. Так, рекомендуется организация спортивных команд из числа молодежи этнических меньшинств, создание и руководство различными группами подростков, объединяемых какими-либо общими интересами (филателия, охрана животных и т.д.). Кроме того, предусматривается систематическое чтение лекций для школьников о задачах и функциях полиции, о правилах безопасности движения и т.д.

Согласно одной из предлагаемых программ студентам колледжа гарантируется работа в полиции на период летних каникул, если в течение года они будут посещать специальные занятия по ознакомлению с ее работой.

Предлагается и целый ряд других мероприятий, общая цель которых привлечь молодежь, в том числе и представителей этнических меньшинств, к работе в полиции или, по крайней мере, к сотрудничеству с полицией. Наконец, вы-

сказывается предложение об организационном отделении от полиции службы безопасности движения. Это предложение мотивируется тем, что отношение, возникшее у гражданина в результате «отрицательного контакта» с регулировщиками движения, неизбежно переносится на всю полицию в целом. Однако все предлагаемые программы смягчения конфликтов между полицией и населением независимо от их большей или меньшей обоснованности, не в силах достичь желаемой цели. Ненависть и страх остаются доминирующими чувствами, которые испытывают угнетаемые слои населения по отношению к полиции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. F. Carrington. Speaking for the Police «The journal of Criminal Law, Criminology and Police Science», 1970, № 2.
2. «The Challenge of Crime in a Free Society» (A Report by the President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice). U.S. Govern. Print. Of., Wash, 1967.
3. R. Knudten. Criminological Controvercies. New York, 1968.
4. W. Kohler. Psychologishe Probleme. Berlin, 1933.
5. D. Lingsley. Psychology for Law Enforcement Officers. Springfield, Illinois, 1966.
6. «The Police and the Community. The Dinamics of Tbeir Relationship in a Changing Society» (A Report Prepared for the President's Commission on Law Enforcement and Administration of justice by Joseph D. Lohman, Gordon E. Misner). Wash, 1966.

Информация об авторе

Волков А.А. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры правовой психологии и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета.

Author

Volkov A.A. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology and Protection of Human Rights of the North Caucasus Federal University.

ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ДРЕВНЕЙ ГЕРМАНИИ

В работе в сравнительном аспекте исследуются основные моменты правогагенеза двух народов – древних русичей и древних германцев. Устанавливаются сходства в основаниях криминализации, основными из которых являются мифология, религия, социальная стратификация. Констатируется взаимопроникновение права и военной силы, их фактическое отождествление на определенном этапе. Выявляется глубокая символичность первичных уголовно-правовых запретов.

Ключевые слова: правогагенез; основания криминализации; Древняя Русь; Древняя Германия; Древнейшая Правда.

E.V. Georgievsky

FOUNDATIONS FOR CRIMINALIZATION IN CRIMINAL LAW IN ANCIENT RUSSIA AND ANCIENT GERMANY

In the work, in comparative aspect, the main moments of the right-vogenesis of two peoples are investigated – the ancient Rusich and the ancient Germans. Similarities are established in the grounds of criminalization, the main of which are mythology, religion, and social stratification. The interpenetration of law and military force, their actual identification at a certain stage is ascertained. The deep symbolism of primary criminal prohibitions is revealed.

Keywords: Right genesis; grounds of criminalization; Ancient Russia; Ancient Germany; Ancient Truth.

Говоря об основаниях криминализации применительно к первым государственным образованиям, необходимо иметь в виду, что данное понятие в том виде, в котором оно понимается в современном праве, неприменимо. Это связано с тем, что процессы правообразования в ранних государственных обществах принято именовать правогагенезом. Правогагенез любого народа (общества) формируется в русле, практически, одних и тех же социальных и культурных закономерностей, составляющих его основу. «Правогагенез – это не просто сторона, а решающий фактор становления общества» [7, с. 18]. Более того, правогагенез – явление достаточно синкретичное (слитное, единое) и оно не отражает той аутентичности, которая свойственна современному уголовному праву. Однако о базовых основаниях криминализации (основаниях уголовно-правового запрета) в первых правовых опытах наших предков говорить можно и должно, так как именно этот вопрос является одним из основополагающих и малоисследованных.

Первым позитивным законодательным актом России, закрепившим уголовно-правовую охрану жизни, здоровья, телесной неприкосновенности, чести и собственности, является Древнейшая Правда или Правда Ярослава. Из восемнадцати статей Древнейшей Правды шестнадцать посвящены охране основных прав и свобод наших предков. Безусловно, необходимо учитывать историческую специфику данного законодательного акта, выраженную и в достаточно дробной дифференциации потерпевших по принципу сословности (особенно в первой статье, посвященной убийству), и достаточно подробное выделение частей тела человека, которым причинялся вред в результате посягательства, и приоритетное выделение предметов посягательств на собственность (челядь, оружие, конь, одежда и др.).

Подобный выбор объектов уголовно-правовой охраны, а самое главное, их иерархичность, вряд ли является случайным. Он позволяет, на наш взгляд, сделать более или менее вероятностные предположения о том, какое право лежит в основе Русской Правды (особенно ранних ее списков). Мы не ставим задачу выяснения этноправовой характеристики положений Русской Правды (византийское или скандинавское это право, или собственно восточнославянское), а только лишь «социальной статусности» – характеристики, позволяющей хотя бы приблизительно определить, княжеское или народное право составляет основу первого национального законодательного акта России, или он вообще явился продуктом уголовно-правовой юрисдикции древнерусской православнокатолической церкви. В этой связи хотелось бы отметить, что законодательному творчеству князя Ярослава принадлежал также Устав о церковных судах, в котором достаточно подробно изложены нормы, предопределенные религиозными запретами.

При всем многообразии достаточно емких и противоречивых характеристик, даваемых исследователями Древнейшей Правде – и «кодекс частного права», и «частная инструкция по разбору драк и столкновений», и «сложная компиляция, пересоставлявшаяся в течение долгого времени из разнородного материала», мы, в большей степени, поддерживаем точку зрения тех исследователей, которые полагают, что Древнейшая Правда фактически представляет собой свод правил обычного уголовного права Древней Руси, хотя при этом отдаем должное интенсивности княжеского законотворчества.

О том, что Древнейшая Правда представляет собой «эскиз» обычного уголовного права восточных славян, свидетельствуют следующие положения. Во-первых, это специфический объектный состав, в котором практически нет места княжеским привилегиям. Во-вторых, достаточно стройная, просто-таки «отточенная» иерархия объектов уголовно-правовой охраны свидетельствует, как минимум, о длительном (догосударственном) периоде времени ее формирования. В-третьих, особая символика предметов в посягательствах на собственность.

Конечно же, нам могут возразить, что признавать символами-предметами оружие, коня, одежду, и, тем более, челядь вряд ли допустимо. Однако, на наш взгляд, не имея, быть может, религиозно-мистического значения, данные предметы являлись очень знаковыми для наших древних предков, представляя важнейшую и ценнейшую часть их имущества. Это имущество не просто русича-

общинника, это имущество, прежде всего, русича-воина. Недаром в историко-правовой литературе существует достаточно устойчивая точка зрения о том, что Древнейшая Правда является фактически военно-уголовным кодексом. И, в-четвертых, система кар Древнейшей Правды, представляющая собой достаточно стройную систему композиций, скорее всего, отражала характерные черты именно догосударственной эпохи, умело сочетавшей систему штрафов с элементами кровной мести.

Право в древнерусском государстве – во многом явление сакрального характера. Оно глубоко метафорично [5, с. 8] и напрямую связано с героическим былинным эпосом и языческими славянскими верованиями. В связи с этим символизм древнерусского права не исчерпывается составляющими его содержание правовыми символами, получающими на ранних этапах государственности позитивное закрепление. Целый ряд символических правовых идей, обрядов и предметов формулируются в диспозициях древнерусских уголовно-правовых норм, влияя, в том числе, на характер уголовной ответственности. Кроме того, символизмом наполнена карательная сущность целого ряда наказаний. Символизм отражал неразрывную связь права древнерусского государства с восточнославянским обычным правом.

Право древними германцами понимается как всеобщая и необходимая связь людей [4, с. 141]. Являясь основой человеческого общежития, право рассматривалось как система связей между людьми. На общенародных сходах право могло говориться, присуждаться, права можно было добиваться и вводить в него других людей. Более того, правом охватывалась всякая упорядоченная связь в мире, получающая позитивную моральную оценку [4, с. 142–143]. Но правом и правдой можно было не только «наделить» и «соединить» людей, установить какой-либо юридический факт, но и «разделить». А общий анализ семантических мотивировок древнегерманских обозначений юридических понятий свидетельствует о серьезном сходстве или даже отождествлении судьбы и происходящим в реальной действительности, а также права и обычая [6, с. 88–97]. Однако право в догосударственном обществе древних германцев не было выделено в особую категорию или сферу жизни, оно рассматривалось как «неотъемлемое измерение человеческого сознания» [4, с. 144].

Протоправо и последующее формирующееся право в древнегерманском обществе во многом выступают в качестве своеобразной «меры социального устройства» аналогичной мере и порядку космизированной вселенной. Вследствие этого право понимается, а точнее, отождествляется с начальным, исходным пунктом развития мира [6, с. 87]. Так же, как и судьба, право у древних германцев соотносимо с пространственно-временным комплексом. Престиж права, его авторитет, древность и исконность проецируются во времени (сход на судебное заседание) и в пространстве (место судебного производства), приобретая, таким образом, культовое значение [6, с. 88].

Право и сила (в основном военная) проникают друг в друга и предопределяют формирование особого правового мировоззрения древнего германца, в котором битва воспринимается как суд, а суд как противостояние двух противников [6, с. 147]. Помимо всего прочего, в древнегерманском обществе право и

война просто отождествляются. Доминик Бартеlemi в своем эссе отмечает, что одни и те же люди, как одни и те же институты использовались одновременно для войны и для суда. Армия и народное собрание, осуществляющие функции правосудия, являлись «одними и теми же отростками социальной жизни» древних германцев, так как не было отдельно ни профессиональных воинов, ни профессиональных юристов. «Воин – это всегда правитель, и в этом аспекте наглядней всего соединяются война и правосудие, а значит, сила и право» [1, с. 30].

В целом и христианизация варварского права несла с собой серьезнейшие перемены в миропонимание древнего германца. Мораль продолжала оставаться областью внутренней жизни, подконтрольной ему самому, а вот право вышло за пределы человеческого волеизъявления и превратилось в «сверхиндивидуальную силу», повелевающую им самим [4, с. 146]. Номократическая средневековая концепция, восходящая к Библии, провозглашала тезис о всеобщем господстве закона, установленного Богом [4, с. 147]. «Поскольку источником права считается бог, – пишет А.Я. Гуревич, – то отсюда явствовало, что право не может быть несправедливым или дурным, оно – добро, благо по самой своей сути. Право и справедливость – синонимы. Злым, дурным может быть лишь ущемление права, его нарушение или забвение» [4, с. 149–150]. В конечном итоге, считает М. Блок, общество церковников выработало для себя собственное право, которое стало абсолютно обособленным в силу его латинизации и преподавания исключительно в церковных школах [3, с. 114].

В более утилитарном смысле, в частности, в области уголовного права, христианизация предлагала древнегерманскому образу мыслей совершенно иной взгляд, например, на преступление и его свойства. Если древнегерманская община (мир) в большей степени обращает внимание на внешнюю сторону преступления, то христианство, наоборот, во главу угла ставит внутренние свойства преступлений и наказаний [2, с. 111].

Именно христианизация во многом обусловила процесс индивидуализации личности из недр первобытного рода, наделения ее душой, как основой человеческой индивидуальности. Но христианизация привела не только к уходу от «родовой личности», она способствовала включению человека в иные (феодалные) коллективы и появлению в древнегерманском обществе личности нового плана – «сословной личности» [4, с. 269–270]. И в этом случае человек продолжает принимать стандарты жизни этой группы, ее ценности и идеалы, формы поведения [4, с. 271]. В конечном итоге это приводит к формированию устойчивого и специфического отношения человека к человеческой жизни. Человеческая жизнь – ценность, но ее «стоимость» находится в жестких тисках социально-правовой стратификации, предопределяемой неумолимой судьбой.

Таким образом, можно подвести некоторые итоги. Древнейшая Правда представляла собой удивительно органичное соединение интересов крепнущей княжеской власти и русичей-общинников. Основные естественные права человека вероятнее всего были выработаны в результате достаточно длительной эволюции в период догосударственного строя и были впервые закреплены именно в Правде Ярослава. В основу уголовно-правового запрета были поло-

жены социальная стратификация общества и смешанный (языческий и христианский) характер религиозных верований.

Правовой обычай в Древней Германии также в основном сформирован социально-политическим устройством древнегерманского общества (формирование сословной личности), но и неразрывно связан с религией, которая также подвержена видовой трансформации. Во многом, характер правовогенеза у древних германцев, как и у древних русичей, носил уголовно-правовой оттенок, так как неразрывно был связан с решением именно тех важнейших вопросов (жизни, смерти, чести, родового кровомщения), которые изначально во всем мире относились именно к данной сфере правового регулирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартелеми Д. Рыцарство: От древней Германии до Франции XII в. СПб. : Евразия, 2012. – 591 с.

2. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права : Часть общая. Части общая и особенная : С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Т. 1. – СПб. : Типография Н. Тиблена, 1865. – 940 с.

3. Блок М. Феодальное общество. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.

4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М. : Наука, 1984. – 320 с.

5. Исаев И.А. Непроявленный язык закона // Lex Russica (Научные труды МГЮА). – 2006. – № 1. – С. 7–25.

6. Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. – М. : Радикс, 1994. – 192 с.

7. Шалютин Б.С. Правогенез как фактор становления общества и человека // Вопросы философии. – 2011. – № 11. – С. 14–26.

Информация об авторе

Георгиевский Эдуард Викторович – доцент кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: georgcrime@yandex.ru.

Author

Georgievsky Eduard Viktorovich – Ass. Professor, Chair of Criminal Law, Law Institute of Irkutsk State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, e-mail: georgcrime@yandex.ru.

СПОРНЫЕ ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ДОПИНГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются такие признаки объективной стороны допинговых преступлений, как объект посягательства и степень общественной опасности деяния. Автор приходит к выводу о том, что законодатель, внедряя ст. 230.1 и 230.2 в Уголовный кодекс Российской Федерации, исходил не из опасности субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для здоровья спортсменов. Он руководствовался, прежде всего, стремлением обеспечить равные возможности для всех соревнующихся в достижении победы. Соответственно, главной целью была не защита здоровья населения в целом и спортсменов, в частности, а обеспечение честных или справедливых результатов соревнований. На основании этого автор делает вывод о том, что гл. 25 для размещения статей о допинговых преступлениях была выбрана неверно.

Ключевые слова: спорт; склонение; использование; допинговые преступления; объект преступного посягательства; степень общественной опасности.

D.V. Zhmurin

CONTROVERSIAL SIGNS OF THE OBJECTIVE SIDE OF DOPING CRIMES

The article considers such signs of the objective side of doping crimes as the object of encroachment and the degree of general danger of the act. The author comes to the conclusion that the author, introducing articles 230.1 and 230.2 into the Criminal Code of the Russian Federation, did not proceed from the danger of substances and (or) methods prohibited for use in sports for the health of athletes. He was guided, first of all, by the desire to ensure equal opportunities for all those competing in achieving victory. Accordingly, the main goal was not to protect the health of the population in general and athletes in particular, but to ensure fair or fair results of competitions. Based on this, the author concludes that Chapter 25 was chosen incorrectly to place articles on doping crimes.

Keywords: sports; declination; use; doping crimes; the object of criminal encroachment; the degree of public danger.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» содержит ст. 230.1 «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» и ст. 230.2 «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте». В научной литературе данные преступления получили название «допинговые» [1]. В качестве объекта преступления законодатель по-

зиционирует общественные отношения, обеспечивающие здоровье населения, а также честные результаты соревнований, что, на наш взгляд, выглядит довольно спорно.

В случае с допинговыми преступлениями здоровью населения, в том числе и спортсменов, как правило, ничего не угрожает. Дело в том, что из 12 разделов Всемирного антидопингового кодекса всего два содержат действительно опасные средства и вещества (наркотики и кананбиоиды). Остальные 10 разделов посвящены описанию различных лекарств, применяемых для лечения болезней, которые находятся в свободном обороте и продаются без ограничений. Так, сложно представить вред здоровью населения от лечения печально известным мельдонием или диуретиками. Получается, что врач, выписывающий обычному человеку, например, сосудосуживающие капли в нос в период простуды, не только не совершает преступления, но и выполняет свой профессиональный долг. Совершая те же действия с объективной стороны, но в отношении спортсмена, врач превращается в преступника, угрожающего здоровью населения. Логика очень сомнительная.

Следовательно, законодатель исходил не из опасности субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для здоровья спортсменов, а из каких-то других соображений. Он руководствовался, прежде всего, стремлением обеспечить равные возможности для всех соревнующихся в достижении победы. Соответственно, главной целью была не защита здоровья населения в целом и спортсменов, в частности, а обеспечение честных или справедливых результатов соревнований. На основании этого полагаем, что гл. 25 для размещения статей о допинговых преступлениях была выбрана неверно.

Кроме объекта преступления, крайне спорно выглядит обозначенная законодателем степень общественной опасности деяний, перечисленных в допинговых статьях. А ведь именно степень общественной опасности позволяет квалифицировать деяние как преступление, административное правонарушение, дисциплинарный проступок или гражданско-правовой деликт. В этом случае мы солидарны с мнением Т.Г. Понятовской, которая настаивает на политической обусловленности данного уголовно-правового запрета [2]. И действительно, другие доводы для криминализации деяний, перечисленных в допинговых статьях вряд ли можно найти. Анализируемые статьи УК РФ были приняты под давлением международных антидопинговых и спортивных организаций со ссылкой на опыт других, преимущественно, европейских стран. Период их разработки и внедрения в УК РФ приходится на разгар «допинговых разоблачений», инициированных Г.М. Родченковым после Олимпиады-2014 в Сочи. Поэтому юридическая техника построения и расположения ст. 230.1 и 230.2 УК РФ оставляет желать лучшего. Просчеты нормотворческого характера сказываются и на правоприменительной практике: за 5 лет существования допинговых статей был вынесен всего лишь 1 обвинительный приговор российского суда [3], тогда как за нарушение антидопинговых правил ежегодно дисквалифицируются десятки российских спортсменов (в 2019 г. было дисквалифицировано 69 спортсменов, 2020 г. – 50, на текущий период 2021 г. – 26 [4]). Получается, что большинство нарушений носит для российского правосудия латентный характер [5], ошибочно квалифи-

цируется как дисциплинарный проступок и не получает должной юридической оценки. Полагаем, ст. 230.1 и 230.2 УК РФ следует переосмыслить, найдя им более правильное место в УК РФ, снабдив их более точными формулировками признаков объективной стороны преступления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева А.П. Преступность в сфере профессионального спорта: криминологическое исследование / А.П. Алексеева. – Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2010. – 120 с.

2. Понятовская Т.Г. Спортивные отношения и уголовно-правовое регулирование / Т.Г. Понятовская // Союз криминалистов и криминологов. – 2019. – № 1. – С. 95–101.

3. Уголовное дело 1-28/2020 (1-658/2019) // ГАС Правосудие: сайт. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 18.07.2021).

4. Список российских спортсменов, нарушивших антидопинговые правила, и в отношении которых общероссийскими спортивными федерациями с 1 января 2009 г. по настоящее время были вынесены санкции. По состоянию на 18.08.2021 // РусАДА: сайт. – URL: <https://rusada.ru/upload/iblock/246/Список%20дисквалифицированных%20спортсменов%20РУС.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

5. Заблоцкая А.Г. Латентная преступность: понятие, причины, способы измерения и противодействия : учеб. пособие / А.Г. Заблоцкая, А.П. Алексеева, Е.Е. Колбасина. – Волгоград : Волгоград. акад. МВД России, 2008. – 88 с.

Информация об авторе

Жмурин Дмитрий Владимирович – начальник учебного отдела Волгоградской академии МВД России, e-mail: jmurindv@yandex.ru.

Author

Zhmurin Dmitry Vladimirovich – Head of the Training Department of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: jmurindv@yandex.ru.

НЕКОТОРЫЕ НЕОДНОЗНАЧНЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

В статье авторы рассматривают некоторые современные тенденции определения уголовно-правовой политики в сфере защиты прав и свобод личности. Акцент сделан на определение обоснованности возврата некоторых форм административной преюдиции в уголовное законодательство. Определена отправная точка в изменении законодательного подхода к оценке роли преюдиции в уголовном законе. Проведен анализ действующего уголовного законодательства и выявлены разновидности подходов к современному восприятию роли административной преюдиции. На примере нормы, предусматривающей уголовную ответственность за побои, проиллюстрированы отдельные проблемы, порожденные законодательными манипуляциями в рассматриваемой сфере. Затронут вопрос о роли уголовного проступка в свете обозначенных проблем существования уголовной акцессорности от административного законодательства. Сделан вывод о необходимости усиления качества стратегического определения уголовного законодательства в современном аспекте.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика; административная преюдиция; уголовное судопроизводство; права и свободы личности; уголовный проступок.

S.A. Koryagina, I.O. Kravchenko

SOME AMBIGUOUS ASPECTS OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN THE FOCUS OF MODERN CRIMINAL LAW POLICY

In the article, the authors consider some modern trends in the definition of criminal law policy in the field of protection of individual rights and freedoms. The emphasis is placed on determining the validity of the return of some forms of administrative prejudice to criminal legislation. The starting point in changing the legislative approach to assessing the role of prejudice in the criminal law is determined. The analysis of the current criminal legislation is carried out and the varieties of approaches to the modern perception of the role of administrative prejudice are identified. Using the example of the norm providing for criminal liability for beatings, some problems generated by legislative manipulations in this area are illustrated. The question of the role of criminal misconduct in the light of the identified problems of the existence of criminal accessory from administrative legislation is raised. The conclusion is made about the need to strengthen the quality of the strategic definition of criminal legislation in the modern aspect.

Keywords: criminal law policy; administrative prejudice; criminal proceedings; personal rights and freedoms; criminal misconduct.

В последнее время на страницах юридической научной литературы, большое внимание уделяется правовому регулированию защиты прав и свобод граждан в сфере уголовного судопроизводства. Между тем, обращает на себя внимание то, что правоприменительная практика не вполне оправдывает назначения уголовного судопроизводства, особенно в части адресного реагирования на нарушения прав граждан, потерпевших от преступления, и принятия мер к их восстановлению. Об этом пишут многие ученые, например в проведенном И.Г. Смирновой исследовании указывается на крайне неудовлетворительную ситуацию с защитой лиц, потерпевших от преступления. По данным официальной статистики, каждый десятый гражданин в России становился потерпевшим от преступления, а фактически с учетом латентности жертвой становился каждый четвертый [5].

На заседании координационного совета уполномоченных по правам человека в 2019 г. «Защита прав потерпевших в уголовном и административном процессе», а также на совместной конференции Комитета Совета Федерации по Конституционному законодательству и государственному строительству «Совершенствование уголовной политики и повышению гарантий потерпевших» в 2020 г. участниками конференции отмечались недостатки, среди которых выделили проблемы защиты прав потерпевших при приеме, регистрации и рассмотрении заявлений о преступлениях, акцентировав, что именно на первоначальном этапе уголовного процесса очевидны недостатки, с одной стороны, законодательного регулирования, с другой, – правоприменительной практики. В работе конференции приняла участие Уполномоченный по правам человека Российской Федерации Т.Н. Москалькова, которая указала, что проблема семейно-бытовых конфликтов в настоящее время является тревожным обстоятельством и обязывает государство ликвидировать все формы насилия, особенно если насильственные действия направлены в отношении женщин и детей [7].

За последнее десятилетия по данной проблеме в Государственную думу РФ были внесены различные законопроекты. Однако, принятые нормативно-правовые акты не лишены недостатков, поэтому требуют всестороннего исследования как со стороны научно-теоретического осмысления, так и детального анализа судебной-следственной практики. Напомним, что в уголовном законодательстве нанесение побоев, или иных насильственных действий, является уголовным наказуемым деянием, и предусмотрено ст. 116 УК РФ, однако уголовно-правовое значение возможно при наличии хулиганских побуждений, по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, ненависти или вражды в отношении социальной группы, что значительно сузило возможности привлечения к уголовной ответственности лиц за нанесение побоев.

Вместе с тем, в 2016 г. указанная норма была дополнена ст. 116.1 УК РФ (ФЗ от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ) «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию», т.е. получила закрепление административная преюдиция, усиливающая ответственность за побои, регламентированная в Административном кодексе РФ (ст. 6.1.1 КоАП РФ). Иными словами, лицо, совершающее повторно нанесение побоев, уже подвергнутое административному

наказанию, за аналогичное деяние подлежит ответственности по уголовному законодательству.

Между тем, по справедливому замечанию Н.А. Лопашенко, уголовное законодательство лишилось отраслевой самостоятельности, поскольку в действительности демонстрируется «акцессорность» по отношению к законодательству административному. Более того, уголовный закон может быть применен только к преступлению, иначе «машина правосудия завязнет в бесконечном процессе различия степеней общественной опасности» [3]. Не вдаваясь в дискуссию «за» и «против» возвращения административной преюдиции в Уголовный кодекс, отметим, что применительно к ст. 116.1 УК РФ вопрос, связанные с общественной опасностью как криминообразующим признаком, остается открытым. Криминализация деяния с административной преюдицией может быть эффективным инструментом только при детальном учете законодателем множества факторов – степени общественной опасности деяния, периодичности их совершения, неблагоприятной динамики правонарушений, тяжести причиненных последствий, формы вины, особенностей субъекта преступления [2].

Наряду с этим, законодательная регламентация ст. 116.1 УК РФ порождает в правоприменительной практике ряд вопросов – в частности, привлечение лица к уголовной ответственности по указанной норме, если лицо имеет не снятую и не погашенную судимость. Причем ответственность установлена только для лиц, совершивших деяние в период, когда они были подвергнуты административному наказанию (специальный субъект). Иными словами, по истечении одного года со дня окончания исполнения административного наказания (ст. 4.6 КоАП РФ), содеянное оценивается как административное правонарушение, совершенное впервые, даже если лицо имеет судимость. Очевидно, что данная норма не обеспечивает уголовно-правовую защиту потерпевшего от повторного нанесения побоев лицом имеющего судимость, за аналогичное преступление, причем в отношении одного и того же потерпевшего.

В качестве примера можно привести Постановление Конституционного суда РФ «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 УК РФ в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой». В документе отмечается, что норма 116.1 УК РФ не обеспечивает должный уровень защиты прав потерпевших от семейно-бытового насилия, что нарушает принцип равенства и справедливости, особенно если не учитывается состояние предшествующей судимости лица, за аналогичное противоправное деяние. Судимость как правовое последствие дает основание говорить о существовании особых правовых отношений лица с государством, которые являются основанием для оценки его личности и преступных действий как обладающих повышенной опасностью, что, безусловно, следует учитывать и при выборе соответствующих правовых мер воздействия [1]. Таким образом, в ст. 116.1 УК РФ следует внести изменения с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ.

Между тем, в проекте Федерального закона от 6 апреля 2021 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115 УК РФ, ст. 116.1 УК РФ, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ»,

предлагается перевести уголовные дела об умышленном причинении легкого вреда здоровью без отягчающих обстоятельств, о нанесении побоев лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, о клевете без отягчающих обстоятельств в категорию дел частного-публичного обвинения, поскольку данные преступления рассматриваются мировыми судьями в порядке частного обвинения, что предполагает подачу заявления в суд, самостоятельный сбор доказательств по делу.

Доказывание вины подсудимого, а также прекращение уголовного дела за примирением сторон, зависит от позиции потерпевшего при незначительном вмешательстве государства. В то же время, побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью без отягчающих обстоятельств являются распространенными преступлениями семейно-бытового насилия, предупреждение которого требует активного участия государства, как основного гаранта защиты прав и свобод граждан, что невозможно обеспечить в порядке частного уголовного преследования.

Обращает на себя внимание Постановление Пленума Верховного суда № 42 от 31 октября 2017 г. о внесении в Государственную Думу проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, связанные с введением понятия уголовного проступка». Уполномоченный по правам человека РФ, Т.Н. Москалькова высказала мнение о необходимости правового разработки института «уголовного проступка», который с минимальной общественной опасностью выше административного правонарушения, но ниже уголовного деяния, влекущего судимость [5].

Основная полемика в науке ведется относительно самой возможности существования административной преюдиции, прежде всего – из-за возникающего конфликта отраслей права, противоречия признакам преступления и неоднозначности понимания сущности общественной опасности при условии совершения предшествующего правонарушения. Классическое понимание общественной опасности как определяющего признака преступления сводится к его направленности на определение качественной составляющей деяния. На волне научных дискуссий совершенно логично возникает вопрос о самой возможности изменения качества при повторности совершения правонарушения и, соответственно, о способности перерастания правонарушения при таких условиях в преступление.

В этой связи именно уголовный проступок, при всей дискуссионности целесообразности его введения в уголовное законодательство, призван сгладить наиболее острые проблемы существования административной преюдиции. Именно акцент на специфичность уголовного проступка, имеющего особое содержание, отличающее его как от преступления, так и от административного правонарушения, способен минимизировать возникшую сложную ситуацию в уголовном праве.

В действующей редакции УК РФ по состоянию на 1 сентября 2021 г. содержится 18 норм, предусматривающих административную преюдицию, что свидетельствует об усилении внимания законодателя к аксессуарной от админи-

стративного закона оценке общественной опасности преступлений. Так, изменения в УК РФ, устанавливающие уголовную ответственность лиц, ранее подвергнутым административному наказанию или административной ответственности, вносятся в уголовный закон с разной степенью интенсивности начиная с 2011 г. Самая активная работа приходится на 2014, 2016 и 2018 гг., только в 2012 г. рассматриваемая законодательная деятельность отсутствовала. Подробная информация отражена на рис. 1.

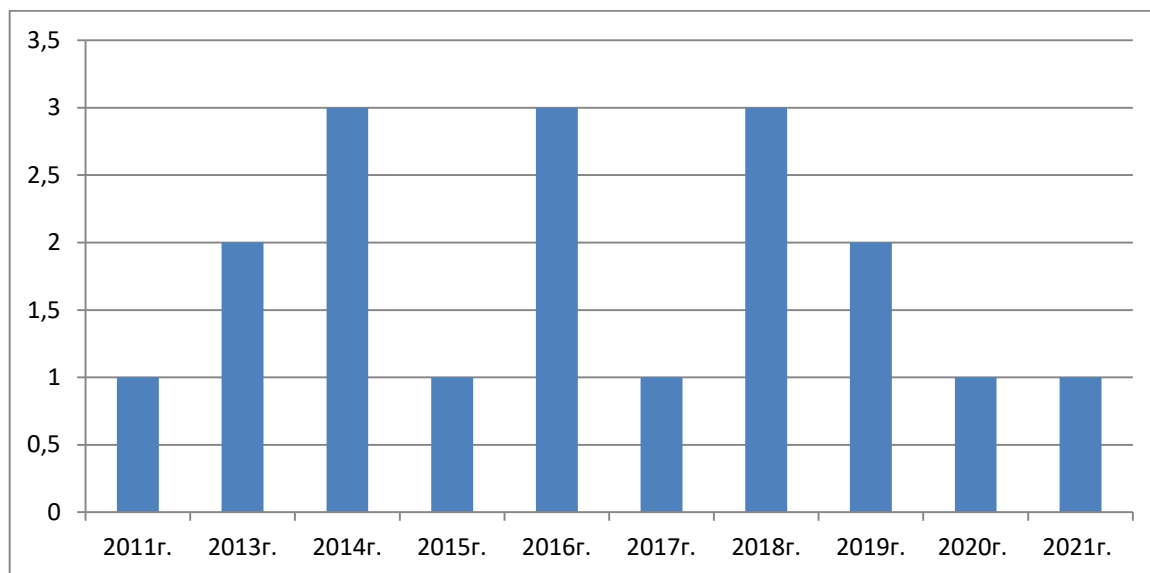

Рис. 1. Количество федеральных законов, вносящих изменения в УК РФ, предусматривающих административную преюдицию

В указанных нормах, содержащих административную преюдицию, законодатель использует разные подходы к характеристике условий акцессорности для привлечения виновного к уголовной ответственности. Так, в большинстве случаев речь идет о «лице, подвергнутом административному наказанию» – это ст. 116.1, 158.1, 191, 193, 215.1, 255, 264, 284.1, 315 и 330 УК РФ. Достаточно часто законодатель апеллирует понятием «неоднократность» совершения деяния, раскрывая его через вышеуказанную категорию – это ст. 151.1, 157, 171.1 и 215.4 УК РФ, или через предшествующую привлеченность к административной ответственности – ст. 212.1 и 314.1 УК РФ. Кроме того, употребляется свойство «привлеченность к административной ответственности» в ст. 280.1 и 282 УК РФ. Однако данные понятия не являются синонимичными, что, безусловно, создает проблемы для уяснения подлинного смысла уголовного закона и явно создает проблемы на практике. Действительно, рассматриваемые признаки содержат в себе неодинаковую смысловую нагрузку и, прежде всего, это касается сроков их исчисления. Обозначенные тенденции законодательной воли отражены на рис. 2.

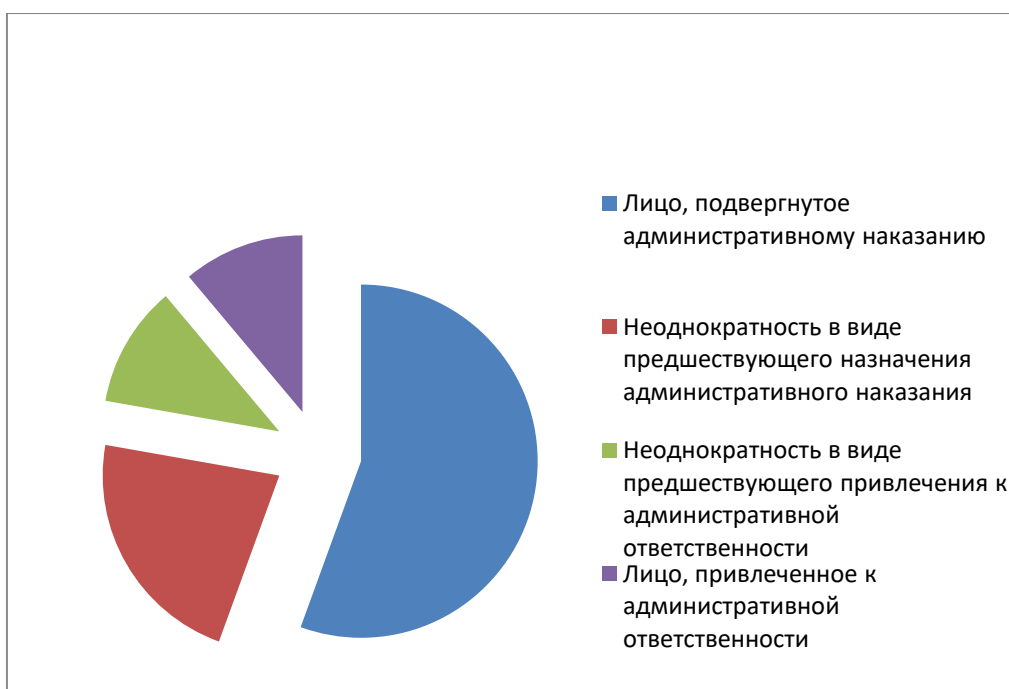

Рис. 2. Законодательные конструкции, используемые для характеристики административной преюдиции

Особого внимания заслуживает позиция законодателя, ярко иллюстрирующая хаотичность его мысли, в виде «двойного отката назад». Сначала отказ от использования в УК РФ самого подхода, предусматривающего административную преюдицию, затем отказ от неоднократности в уголовном праве, а затем поступательное введение преюдиции, в том числе – основанной на неоднократности привлечения к административной ответственности или назначения административного наказания.

Совершенно справедливо отмечено, что в настоящее время в уголовном законодательстве отсутствует единое понятие административной преюдиции [4, с. 70]. Решение вопроса о целесообразности ее присутствия в уголовном законодательстве или переходе на новый формат, связанный с разработкой института уголовного проступка, требует глубокого осмысления, стратегического подхода и глобального планирования. Поэтому точечные варианты в фокусе глобальности проблемы не имеют права на существования. Только в рамках глубинного исследования обозначенных течений, при формировании общих направлений уголовно-правовой политики можно приблизиться к разрешению данной проблемы. В этой связи только правильно и грамотно построенная уголовная политика может изменить конфигурацию законодательного решения обозначенных проблем. Фокусирование на урегулировании отдельных локальных вопросов приводит к разрушению целостности уголовного закона, подрыве его самостоятельности и мутационной трансформации уголовно-правовой политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинин Г.Ю. Учет судимости при исполнении наказаний : практ. рек. – Рязань : Академия ФСИН России, 2013. – 26 с.

2. Коробеев А.И. Административная преюдиция в уголовном праве России: назад в будущее? // Судья. – М., 2017. – № 8 (80). – С. 17–19. – URL: <https://biblioclub.ru>.

3. Лопашенко Н.А. Административная преюдиция в уголовном праве нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3. – С. 64–71.

4. Макеева И.С., Жижилева А.А. Административная преюдиция в уголовном праве: особенности конструирования норм и их применения // Право: ретроспектива и перспектива. – 2021. – № 1 (5). – С. 64–70.

5. Москалькова Т.Н. предложила ввести в Уголовный Кодекс РФ статью об уголовном проступке. – URL: <http://tass.ru>.

6. Смахтин Е.В., Смирнова И.Г. Обеспечение защиты прав потерпевшего уголовно-процессуальными и криминалистическими средствами при реализации назначения уголовного судопроизводства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – (Т. 9) № 2. – С. 359–369.

7. Соблюдение и защита прав потерпевших в уголовном процессе: тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – М. : Изд-во Проспект, 2020. – 64 с.

Информация об авторах

Корягина Светлана Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета, e-mail: koryagina.sveta@yandex.ru.

Кравченко Ирина Олеговна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета, e-mail: IOKravchenko16@mail.ru.

Authors

Koryagina Svetlana Anatolievna – candidate of legal Sciences, associate Professor, associate Professor, Department of criminal law, criminology and the criminal process, fsbee HPE "Baikal state University", e-mail: koryagina.sveta@yandex.ru.

Kravchenko Irina Olegovna – candidate of legal Sciences, associate Professor, associate Professor, Department of criminal law, criminology and the criminal process, fsbee HPE "Baikal state University", e-mail: IOKravchenko16@mail.ru.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Рассматриваются проблемы законотворческой деятельности в сфере уголовной юстиции, что демонстрируется на примере законопроекта № 1054118-7 «О внесении изменений в статью 263.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», правовой анализ которого дан в настоящей статье. Выявлены ряд типичных недостатков публикуемых законопроектов, с точки зрения их юридической техники, согласованности с нормами уголовного законодательства и перспектив правового регулирования. Высказаны предложения по комплексной проработки законопроектов с участием правоведов, лингвистов, с целью минимизации ошибок и пробелов в правоприменительной сфере.

Ключевые слова: законопроект; юридическая техника; уголовная юстиция; законотворческий процесс; уголовная ответственность.

M.I. Oreshkin

SEPARATE PROBLEMS OF LEGISLATIVE ACTIVITIES IN THE FIELD OF CRIMINAL JUSTICE AND THE WAYS OF THEIR SOLUTION

The article considers the problems of activities in the field of criminal justice, which is demonstrated by the example of the law-project No. 1054118-7 "On Amendments to Article 263.1 of the Criminal Code of the Russian Federation", the legal analysis of which is given in the article. The article identifies the typical shortcomings of published bills, the point of view of their legal technique, consistency with the norms of the criminal series and the prospects for legal regulation. Proposals were made for a comprehensive study of draft laws with the participation of lawyers, linguists, in order to minimize errors and gaps in the law enforcement sphere.

Keywords: draft Law; legal technique; criminal justice; legislative process; criminal liability.

Говоря о защите прав человека в юридической плоскости, для всех нас очевидно, что уровень защиты напрямую зависит от качества принимаемых законов. К сожалению, в последнее время реальность такова, что многие законы, в том числе и в области уголовной юстиции, не выдерживают испытания временем, что влечет впоследствии их многочисленные правки, вплоть до полной их отмены. С учетом действия правила об обратной силе уголовного закона, возникают проблемы в правильном применении законодательных новелл и как следствие ошибки в судебной и следственной практике. Применительно к Уголовному кодексу можно привести пример норм, которые претерпевали неоднократные изменения, отменялась, либо кардинально редактировались, но вновь

возвращались в новой редакции: ст. 128.1 – клевета, ст. 226.1 – контрабанда, ст. 116 – побои, ст. 213 – хулиганство, и т.д.

Серьезную озабоченность вызывают так называемые пакетные законопроекты, принятие которых зачастую обусловлено новыми веяниями в государственной политике, возникающими, нередко, после каких-то громких происшествий, активно муссируемых в средствах массовой информации. Изменения в Уголовный кодекс вносятся в ускоренном порядке, без должной их проработки и надлежащей юридической оценки. Появляются новые статьи в Особенной части УК РФ, либо принимаются новые редакции действующих статей. В процессе применения таких норм возникают серьезные проблемы с их толкованием, соотношением с другими положениями уголовного законодательства и других отраслей права, либо данные новеллы выпадают в осадок, поскольку применить их в практике становится сложным.

Примерами тому служат ряд пакетных законопроектов, принятых в течение последних нескольких лет. Сразу хочу обмолвиться, что в целом подход в комплексном регулировании отдельных сфер уголовно-правовых отношений оправдан, но если только он выполнен не по принципу затыкания дыр и выступает средством временного громоотвода. Согласно статистическим данным принятые пакетом новые статьи Особенной части УК РФ либо мало используются на практике, либо не применяются совсем. Если уголовные дела и возбуждаются в единичных случаях, то впоследствии прекращаются, что в свою очередь связано с несовершенством конструкций составов преступлений. Можно сказать о том, что в последнее время проблема качества уголовных законов приобрела системный характер. Для того, чтобы лучше разобраться в причине возникновения этой проблемы, следует обратиться к этапам законотворческого процесса, начиная со стадии поступления и регистрации законопроекта.

В последнее время все чаще приходится слышать критику в адрес народных избранников – депутатов различных уровней законодательной власти. Справедливости ради следует отметить, что подобная критика далеко не всегда носит объективный и конструктивный характер, особенно в период избирательных кампаний. Чем выше уровень представительного органа, тем выше должны быть требования, предъявляемые к депутатскому корпусу с точки зрения их профессиональной пригодности, компетентности, и это вполне объяснимо.

Я не имею резко выраженных симпатий или антипатий к каким-либо политическим партиям. Будучи погруженным в свою работу, я стараюсь отслеживать тенденции к изменению действующего законодательства в режиме реального времени с целью оперативного контроля законодательной базы. Поэтому просматриваю зарегистрированные законопроекты в области уголовного и уголовно-процессуального законодательства на каждом этапе законотворческого процесса. К сожалению, в последние годы большинство законодательных инициатив не обладают должной степенью проработанности, в связи с чем имеют мало шансов на то, чтобы быть принятыми. Но и те законопроекты, которые становятся законами, зачастую не дают ожидаемого эффекта, уходят в осадок и не работают. Поэтому остается не так много по-настоящему качественных, за-

служивающих внимания законопроектов, которые, что называется, «цепляют» взгляд специалистов.

Тот законопроект, о котором пойдет речь, остался бы для меня ничем не примечательным, рядовым и бесперспективным и быстро стерся бы из памяти, если бы изобилие ошибок и юридических ляпов, которые легко заметит не только специалист в области уголовного права, но и простой обыватель, окончивший среднюю школу.

Речь идет о законопроекте № 1054118-7 «О внесении изменений в ст. 263.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», официально зарегистрированном и направленном Председателю Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации для его рассмотрения по существу, Председателям Правительства и Верховного суда России для предоставления официальных отзывов на него. Законопроект подписан восемью депутатами Государственной Думы РФ: И.С. Пиляевым, А.Б. Курдюмовым, А.Ю. Морозовым, С.Г. Каргиновым, Н.В. Березиным, С.В. Натаровым, А.В. Андрейченко, М.С. Зайцевым. Ранее не приходилось слышать данные фамилии, их партийная принадлежность в тот момент меня не интересовала. Да и в рамках настоящей публикации я предпочитаю об этом не говорить. Является ли законопроект продуктом коллективного труда лиц, поставивших свои подписи под ним, или данную заслугу можно отнести лишь к депутату, подписавшему обращение к высшим должностным лицам Российской Федерации, – И.С. Пиляеву, достоверно установить уже будет сложно, да это и не имеет сейчас столь существенного значения. О чем этот вроде бы ничем не примечательный законопроект и чем, на мой взгляд, он получил такую яркую окраску? Начнем по порядку.

Во-первых, законопроект изобилует множеством орфографических, грамматических и стилистических ошибок, которые просто режут глаз. Я обратился к профессиональному корректору, который внес по тексту соответствующие правки, выделив их красным цветом, что я и прилагаю к настоящей публикации (рис.). Как вы думаете, какую оценку получил бы школьник по русскому языку, если бы он оказался на месте депутатов Государственной Думы, подписавших данный законопроект? Хотел бы заметить, что этот официальный документ готовится за подписью Президента России, фамилия которого почему-то отсутствует. У простого обывателя может даже сложиться впечатление, что законопроект уже подписан, но не одним лицом, как предполагается, а целой группой, о чем говорят восемь беспорядочных неразборчивых подписей.

Вносить исправления ручкой в готовый печатный текст официального документа – проекта федерального закона, на мой взгляд, является невежеством. Я не могу себе позволить это сделать даже при написании обычных документов в своей работе, что не только сразу бросается в глаза их адресатам, но и является проявлением элементарного неуважения, особенно если таких исправлений в тексте несколько. При наличии таких ляпов дежурная фраза «С уважением...» впечатанная в тексте обращения к Председателю Верховного суда России перед подписью автора этого законопроекта, приобретает оттенок иронии.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕДЬМОГО СОЗЫВА

ДЕПУТАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

11 11 2020г.

№ _____

Председателю
Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации

В.В. ВОЛОДИНУ

Уважаемый Вячеслав Викторович!

На основании статьи 104 Конституции Российской Федерации вносится на рассмотрение Государственной Думы в качестве законодательной инициативы проект федерального закона «О внесении изменений в статью 263.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», подготовленного к внесению в Государственную Думу. *Нгий*

Приложение:

1. Текст законопроекта на 1л. в 1 экз.
2. Пояснительная записка на 2л. в 1 экз.
3. Перечень актов федерального законодательства, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению, дополнению или принятию в связи с принятием федерального закона на 1л. в 1 экз.
4. Финансово-экономическое обоснование на 1л. в 1 экз.
5. Копия текста законопроекта и материалов к нему на магнитном носителе - 1 шт.

173899*631208

Государственная Дума ФС РФ
Дата 11.11.2020 16:50
№1054118-7; 1.1

И.С. Пиляев

Вносится депутатами
Государственной Думы
Пиляевым И. С.
Курдюмовым А.Б.
Морозовым А.Ю.
Каргиновым С.Г.
Березиным Н.В.
Натаровым С.В.
Андрейченко А.В.
Зайцевым М.С.

Проект 1054118-7

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

О внесении изменений в статью 263.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

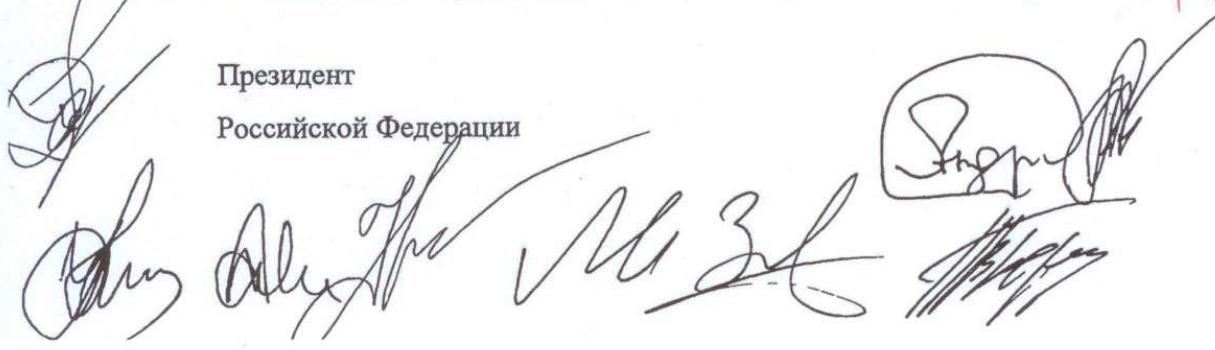
Статья 1

Внести в статью 263.1 УК РФ (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 25, ст. 2954; 1998, № 26, ст. 3012; 2001, № 11, ст. 1002; 2003, № 50, ст. 4848; 2009, № 7, ст. 788; № 52, ст. 6453; 2010, № 31, ст. 4164; 2011, № 11, ст. 1495; № 45, ст. 6334; № 50, ст. 7362; 2015, № 1, ст. 81; 2016, № 27, ст. 4261; 2019, № 17, ст. 2028) следующие изменения:
дополнить п.5 следующего содержания: Неисполнение требований по соблюдению ГОСТ Р 57145-2016 в части установки нестационарных специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме и имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах -

наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо ограничением свободы на срок до одного года

№
Н^обы
Va

Президент
Российской Федерации

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

к проекту федерального закона

«О внесении изменений в статью 263.1 Уголовного кодекса
Российской Федерации»

Частные камеры видеofиксации нарушений ПДД в настоящее время являются законным вариантом для привлечения автовладельцев к ответственности по нормам КоАП РФ. При соблюдении правил установки указанных средств контроля выписанное постановление будет являться обязательным для уплаты штрафа, а в ряде случаев и для наложения санкции в виде лишения прав. Средства видеofиксации нарушений на дороге могут передаваться в частные руки на основании государственных контрактов, заключаемых между службой ГИБДД, региональными управлениями дорожного хозяйства и юридическими лицами или частными предпринимателями. Предметом указанных соглашений выступает эксплуатация и текущее обслуживание комплексов видеонаблюдения. Правила установки мобильных камер видеofиксации нарушения ПДД регламентируются ГОСТом Р 57145-2016 а согласно п. 5.1 в действующей редакции носят рекомендательный, а не обязательный характер, более того имеют место частые случаи установки данных в отсутствие табличек 8.23, что нередко является причиной конфликтных ситуаций на между автовладельцами и недобросовестными и организациями и индивидуальным предпринимателям в силу отсутствия законодательных мер воздействия на последних, т.к.? злоупотребление нарушениями при установке видеокомплексов фиксации ПДД даст возможности и для массового, незаконного сбора денежных средств с автовладельцев в виде штрафов, а в некоторых случаях и при отсутствии нарушений автовладельцем ПДД. На сегодняшний день камеры недобросовестные частные организации и индивидуальные предприниматели устанавливают не там, где существует повышенная аварийность, а там, где

ШРИФТ

ш ✓✓

Нередко видеонаблюдения
без
и ✓

а Н

б кол

* Очень длинное предложение, желательно сократить.

максимально часто нарушается скоростной режим, искусственно создают «аварийный участок» несколькими мелкими авариями, о чем извещают в СМИ, маскируют видеокамеры в придорожных лесопосадках, за поворотами, за кузовом автомобиля или прямо на машине, устанавливают камеры некорректно, либо изменяют настройки погрешности. В результате нарушений ГОСТов недобросовестными частными организациями не решается проблема безопасности дорожного движения. Учитывая, что на основании Федерального закона от 08.11.2007 N 257-ФЗ (ред. от 01.03.2020) "Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" камеры видеofиксации относятся к элементам обустройства объекта транспортной инфраструктуры, и как аппаратное средство выступает объектом сбора статистических данных при финансовых взаимоотношениях, в целях безопасности населения и финансовой защиты от действий недобросовестных организаций и индивидуальных предпринимателей законопроектом предлагается ввести Уголовную степень ответственности за нарушение правил установки передвижных комплексов видеofиксации ПДД, и дополнить соответствующей нормой уже действующую ст. 263.1 УК РФ. Нарушение требований в области транспортной безопасности.

№

а)
б)
в)
г)
д)
е)
ж)
з)
и)
к)
л)
м)
н)
о)
п)
р)
с)
т)
у)
ф)
х)
ц)
ч)
ш)
щ)
ъ)
ы)
э)
ю)
я)

Handwritten signatures and text, including the name "Норматив" (Normative) written in the center.

Во-вторых, пояснительная записка к законопроекту изложена в тяжело читаемом стиле, выполнена разными шрифтами. Что хотели сказать инициаторы законопроекта в этой записке, можно с трудом понять только после многократного ее прочтения, и то не в полной мере. Смысл законопроекта сводится к установлению повышенного контроля за средствами видеофиксации на дорогах, что, бесспорно, является актуальным для многих автовладельцев. Но как предлагается решить эту проблему? Используемые в тексте слова и выражения невольно вызывают ряд вопросов: «частные камеры» (А какие еще бывают камеры?); «законный вариант для привлечения автовладельцев к ответственности» (А может быть и незаконный вариант привлечения к ответственности?); «выписанное постановление» (даже студент юридического вуза знает, что постановления не «выписывают», а выносят); «...передаваться в частные руки на основании государственных контрактов» (А допустимо ли смешение разговорных и официальных стилей в подобных документах?); «...действующие рекомендации носят рекомендательный характер» («Рекомендательные рекомендации» – это имел в виду автор?); «уголовная степень ответственности» (Что за новая юридическая терминология, неизвестная ранее?) и т.д. Я не говорю уже об отсутствии в этом документе логической структуры построения предложений, смешении специальных терминов и их неверном использовании. Неужели подобный сермяжный язык изложения приемлем для официального документа? Можно сколько угодно пытаться объяснить имеющиеся обороты тем, что «писали другие, мы только поставили свои подписи, не особо вдаваясь в то, что принесли», но это уже не важно. Как говорится, «что написано пером, не вырубить топором».

В-третьих, предлагаемый законопроект с точки зрения юридической техники со всей очевидностью не отвечает предъявляемым требованиям, а если говорить начистоту, то является юридически безграмотным. Законопроектом предлагается дополнить ст. 263.1 Уголовного кодекса РФ еще одним пунктом, пятым, но если мы обратимся к ст. 263.1, то увидим, что никаких пунктов в этой статье нет. Каждый юрист знает, что статья Уголовного кодекса РФ может включать в себя части, которые в свою очередь могут иметь пункты. В ст. 263.1 Уголовного кодекса РФ в настоящее время имеется четыре части, без отдельных пунктов. То есть автор предлагает дополнить то, чего нет.

Состав преступления, который сформулирован в настоящее время в ч. 1 ст. 263.1 Уголовного кодекса РФ, предусматривает уголовную ответственность за неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба. Как мы видим, обязательным условием привлечения к уголовной ответственности является наступление общественно опасных последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью человека или крупного ущерба, который, согласно примечанию к данной статье, должен превышать один миллион рублей. Говоря юридическим языком, состав преступления является материальным, т.е. в окончательном составе преступления указанные последствия всегда должны быть. Это и разумно, так как нарушений в области функци-

онирования транспортной инфраструктуры каждый день совершается великое множество, но далеко не все они приводят к тяжким последствиям.

Что же предлагают инициаторы законопроекта? Они предлагают возбуждать уголовные дела и привлекать к уголовной ответственности за любые нарушения требований ГОСТа Р № 57145-2016 в части установки нестационарных технических средств, работающих в автоматическом режиме. Если следовать букве закона и фиксировать каждое такое нарушение, то в случае принятия законопроекта сотрудники правоохранительных органов погрязнут в рутинной, никому не нужной работе по выявлению таких преступлений, расследованию уголовных дел и их рассмотрению в суде. В противном случае будет иметь место укрывательство преступлений. Наступившие в результате таких нарушений последствия не будут иметь квалифицирующего значения.

Предлагается признать уголовно наказуемыми нарушения требований ГОСТа Р № 57145-2016, который, как признают сами авторы в своей пояснительной записке, носит рекомендательный характер. Другими словами, исполнять или не исполнять его – право каждого, кто работает с такими техническими средствами, но тех, кто будет нарушать требования ГОСТа, непременно ждет уголовное наказание. Где логика?

Более того, специалисты законотворческой деятельности знают, что не следует приводить в диспозиции статьи Уголовного кодекса РФ конкретные ГОСТы, которые не являются федеральными законами: в них часто вносятся изменения, принимаются новые, что автоматически влечет утрату юридической силы бланкетной нормы права. Но знают ли об этом авторы данного законопроекта?

Если обратиться к официальным статистическим показателям, приведенным на сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ, только за последние три года, с 2018 по 2020 г., в нашей стране по ст. 263.1 Уголовного кодекса РФ было осуждено всего три человека, по одному за каждый год, что позволяет сделать вывод о том, что данная норма не работает. В таком случае, зачем заведомо «мертвую» норму дополнять новым, еще более ущербным положением? Зачем плодить сорняки?

Жизнь данного законопроекта ожидаемо оказалась быстротечной. Будучи зарегистрированным и направленным Председателю Государственной Думы РФ 11.11.2020 г., он 20.11.2020 г. был возвращен профильным комитетом Думы его авторам на доработку и впоследствии канул в небытие. При этом законопроект еще до его официальной регистрации успел получить негативный отзыв от Правительства Российской Федерации, что не смутило его авторов.

На этом можно было бы поставить точку и забыть о существовании в прошлом данного, по сути, никчемного документа, но в мелочах всегда хорошо видны более глобальные проблемы. Соглашусь, что далеко не все депутаты демонстрируют подобную небрежность и легкомыслие в своей работе, но надо понимать, что речь идет о разработке и принятии законов, по которым должна жить и развиваться страна. Цена ошибок и халатности в законотворческом процессе слишком велика. Если откровенно популистские законопроекты, не имеющие перспектив стать законами, официально не запрещены, то, может быть,

следует активнее внедрять в работу законодательных органов новые методы, позволяющие в цифровом выражении оценивать эффективность работы каждого депутата.

Критерии оценки необходимо тщательно проработать. Наличие «на коленках набросанных» в нужный момент законопроектов, отвергнутых всеми впоследствии, справедливо должно влечь снижение процента эффективности работы всех депутатов, его подписавших. Может быть, тогда у некоторых народных избранников будет включаться сознание, пусть даже вызванное чувством страха за сохранение собственного имиджа и положительных показателей в работе?

При этом ценность качественных, тщательно подготовленных законопроектов, прошедших все стадии законотворческого процесса и ставших в итоге законами, объективно возрастет, а действительный автор такого законопроекта задумается, стоит ли ему делить свой труд с коллегами, роль которых заключается только в постановке своих подписей под законопроектом. Те же, кто ставит свою подпись под законопроектом, должны не только вникать в его содержание, но и сознавать, что с этого момента они в равной степени разделяют все положительные и негативные результаты такой коллективной работы. Мы, избиратели, в свою очередь должны получить открытый доступ к базе данных, содержащей сводные показатели работы каждого народного избранника в цифровом и процентном выражениях, основанные на объективных и достоверных критериях оценки, апробированных временем.

Информация об авторе

Орешкин Максим Иванович – адвокат, кандидат юридических наук, e-mail: morebaik@yandex.ru.

Author

Oreshkin Maxim Ivanovich – lawyer, candidate of legal sciences, e-mail: morebaik@yandex.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

Описывается динамика состояния и структура современного мошенничества в сфере кредитования в 2016–2020 гг. как одних из наиболее важных характеристик при криминологическом исследовании. Приводится информация о темпах прироста мошенничества в сфере кредитования, а также представлены сведения относительно доли мошенничеств в сфере кредитования в структуре всех видов совершаемых мошенничеств за 2016–2020 гг. Обосновывается вывод относительно того, что динамика состояния мошенничества в сфере кредитования характеризуется как положительная, количество совершаемых каждый год мошенничеств данного вида неукоснительно растет. Демонстрируются практические примеры привлечения виновных лиц к ответственности за мошенничество в сфере кредитования. Исследование проведено на основе официальных статистических данных и анализа теоретических взглядов рассматриваемой темы.

Ключевые слова: мошенничество в сфере кредитования; финансово-кредитная сфера; динамика состояния; структура; криминологическая характеристика.

L.A. Petryakova

CHARACTERISTICS OF THE CURRENT STATE OF FRAUD IN THE FIELD OF LENDING

The article describes the dynamics of the state and structure of modern fraud in the field of lending in 2016–2020 as one of the most important characteristics in criminological research. Information is provided on the growth rate of fraud in the field of lending, as well as information on the share of fraud in the field of lending in the structure of all types of fraud committed for 2016–2020. The conclusion is substantiated that the dynamics of the state of fraud in the field of lending is characterized as positive, the number of frauds of this type committed every year is steadily growing. Practical examples of bringing perpetrators to justice for fraud in the field of lending are demonstrated. The study was conducted on the basis of official statistical data and analysis of theoretical views of the topic under consideration.

Keywords: fraud in the field of lending; financial and credit sphere; state dynamics; structure; criminological characteristics.

Мошенничество в сфере кредитных правоотношений, или отношений, связанных с выдачей и получением кредита, сегодня является наиболее распространенным видом преступлений, совершаемых в финансово-кредитной сфере.

Выдача и получения кредитных денежных средств выступает в качестве некоего экономического средства по улучшению и стабилизации жизни населения, удовлетворению нужд и приобретению товаров и т.д. Сегодня можно с полной уверенностью утверждать, что предоставление средств в виде потребительского кредита является почти самой распространенной услугой в сфере кредитных правоотношений. Вместе с этим данный вид преступлений и число лиц, их совершающих, в связи с популярностью потребительского кредита только растет.

Сфера кредитных и финансовых отношений является наиболее динамичной и быстроразвивающейся по сравнению со многими сферами и отраслями экономики. Несмотря на это, данная область отношений меньше всего защищена от преступных посягательств. Уязвимость связана с отсутствием должной правовой базы, не компетенцией сотрудников правоохранительных органов в вопросах квалификации преступных действий, ежегодным ростом преступлений в виде мошенничества. Государство и общество весьма заинтересованы в защите данной сферы, потому как преступлением в виде мошенничества в сфере кредитования причиняется значимый ущерб.

Исследуется динамика состояния мошенничества в сфере кредитования за последние 5 лет (с 2016 по 2020 г.) на территории Российской Федерации.

Согласно данным официальной статистики Министерства внутренних дел РФ в период с января 2016 г. по декабрь 2020 г. на территории Российской Федерации было совершено в совокупности 408 864 мошенничеств в сфере кредитования¹.

Отмечается существенное увеличение числа зарегистрированных преступлений в виде мошенничества в сфере кредитования в течение 5 лет. Далее будет более существенно рассмотрена динамика состояния мошенничества в сфере кредитования, т.е. конкретные изменения данного вида преступлений относительно временных рамок. Динамика определяется следующими показателями: абсолютный рост, темп роста и темп прироста.

Для исследования показателей динамики мошенничества в сфере кредитования были оформлены в качестве таблицы для последующего их сравнения и анализа.

Динамика состояния мошенничества в сфере кредитования
в России с 2016 по 2020 г.

Динамические показатели	2016	2017	2018	2019	2020
Число совершенных мошенничеств всех видов	208 926	222 772	215 036	257 187	312 176

¹ Динамика состояния мошенничества, предусмотренного ст. 159.1 Уголовного кодекса РФ. Данные официальной статистики МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19655871> (дата обращения: 19.09.2021).

Динамические показатели	2016	2017	2018	2019	2020
Число мошенничеств, совершенных в сфере кредитования	71 099	80 035	79 122	91 543	131 065
Число лиц, осужденных за совершенное мошенничество в сфере кредитования	217 098	236 001	218 999	264 022	330 051
Доля исследуемого вида мошенничеств в общем числе совершенных мошенничеств всех видов, %	34,03	35,93	36,79	35,59	41,98
Темпы прироста – снижения (по базе), %	–	12,6	11,3	28,7	84,3
Темпы прироста – снижения (по цепи), %	–	12,6	–1,1	15,7	43,2

Изучая темпы прироста (снижения) по базе можно сделать следующие выводы: начиная с 2017 г. число зарегистрированных мошенничеств увеличилось не менее, чем на 10 % по сравнению с 2016 г., а максимальное число достигло аж 84,3 % к концу 2020 г.

Относительно темпов прироста (снижения) по цепи важно отметить, что отрицательный показатель, свидетельствующий о снижении числа зарегистрированных преступлений данного вида, отмечается только в 2018 г., в остальных периодах по сравнению с каждым предыдущим прирост составляет не менее 10 %, а к концу 2020 г. по сравнению с 2019 г. и вовсе максимальные 43,2 %.

Также немаловажное значение среди данных динамики занимает доля лиц, осужденных по ст. 159.1 Уголовного кодекса РФ. Можно отметить, что число осужденных лиц всегда больше, чем количество зарегистрированных преступлений данного вида. Отсюда следует, что значительная часть мошенничеств в сфере кредитования совершается группами лиц или организованными группами, когда по одному делу к ответственности привлекается двое и более лиц.

Исходя из результатов исследований статистических данных Министерства внутренних дел РФ и Прокуратуры РФ, можно утверждать, что доля лиц, которые совершили мошенничество в сфере кредитования в одиночку составляет – 83 %, а доля лиц, которые совершили данное преступление в соучастии составляет 14 %, организованной группой лиц – 3 %.

Так, Г., имея умысел на хищение денежных средств, действуя из корыстных побуждений, вступил в преступный сговор с неустановленными лицами, и с целью получения кредита, действуя путем обмана, предоставил в Ц. заведомо ложные сведения о своем месте работы и доходах, наличие которых предусмотрено кредитором в качестве условия, для предоставления кредита, заполнил заявление-анкету на получение кредита для покупки автомобиля. Далее, в продолжение своего преступного умысла, не имея намерения выполнить взятые на себя обязательства по погашению кредита, находясь в помещении указанного Ц., заключил кредитный договор о предоставлении Г. кредита, на основании которого с расчетного счета Ц. были перечислены денежные средства на расчетный счет автосалона для оплаты автомобиля и денежные средства на расчетный счет ММ. для оплаты по договору страхования ТС и оплаты сервисных услуг. После чего, с целью безвозмездного обращения безналичных денежных средств в свою пользу, при заведомом отсутствии намерений возратить их в соответствии с условиями договора, получил на основании договора купли-продажи в автосалоне автомобиль, который передал неустановленным лицам, причинив Ц. ущерб в крупном размере¹.

Г. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 159.1 ч. 3 Уголовного кодекса РФ, ему было назначено наказание в виде лишения свободы на срок два года.

В одиночку данный вид преступлений совершается в 65 % случаев, в соучастии в 21 % случаев, а в организованной группе в 14 % случаев.

Так, в 2016 г. И., согласно отведенной ей роли, реализуя свой корыстный преступный умысел, направленный на совершение мошенничества в сфере кредитования, т.е. хищение денежных средств заемщиком путем предоставления банку заведомо ложных сведений, согласно ранее распределенным ролям, находясь в своей квартире, изготовила путем печати на персональном компьютере и принтере заведомо поддельные официальные документы для получения кредита: справку по форме 2-НДФЛ, копию трудовой книжки. В дальнейшем И. передала поддельные документы С.

После чего, И. и С., действуя группой лиц по предварительному сговору, с корыстной целью, реализуя единый преступный умысел, направленный на мошенничество в сфере кредитования, а именно на незаконное получение кредита путем предоставления банку заведомо ложных сведений, направились к Банку, где согласно распределенным ролям, И. осталась ожидать С. на улице возле помещения вышеуказанного офиса, а С., действуя согласно отведенной ему преступной роли, имея при себе предоставленные ему И. официальные документы, направился в помещение операционного офиса, где сообщил кредитному инспектору о том, что ему необходим кредит для собственных нужд, при этом С. предоставил кредитному инспектору для оформления кредита официальные документы, содержащие заведомо ложные сведения, которые кредитным инспектором были внесены в заявление-анкету о предоставлении кредита.

---

¹ Приговор Куйбышевского районного суда от 01.03.2019 г. по уголовному делу № 11-0423/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.09.2021).

На следующий день С., действуя в группе с И., заключил кредитный договор, согласно которому С. получил кредитные денежные средства в размере 500 000 р. С. при этом не намереваясь погасить в дальнейшем данный кредит, достоверно знал о том, что у него нет реальной возможности погасить кредит, поскольку он не имел постоянного источника дохода.

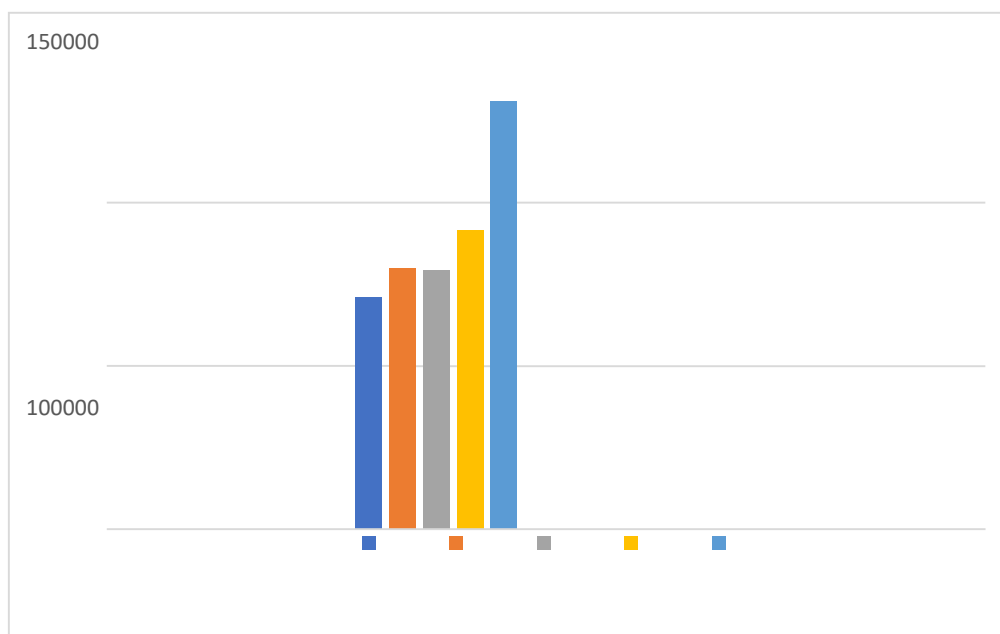
Тем самым С., являясь заемщиком Банка, действуя умышленно, с корыстной целью, группой лиц по предварительному сговору совместно с И. путем предоставления банку заведомо ложных и недостоверных сведений, похитили денежные средства на общую сумму 500 000 р., принадлежащие Банку.

Суд признал И. виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159.1, Уголовного кодекса РФ, С., и виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159.1 Уголовного кодекса РФ¹.

Из данного примера следует, что действуя группой лиц по предварительному сговору, два субъекта по-разному выполняли объективную сторону мошенничества в сфере кредитования, т.е. выполняли разные действия, где И. изготавливала документы, а С. непосредственно подписывал кредитный договор и получал кредитные денежные средства. При этом действия обоих лиц были взаимосвязаны друг с другом, без друг друга не составляли бы объективную сторону, и были квалифицированы судом по ч. 2 ст. 159.1 Уголовного кодекса РФ.

В целом можно утверждать, что динамика состояния мошенничества в сфере кредитования характеризуется как положительная, количество совершаемых каждый год мошенничеств данного вида неукоснительно растет.

Также динамика состояния мошенничества в сфере кредитования отображена в диаграмме.

Динамика состояния мошенничества в сфере кредитования с 2016 по 2020 г.

¹ Приговор Ангарского городского суда Иркутской области от 13.09.2017 г. по уголовному делу № 1-801/2017. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.09.2021).

Исходя из общего анализа показателей как мошенничеств всех видов, так и мошенничеств, предусмотренных ст. 159.1 Уголовного кодекса РФ можно отметить систематическое повышение показателей совершенных преступлений каждый год. Лишь в 2018 г. показатели всех видов мошенничеств незначительно снизились, и начиная с 2019 г. снова стали возрастать.

Говоря о доле мошенничеств в сфере кредитования в структуре всех видов совершаемых мошенничеств можно утверждать, что данный вид преступлений занимает почти 1/3 среди всех видов мошенничеств, а в 2020 г. и вовсе составила более 40 % от общего числа совершенных мошенничеств. Данные показатели говорят о том, что мошенничество, предусмотренное ст. 159.1 Уголовного кодекса РФ совершается чаще, чем другие виды мошенничеств, кроме основного вида.

Исследования многих российских ученых доказало, что латентность мошенничества, предусмотренного ст. 159.1 Уголовного кодекса РФ достаточно высока (от 5 до 8 преступлений на одно зарегистрированное). Причем более 50 % из них относятся к так называемой «искусственной» латентности, когда о факте противоправного деяния известно правоохранительным органам, которые сознательно его не регистрируют¹.

Снижение реальных показателей связано, в том числе, и с ошибками в квалификации. На практике возможны случаи, когда совершается преступное деяние, предусмотренное ст. 159.1 Уголовного кодекса РФ, однако в силу неправильной квалификации данное деяние квалифицируется по другой статье Уголовного кодекса РФ или даже КоАП РФ.

Увеличение числа зарегистрированных преступлений в виде мошенничества в сфере кредитования обусловлено развитием в последние годы в России экономических отношений, модернизацией банковского сектора, развитием отрасли страхования, инвестиционной деятельности, информационных и промышленных технологий и предоставлением новых видов услуг, которые неизбежно порождают новые схемы, способы хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество [1, с. 126].

Благодаря изучению динамики состояния мошенничества в сфере кредитования, которая, к сожалению, характеризуется как положительная, мы приходим к выводу о том, что на сегодняшний день существует острая необходимость в разработке мер по предупреждению мошенничества в сфере кредитования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пашевич М.В. Системы выявления кредитного мошенничества // Закон и право. – 2014. – № 1. – С. 125–126.

---

¹ Комплексный анализ состояния преступности в РФ и расчетные варианты ее развития. URL: https://мвд.рф/upload/site163/document_text/Kompleksnyu_analiz__original-maket_24_04.pdf (дата обращения: 19.09.2021).

Информация об авторе

Петрякова Людмила Александровна – преподаватель кафедры уголовного права Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: poimanowa@mail.ru.

Author

Petryakova Lyudmila Aleksandrovna – Teacher of the Department of Criminal Law Law Institute, Irkutsk State University, e-mail: poimanowa@mail.ru.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье автор рассматривает актуальные проблемы дифференциации уголовной ответственности, указывая на основные этапы ее развития в действующем уголовном законодательстве. Анализируя российское уголовное законодательство, автор приходит к выводу о том, что законодатель не всегда последователен при осуществлении дифференциации уголовной ответственности. При этом отмечается, что само понятие дифференциации уголовной ответственности является на сегодняшний день дискуссионным ввиду многогранности самого предмета исследования, в связи с чем требуется выработка единого подхода к определению изучаемого явления.

Ключевые слова: уголовная ответственность; уголовный закон, дифференциация; преступление; средства дифференциации уголовной ответственности.

E.V. Rogova

DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY: STATE AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

In the article, the author examines the topical problems of differentiation of criminal liability, pointing out the main stages of its development in the current criminal legislation. Analyzing the Russian criminal legislation, the author comes to the conclusion that the legislator is not always consistent in differentiating criminal liability. At the same time, it is noted that the very concept of differentiation of criminal responsibility is today controversial due to the versatility of the very subject of research, in connection with which it is required to develop a unified approach to the definition of the phenomenon under study.

Keywords: criminal responsibility; criminal law; differentiation; crime; means of differentiation of criminal responsibility.

Дифференциация уголовной ответственности происходит в процессе реализации законодателем уголовно-правовой политики в уголовно-правовых нормах. Обеспечение основополагающих принципов уголовного права, а именно, принципа равенства граждан перед законом и принципа справедливости, является смыслом дифференциации уголовной ответственности при реализации уголовно-правовой политики.

Изучая проблемы дифференциации уголовной ответственности, следует заметить, что до настоящего времени в понятийном аппарате некоторые определения являются достаточно спорными. В частности, что понимать под дифференциацией уголовной ответственности, каковы ее виды, средства, что явля-

ется ее основанием, каково ее соотношение с индивидуализацией уголовной ответственности и т.п.

Обобщая имеющиеся в юридической литературе точки зрения относительно понимания дифференциации уголовной ответственности, следует отметить, что все определения заслуживают внимания, их авторы на основе проведенных серьезных исследований с целью выявления сущности дифференциации уголовной ответственности внесли существенный вклад в развитие вопросов, касающихся понятия дифференциации уголовной ответственности [2, с. 62; 4, с. 62; 5, с. 38; 6, с. 129; 7, с. 22 и др.]. Между тем нельзя утверждать, что указанные определения безупречны и полностью отвечают сегодняшним потребностям исследования теоретических и практических вопросов дифференциации уголовной ответственности.

Сам термин «дифференциация» означает разделение, расчленение, расслоение целого на части, на взаимосвязанные элементы. В этой связи под дифференциацией уголовной ответственности следует понимать разделение мер уголовно-правового характера, применяемых за совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, на основании характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного в целях достижения баланса между строгостью ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления и мягкостью за преступления небольшой и средней тяжести.

Приоритетное значение применительно к дифференциации уголовной ответственности должны иметь такие принципы, как принцип справедливости, гуманизма и равенства всех перед законом. Законодателю также необходимо руководствоваться и другими принципами, не закрепленными прямо в законе, но выработанными теорией и практикой. Одним из важнейших принципов дифференциации уголовной ответственности должен быть принцип системности. Вместе с тем, несмотря на принятие УК РФ 1996 г. и на многочисленные его изменения и дополнения, оснований для утверждения, что системность уголовного законодательства обеспечена в полной мере, нет. По этому поводу профессор Ю.В. Голик замечает, что «сегодня никто из специалистов в области уголовного права не сомневается в том, что УК РФ утратил свою системность, стройность, логичность, целостность; он превратился в набор текстов, не всегда связанных друг с другом; из нормативной основы борьбы с преступностью стал препятствием в этой борьбе, а то и пособником...» [1, с. 42].

Одним из условий системности уголовного законодательства является научная обоснованность и непротиворечивость вносимых изменений. Напротив, поправки, касающиеся конкретных вопросов, научно и криминологически необоснованные, могут привести к рассогласованности системы как диспозиций, так и санкций. Следствием этого становятся противоречия в правоприменительной практике.

Дифференциацию уголовной ответственности, реализуемую законодателем, на разных этапах развития общественных отношений характеризуют те или иные приоритетные направления. При этом в качестве средств борьбы с преступностью нередко предлагаются рекомендации об усилении либо в меньшей степени – ослаблении тяжести уголовного наказания за отдельные виды преступлений.

Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что дифференциация уголовной ответственности должна способствовать достижению баланса между строгостью наказаний за совершение тяжких и особо тяжких преступлений и мягкостью – за преступления небольшой и средней тяжести, а также между жесткой законодательной регламентацией и усмотрением правоприменителя при широких законодательных дозволениях.

Отметим, что не все положения, направленные на дифференциацию уголовной ответственности, представляются бесспорными с точки зрения последовательного развития идей правового государства. Отсутствие единой концептуальной основы ряда законодательных формулировок, как с терминологической, так и с содержательной точек зрения, новизна многих положений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) обуславливают сложности и в практике его применения.

Представляется необходимым проанализировать основные этапы реформирования действующего уголовного закона. Первый период глобального изменения УК РФ, направленного на гуманизацию уголовного законодательства, пришелся на декабрь 2003 г.¹ В частности, конфискация имущества была исключена из перечня наказаний, что вызвало общественный и научный резонанс.

Спустя три года институт конфискации имущества был возвращен в Уголовный кодекс Российской Федерации в качестве иной меры уголовно-правового характера. На сегодняшний день мы имеем в УК РФ конфискацию как меру уголовно-правового характера, что нельзя оценить как логичные и последовательные действия законодателя.

Следует отметить и еще одно существенное изменение, внесенное в декабре 2003 г., – исключение квалифицирующего признака «неоднократность». Кроме того, заметим, что Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. значительным образом коснулся дифференциации уголовной ответственности, осуществляемой посредством уголовно-правовых санкций. Так, были исключены нижние пределы уголовного наказания из санкций абсолютного большинства преступлений средней тяжести и части тяжких преступлений. Значительные разрывы между пределами наказаний способствуют чрезмерному расширению судебного усмотрения при вынесении приговоров. Указанная тенденция, заключающаяся в исключении нижних пределов наказаний, закрепленных в санкциях, продолжилась в 2011 г. и затронула санкции статей, предусматривающих уголовную ответственность за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Федеральным законом РФ № 26-ФЗ был исключен нижний предел, например, из санкции, устанавливающей уголовную ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть человека (ч. 4 ст. 111 УК РФ)².

---

¹ Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собр. законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.

² Федеральный закон РФ от 07.03.2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собр. законодательства Российской Федерации. 2011. № 11. Ст. 1495.

Следующий этап реформирования уголовного законодательства произошел в 2009–2010 гг., в течение которых, как и в 2002–2003 гг. изменению подверглись нормы и Общей, и Особой части УК РФ. За два указанных года в УК РФ было внесено порядка 400 изменений и дополнений. В 2009 г. серьезно реформированию подверглась ст. 53 УК РФ, устанавливающая наказание в виде ограничения свободы, содержание которого изменилось, в связи с невозможностью создания условий для его исполнения в первоначальном виде¹.

Существенные изменения в уголовное законодательство были внесены Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. Значительную научную дискуссию вызвала редакция ст. 15 УК РФ. И конкретно та ее часть, которая предусматривает понятие категории преступлений небольшой тяжести, претерпела изменения относительно того, что таковыми теперь признаются преступления, за совершение которых срок лишения свободы не превышает трех лет (ранее было двух лет). Указанным законом ст. 15 УК РФ была дополнена новой частью – шестой. Согласно данному изменению с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе изменить категорию преступления (средней тяжести, тяжкого и особо тяжкого) на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления. Этим законодатель показал, что нормативная дифференциация категорий преступлений – это не константа, как это было ранее. В настоящее время по усмотрению суда категория преступления может быть изменена на одну ступень. В этой норме предложено принципиально новое, неизвестное ранее отечественному уголовному законодательству правило, существенно расширяющее пределы судебного усмотрения.

В ноябре 2012 г. в уголовном законе появилось несколько составов мошенничества в различных сферах общественных отношений, что до сих пор вызывает вопросы обоснованности принятия такого законодательного решения как среди ученых, так и сотрудников правоприменительных органов².

Масштабные изменения уголовного закона произошли в июле 2016 г., направленные на либерализацию уголовной ответственности. Речь идет, например, о Федеральном законе от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ, криминализировавшем мелкое хищение (ст. 158.1 УК РФ), побои (ст. 116.1 УК РФ), которые предусматривают в качестве одного из обязательных условий привлечения к уголовной ответственности наличие административной преюдиции³. Тем самым уголовная ответственность наступает в отношении лиц, уже подвергнутых за ранее совершенное деяние административному наказанию, что нарушает один из основопо-

---

¹ Федеральный закон РФ от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

² Федеральный закон РФ от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Российской Федерации. 2012. № 49. Ст. 6752.

³ Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собр. законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. 2). Ст. 4256.

лагающих конституционных принципов, который заключается в том, что лицо не может дважды нести ответственность за одно и тоже деяние. Кроме того, некоторыми учеными задается совершенно обоснованный вопрос о том, каким образом законодателем выбираются составы преступлений, обязательным признаком которых становится административная преюдиция [3, с. 41].

Подводя итог, поступательное развитие общественных отношений обусловливает необходимость со стороны государства реагировать на новые криминальные вызовы и угрозы. Необходимость решительного противодействия им требует на регулярной основе внесение изменений и дополнений в уголовный закон. Правотворческая уголовная политика должна быть последовательной, научно обоснованной. В условиях развития уголовного законодательства Российской Федерации требуется переоценка уже действующих и создание новых институтов, удовлетворяющих требованиям современного развития общественных отношений.

С момента вступления уголовного закона в силу и до настоящего времени дифференциация уголовной обеспечивалась ее установлением, усилением или ослаблением за разные виды преступного поведения. При этом некоторые законодательные решения были не в полной мере обоснованными, на что указывают мнения специалистов в области уголовного права, а также правоприменителей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голик Ю.В. Нужен новый уровень кодификации // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) : материалы 8-й Рос. конгресса уголов. права, сост. 30–31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М. : Юрлитинформ, 2013. – С. 42–45.

2. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 300 с.

3. Лапшин В.Ф. Очередные изменения в российском уголовном законе: дифференциация уголовной ответственности или ответственности в уголовном праве? // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2018. – № 7. – С. 39–46.

4. Лесневски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. – М. : Норма, 1998. – 296 с.

5. Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 120 с.

6. Соловьев О.Г. Понятие, сущность и виды дифференциации уголовной ответственности // Правовые вопросы современности: теория и практика : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 15 мая 2009 г. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2009. – С. 127–129.

7. Тимофеева Е.А. О дифференциации уголовной ответственности и ее соотношении со смежными правовыми явлениями // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2008. – № 4. – С. 22–23.

Информация об авторе

Рогова Евгения Викторовна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) ФГБОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», e-mail: ipkr@irmail.ru.

Author

Rogova Evgeniya Viktorovna – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) University of Public Prosecutor's Office, Irkutsk, Russia, e-mail: ipkr@irmail.ru.

О НЕКОТОРЫХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЯХ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Как известно, определенность уголовного запрета служит условием эффективности уголовного закона. Последний является основным средством борьбы с преступлениями и надежным инструментом уголовной политики. Сама по себе неопределенность ряда уголовно-правовых норм снижает возможность успешной борьбы с преступностью. Статья посвящена анализу неопределенностей, имеющих в ряде положений Общей части уголовного закона, влияющих на правоприменение. В результате исследования данных проблем, даны рекомендации их решения.

Ключевые слова: уголовный закон; неопределенность положений Общей части УК РФ; научное и судебное толкование.

N.L. Romanova

ABOUT SOME UNCERTAINTIES IN CRIMINAL LAW

As is known, the certainty of criminal prohibition is the condition of the effectiveness of the criminal law. It is the main means of combating crimes and a reliable tool of criminal policy. By itself, the uncertainty of a number of criminal law norms reduces the possibility of successful fight against criminality. The article is devoted to the analysis of the uncertainties existing in a number of provisions of the General part of the criminal law affecting its enforcement. As a result, of the study of these problems, recommendations are given to solve them.

Keywords: criminal legislation; uncertainties in Common part of Criminal Code RF; scientific and court interpretation.

С момента принятия действующего уголовного закона Государственной Думой прошло чуть более двадцати пяти лет. К сегодняшнему дню насчитывается колоссальное количество изменений, внесенных в УК РФ за указанный срок. К сожалению, не все они работают на качество уголовного закона и справедливо зачастую подвергаются критике ученых. Но существуют и изначально регламентированные Уголовным кодексом РФ положения, обладающие неопределенностью с позиций правоприменения, что, очень точно охарактеризовал М.А. Кауфман: «Неопределенность закона – несовершенство правового регулирования, дефект формы его выражения» [1, с. 58].

В этом аспекте исследователи чаще обсуждают технико-юридические особенности описания признаков конкретных составов преступлений: например, неопределенность признака «вовремя или сразу же после родов», указанный в качестве смягчающего обстоятельства убийства матерью новорожденного ребенка, и ряд других, о которых сообщество ученых ведет дискуссии уже более двадцати лет. Тем не менее, интересное исследование неопределенностей

фундаментальных положений уголовного закона в Общей части провел П.С. Яни, по некоторым из них хотелось бы изложить собственную позицию.

Так, обращая внимание на ч. 2 ст. 35 УК РФ, в которой в отличие от ч. 1 ст. 35 УК РФ не повторяется определение группы и не говорится об исполнителях, П.С. Яни заключает, что «строгое толкование текста приведенных норм требует вменить группу по предварительному сговору и единственному исполнителю, действующему при наличии соучастников, и самим этим соучастникам» [7, с. 35].

Соглашаясь в целом о необходимости четкой регламентации данного уголовно-правового запрета во избежание разночтений юристами (а они, безусловно, имеются), при нынешней неопределенности положения ч. 2 ст. 35 УК РФ, полагаю следует использовать определение группы лиц, зафиксированное ч. 1 ст. 35 УК РФ. В этом случае наблюдается различие только в части усиления согласованности соучастников: наличие предварительного сговора.

Приемы буквального толкования, как раз говорят о том, что именно так и следует понимать эту форму соучастия, на что позднее стал обращать внимание высший судебный орган, «исправляя ошибку законодателя», разъясняя в практикообразующих документах текст УК РФ: «Если организатор, подстрекатель или пособник непосредственно не участвовал в совершении хищения чужого имущества, содеянное исполнителем преступления не может квалифицироваться как совершенное группой лиц по предварительному сговору» [4], «когда согласно предварительной договоренности между соучастниками вымогательства в соответствии с распределением ролей каждый из них совершает отдельное действие, входящее в объективную сторону вымогательства (высказывает требование либо выражает угрозу, либо применяет насилие), все они несут уголовную ответственность за вымогательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору» [6].

По этому вопросу есть четкое понимание, если речь идет о группе лиц или группе лиц по предварительному сговору (первая и вторая формы соучастия), и эти признаки выступаютотягчающими обстоятельствами при квалификации конкретных преступлений, то ссылки на ст. 33 УК РФ не нужны даже при сложном соучастии. Тем не менее, из данного правила, зафиксированного ст. 34 УК РФ, выбивается разъяснение в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»: «Предварительный сговор на убийство предполагает выраженную в любой форме договоренность двух или более лиц, состоявшуюся до начала совершения действий, непосредственно направленных на лишение жизни потерпевшего. При этом, наряду с соисполнителями преступления, другие участники преступной группы могут выступать в роли организаторов, подстрекателей или пособников убийства, и их действия надлежит квалифицировать по соответствующей части ст. 33 и п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ» [3].

До сих пор формулировка ч. 2 ст. 24 УК РФ, вызывает дискуссии как теоретиков, так и практиков и является образцом неопределенности уголовного закона.

«Деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей ста-

твеей Особенной части настоящего Кодекса», – гласит современная редакция ч. 2 ст. 24 УК РФ. Конституционный Суд РФ толкует норму так, что если в диспозиции части статьи Особенной части УК нет указания на совершение деяния по неосторожности, то предполагается, что оно может быть совершено только с умыслом [2], с чем нельзя согласиться. Подобное толкование этого положения было осуществимо при старой редакции ч. 2 ст. 24 УК РФ (до 25 июня 1998 г.).

Верховный Суд РФ в п. 4 Постановления Пленума [5] высказал противоположное суждение: «Исходя из положений ч. 2 ст. 24 УК РФ, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава экологического преступления».

К моему удивлению, профессор П.С. Яни поддерживает позицию Конституционного Суда РФ, полагая, что она в большей степени основана на строгом толковании ч. 2 ст. 24 УК РФ. При этом он указывает на изъян формулировки, поскольку пишет: «Однако ее принятие в числе прочего повлечет большие сложности в разграничении некоторых экологических преступлений с иными составами. Например, нарушение правил охраны окружающей среды при строительстве промышленных объектов лицами, ответственными за соблюдение этих правил, если нарушение причинило вред здоровью человека, признай мы данное экологическое преступление умышленным, станет восприниматься как привилегированный состав в том числе причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК), а загрязнение вод (ч. 2 ст. 250 УК) – как привилегированный состав экоцида (ст. 358 УК)» [7, с. 37].

Не соглашусь с уважаемым профессором, поскольку конечно такие выводы из нелепой ситуации, которую законодатель сам создал и попытался как-то неудачно, на мой взгляд, разрешить еще 25 июня 1998 г., делать, все-таки, неверно. При изначальной формулировке, где слово «только» стояло в другом месте, огромный круг неосторожных преступлений выпал из правоприменения, в том числе и многие экологические преступления.

Изменение положения в ч. 2 ст. 24 УК РФ слова «только» в этом ключе исправило ситуацию, и здесь прав, конечно же, Верховный Суд РФ, разъясняя измененное положение подобным образом.

Законодателю необходимо было быть последовательным и осуществить свою «революционную» задумку: внести необходимые изменения в Особенную часть УК РФ, указав неосторожную форму вины в конкретных преступлениях. Поскольку это не было сделано, то следовало бы для определенности убрать это положение вообще.

Не могу обойти проблему неопределенности в современном уголовном законе, созданную расширительным толкованием термина «несовершеннолетний». В ст. 87 УК РФ четко обозначено, что «несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет». Тем не менее, в ряде статей Общей части УК РФ, например, в ст. 73 УК РФ читаем «условное осуждение не

назначается: а) осужденным против половой неприкосновенности *несовершеннолетних, не достигшего четырнадцатилетнего возраста*».

Так же в п. «д» ч. 3 ст. 79 УК РФ написано: «не менее четырех пятых срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности *несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста*» (курсив мой. – Н. Л.).

Безусловно, недопустимо такое в уголовном законе! С позиции единообразия, точности и определенности закона следовало написать «лиц, не достигших...».

Такой подход приведет не только к неточностям и неопределенностям в терминологии, но и к ошибкам квалификации. Так, при применении статей о преступлениях против несовершеннолетних: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ), розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ) на практике встречаются многочисленные ошибки при расширительном подходе к термину «несовершеннолетний» в процессе квалификации, на что затем вынуждены указывать суды высшей инстанции. Полагаю, в этом случае необходимо разъяснение на уровне Пленума Верховного Суда РФ.

В ситуации, когда совершеннолетний использует малолетнего для проникновения в жилище с целью совершения кражи, уголовный закон четко определяет, согласно ст. 33 УК РФ, исполнителем преступления совершеннолетнего. Применять здесь еще и ст. 150 УК РФ не верно, поскольку явно нарушается принцип справедливости.

В данном случае нужно как можно быстрее привести уголовный закон в надлежащее состояние: текст должен содержать четкие и недвусмысленные, вполне определенные формулировки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кауфман М.А. Нормативная неопределенность в уголовном законодательстве // Журнал российского права. – 2009. – № 10. – С. 58–62.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2011 г. № 3-П // СПС «Консультант Плюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1 (ред. 03.03.2015) // СПС «Консультант Плюс».

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (п. 8) // СПС «Консультант Плюс».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «Консультант Плюс».

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» (п. 14) // СПС «Консультант Плюс».

7. Яни П.С. Неопределенность уголовного закона порождает неразрешимые проблемы правоприменения Яни // Законность. – 2020. – № 6. – С. 32–37.

Информация об авторе

Романова Нелли Львовна – заведующий кафедрой уголовного права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Иркутской области, e-mail: nellyromanova@mail.ru.

Author

Romanova Nelli Lvovna – Head of the Department of Criminal Law of the East-Siberian Branch The Russian State University of Justice, Ph.D. in Law, Ass. Professor, e-mail: nellyromanova@mail.ru.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Статья посвящена такому самостоятельному направлению уголовной политики, как уголовная политика в сфере образования. Автор отмечает, что в настоящее время криминальная ситуация в России не радует. Не является исключением и сфера образования, в которой присутствуют различные криминальные и криминогенные явления, к числу которых относятся преступность среди участников образовательных отношений, коррупция, экстремизм, скулшутинг, склонение обучающихся к суицидальному поведению и т.д. В отношении этих и иных криминальных явлений должна проводиться соответствующая превентивная политика. По мнению автора, данная политика укладывается в рамки современной уголовной политики России. В статье обосновывается данная авторская позиция. Раскрывается, что уголовная политика в сфере предупреждения преступности в образовательной среде реализуется в настоящий период на четырех уровнях управления. В завершении автор отмечает, что считает целесообразным развивать данное направление уголовной политики, поскольку это будет способствовать созданию эффективного защитного криминологического поля для системы образования в целом.

Ключевые слова: уголовная политика; преступность в образовании; превенция преступности; криминологическая безопасность; система образования.

E.Z. Sidorova

GENERAL CHARACTERISTICS OF CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF CRIME PREVENTION IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

The article is devoted to such an independent direction of criminal policy as criminal policy in the field of education. The author notes that at present the criminal situation in Russia is not encouraging. The sphere of education is no exception, in which there are various criminal and criminogenic phenomena, which include crime among participants in educational relations, corruption, extremism, schoolshooting, the tendency of students to suicidal behavior, etc. An appropriate preventive policy should be implemented in relation to these and other criminal phenomena. According to the author, this policy fits into the framework of modern criminal policy of Russia. The article explains this author's position. It is revealed that the criminal policy in the field of crime prevention in the educational environment is currently being implemented at four levels of management. In conclusion, the author notes that he considers it appropriate to develop this area of criminal policy, since this will contribute to the creation of an effective protective criminological field for the education system as a whole.

Keywords: criminal policy; crime in education; crime prevention; criminological security; system of education.

Современная политика любого государства представляет собой деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность партий и других организаций, общественных групп, определяемая их интересами и целями [6, с. 553].

Традиционно государственная политика подразделяется на внутреннюю и внешнюю. Уголовная политика, реализуемая в стране, относится ко внутренней политике страны и согласно одному из толковых словарей представляет собой совокупность всех государственных мер в целях защиты общества и отдельного гражданина от преступных посягательств, направлена на предупреждение преступности и борьбу с ней [1, с. 713]. При этом, наряду с общими вопросами политики обеспечения общественной безопасности и стратегии, уголовная политика занимается также реформой уголовного права.

В настоящей работе мы обратим внимание не на общую характеристику современной уголовной политики в нашей стране, анализ ее содержания, принципов, субъектов, форм и направлений реализации, правового и организационного обеспечения, а на раскрытие общих тенденций уголовной политики в такой специфической сфере, как предупреждение преступности в образовательной среде.

В целом существование преступности на территории того или иного государства является предпосылкой разработки и реализации действенной, отвечающей современным реалиям уголовной политики. К сожалению, в настоящее время криминальная ситуация в России не радует. Согласно официальным статистическим данным, представленным Министерством внутренних дел Российской Федерации, в 2010 г. было зарегистрировано 2 628 799 преступлений (из них раскрыто 1 430 977, или 54 %), в 2015 г. – 2 388 476 преступлений (из них раскрыто 1 254 706, или 52,5 %), а в 2020 г. – 2 044 221 преступлений (из них раскрыто 1 031 987, или 50,5 %) [5].

Представленные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на снижение абсолютных показателей зарегистрированной преступности, доля раскрытых преступлений на протяжении многих лет остается небольшой. Практически каждое второе совершенное преступление остается нераскрытым. Кроме этого, как отмечают специалисты-правоведы, в нашей стране, как и во многих государствах в мире, очень высоким является уровень латентных преступлений, т.е. не зарегистрированных, не выявленных правоохранительными органами [3, с. 33]. В этой связи такая неблагоприятная криминологическая обстановка в нашей стране должна стать аргументированным основанием для разработки новых подходов к совершенствованию существующей уголовной политики в России.

К сожалению, в настоящий период сфера образования так же, как и многие иные социальные сферы, находится в зоне криминогенного риска. Обеспечение криминологической безопасности российского образования невозможно представить без разработки и реализации положений уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде [2, с. 280]. В этой связи настоящее исследование направлено на теоретическое обоснование целесообразности и необходимости борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере образования, путем реализации положений российской уголовной политики.

Проблема преступности в сфере образования вынуждает государство реагировать на нее, создавать механизмы противодействия ей.

На наш взгляд, под уголовной политикой в сфере предупреждения преступности в образовательной среде следует понимать целенаправленную деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, ориентированную на борьбу с преступностью, проявляющейся в сфере образования, а также иными негативными социальными явлениями криминального и криминогенного характера в данной области общественных отношений (коррупция, экстремизм, скулшутинг, склонение обучающихся к суицидальному поведению и т.д.).

Основная цель такой деятельности – снизить количество случаев совершения противоправных действий среди участников образовательных отношений. Для этого государственные (федерального и регионального уровней) и муниципальные органы власти используют различные механизмы и способы правового, организационного, экономического, финансового, медицинского, административного и иного характера, используя имеющиеся ресурсы и возможности.

Говоря об уголовной политике в сфере предупреждения преступности в образовательной среде, можно выделить четыре уровня такой политики:

- 1) уголовная политика, реализуемая на международном уровне посредством международного сотрудничества;
- 2) уголовная политика, реализуемая на федеральном уровне;
- 3) уголовная политика, реализуемая на региональном уровне;
- 4) уголовная политика, реализуемая органами местного самоуправления.

Несмотря на существование нескольких уровней реализации уголовной политики, важно, чтобы их положения и предписания не противостояли друг другу, иначе на практике возникнут неразрешимые противоречия, которые могут негативно сказаться на борьбе с криминальными проявлениями в сфере образования. Важно, чтобы субъекты уголовной политики умели сотрудничать и стремились к единой для всех цели – противодействовать совершаемым правонарушениям.

Следует также отметить, что в уголовная политика в сфере предупреждения преступности в образовательной среде является составной частью уголовной политики государства в целом. В настоящий период в нашей стране законодателем прямо не выделяется такое направление, как борьба с преступностью именно в сфере образования, в этой связи следует заключить, что такая политика реализуется через исполнение общих правовых предписаний и норм, направленных на превенцию преступности в целом.

В целом государственная политика в сфере образования, в том числе политика уголовная, направленная на предупреждение преступности в образовательной среде, проявляется в первую очередь в нормативно-правовых актах, действующих на территории данного государства, а также в судебных решениях.

В этой связи, для того чтобы проанализировать действующую уголовную политику в области предупреждения преступности в системе образования, необходимо обратиться к действующему законодательству всех уровней власти и проанализировали его. В ранее проведенных научных исследованиях мы уже раскрывали данную проблематику [4, с. 20]. Сейчас только констатируем, что

анализ правовых актов показал следующее: в настоящее время принято большое количество нормативно-правовых актов, предписаний, рекомендаций и иных документов, в той или иной мере отражающих вопросы превенции преступности в системе образования. Вместе с тем, несмотря на кажущуюся многочисленность предписаний, единой стратегии уголовной политики (как в целом общегосударственной, так и в области профилактики криминальных явлений в образовательной среде) по-прежнему нет. Каждый документ принимается отдельно друг от друга, нормативно-правовые акты в своем большинстве не корреспондируют и не являются логичным продолжением друг друга. В этой связи считаем целесообразным развивать данное направление уголовной политики, что будет способствовать созданию эффективного защитного криминологического поля для системы образования в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой юридический энциклопедический словарь / авт. и сост. А.Б. Барихин. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Книжный мир, 2008. – 720 с.

2. Босхолов С.С., Гиниятуллина Е.З. Предупреждение преступности обучающихся как стратегия криминологической безопасности системы общего и среднего профессионального образования: теоретические основы // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 11 (106). – С. 280–285.

3. Ивушкина О.В., Сидорова Е.З., Рогова Е.В. Криминологический анализ и прогноз преступности на объектах транспортной инфраструктуры Восточно-Сибирской железной дороги : учеб. пособие. – Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2021. – 90 с.

4. Сидорова Е.З. Современная уголовная политика в области предупреждения преступности в сфере образования, реализуемая на международном уровне // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2021. – № 1 (57). – С. 20–23.

5. Состояние преступности за 2010–2020 гг.: офиц. сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения 01.09.2021).

6. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1997. – 940 с.

Информация об авторе

Сидорова Екатерина Закариевна – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, e-mail: ketrik6@mail.ru.

Author

Sidorova Ekaterina Zakarijevna – lecturer, Department of criminal law and criminology, PhD (candidate of law), East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: ketrik6@mail.ru.

**ПРАВОВОЕ И ЦИФРОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
И УЧАЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
КАК НЕОБХОДИМЫЙ АСПЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА
И КИБЕРТЕРРОРИЗМА**

После пандемии новой коронавирусной инфекции, ознаменовавшейся «локдаунами» 2020 г., криминогенная обстановка как в России, так и в мире вышла на качественно новый уровень. На этой почве все большую актуальность представляет усиление взаимодействия институтов гражданского общества и правоохранительных органов, особенно, в молодежной среде. Именно молодежь является потенциальной «группой риска» в террористической и кибертеррористической преступности, прежде всего, как объект вербовки. Но на данный момент молодежь выступает активнейшим пользователем информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе и сети «Интернет». В связи с этим, думается, приоритет лежит именно в среде институтов гражданского общества, напрямую работающих с молодежью. А одним из основных институтов выступает среднее и высшее образование, и именно сеть университетов может стать флагом формирования антитеррористической идеологии и навыков противодействия кибертерроризму.

Ключевые слова: терроризм; кибертерроризм; стратегия; идеология; цифровая криминология; цифровое просвещение; студенческие организации.

М.А. Starodubtseva

**LEGAL AND DIGITAL EDUCATION OF TEACHERS AND STUDENTS
OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS AS A NECESSARY ASPECT
OF PREVENTING THE SPREAD OF THE IDEOLOGY
OF TERRORISM AND CYBERTERRORISM**

After the pandemic of the new coronavirus infection, marked by the "lock-downs" of 2020, the crime situation both in Russia and in the world has reached a qualitatively new level. On this basis, the strengthening of the interaction of civil society institutions and law enforcement agencies, especially among the youth, is becoming increasingly important. It is young people who are a potential "risk group" in terrorist and cyber-terrorist crime, primarily as an object of recruitment. But at the moment, young people are the most active users of information and telecommunication networks, including the Internet. In this regard, it seems that the priority lies precisely in the environment of civil society institutions that directly work with young people. And one of the main institutions is secondary and higher education, and it is the network of universities that can become the flagship of the formation of anti-terrorist ideology and skills in countering cyber terrorism.

Keywords: terrorism; cyber terrorism; strategy; ideology; digital criminology; digital education; student organizations.

Серия «локдаунов», прокатившихся по мировому сообществу в 2020 году ознаменовала собой фактический переход преступности на новый, цифровой уровень, и резкое изменение криминогенной обстановки как на международном, так и на национальном уровнях [1, с. 24].

Количественный рост киберпреступлений подтверждает и статистика 2021 г. В частности, в России, за период с января по май 2021 г. число выявленных киберпреступлений возросло на 25,7 % по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. Растет и доля киберпреступности в общей структуре преступной активности: от 21,7 % в 2020 г. до 26,8 % в 2021 г. Аналогичная тенденция наблюдается на международном уровне [3, с. 2].

В целях объединения усилий с международным сообществом в области борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом 27 июля 2021 г. Россия внесла в ООН проект конвенции о противодействии киберпреступности и криминальному использованию криптовалюты. Пока это первый подобный универсальный нормативный акт. Одну из основных ролей здесь играет и противодействие кибертерроризму [1, с. 75].

Термин «кибертерроризм» в национальном праве России также пока не имеет закрепления ни в законодательных актах, ни в ведомственных нормативных документах [5, с. 1182]. Уголовная ответственность за совершение террористического акта предусмотрена ст. 205 УК РФ, однако, сам Уголовный кодекс РФ не предусматривает квалифицированного признака состава преступления, выражающего осуществление данного акта в киберпространстве [4, с. 41].

Наиболее полно, по нашему мнению, кибертерроризм рассматривается в рамках научной дискуссии в российской юридической науке. Однако и здесь нет четко оформленного понимания данного явления и не разработана целостная система профилактики и возможного противодействия терроризму в цифровом пространстве. Основными препятствиями для достижения данной цели, как считается, можно назвать отсутствие связей между ВУЗами регионов, занимающимися разработкой указанных проблем. Единственным средством взаимодействия в научной среде, по сути, выступают межвузовские конференции, а как раз по ним весомо ударил объявленный в России в марте 2020 г. локдаун – большинство мероприятий до сих пор проводится в онлайн-режиме, что, по мнению многих, существенно затрудняет возможность построения дискурса.

С момента начала пандемии затруднено взаимодействие и со студентами. А, поскольку, именно молодежь, как активный пользователь сети «Интернет», может выступать объектом потенциальной вербовки, именно на работу с ней необходимо обратить особое внимание.

О желании молодежи участвовать в данном процессе говорит проведенный нами в октябре 2020 г. в Алтайском крае первый этап криминологического исследования проблемы правовой осведомленности учащихся и преподавателей по вопросам терроризма и кибертерроризма. Опрошены были 74 человека, разделенных нами на две группы. Из них 45 человек – студенты 1–2 курса СПО

(Колледж АлтГУ), ученики 9–11 классов МКОУ «Гилевская СОШ». 29 опрошенных – преподаватели Колледжа ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», МКОУ «Гилевская СОШ». Возраст респондентов первой группы 15–17 лет, возраст второй группы – 30–50 лет. По итогам нашего исследования мы увидели, что 69 % педагогов знают о проводимых в их школах и колледжах круглых столах по профилактике распространения идеологии терроризма и борьбе с кибертерроризмом, но не вовлекают сюда своих студентов. программах мероприятий по профилактике экстремизма и идеологии терроризма в их образовательных учреждениях. 31 % указали, что не знают о подобных мероприятиях. Это означает не вовлеченность в подобные мероприятия практически трети педагогического состава. Опрошенные нами школьники и студенты в большинстве своем указали, что хотят участвовать в борьбе с идеологией терроризма и кибертерроризмом, но не имеют возможности это делать [2, с. 82].

После подведения итогов первого этапа исследования мы приступили к организации работы с преподавателями и студентами на базе МКОУ «Гилевская СОШ» и Колледжа АлтГУ. На базе школы были проведены два гражданско-патриотических мероприятия в формате лекций, касающиеся правового просвещения учеников и преподавателей, а на базе колледжа – 8 подобных мероприятий в формате круглых столов, из них 3 для преподавателей. На базе Колледжа АлтГУ круглые столы по правовому просвещению мы сделали ежегодными и добились включения их в календарный план воспитательной работы колледжа. Также, по нашей инициативе в колледже открылась ячейка волонтерской организации юридического института АлтГУ «Антиэкстремизм», собственная волонтерская организация «АКТО», активно участвующие в процессе работы с первокурсниками колледжа в рамках гражданско-патриотического воспитания. На данный момент работа ведется полностью в цифровом формате.

Стоит отметить, что одновременно с началом пандемии и введением дистанционного формата обучения по всей стране в целом и в Алтайском государственном университете в частности, непрерывно идет процесс работы с преподавателями по их адаптации в цифровой среде. Особенно это касается сферы уголовного права и криминологии, оказавшихся на передовой разработки анти-террористической идеологии среди молодежи.

В 2021 г. в ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» актуализованы рабочие программы по криминологии и уголовному праву с преимущественным ориентированием на цифровую сферу и проблемы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом.

Также сотрудниками юридического института разработаны программы дополнительного образования «Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере», «Юрист в сфере IT и цифрового права». В разработке и реализации этих программ принимали активное участие сотрудники Колледжа Алтайского государственного университета.

Ожидается, что рост вовлечения преподавателей в цифровую среду повлечет за собой рост правового просвещения и обучаемой ими молодежи. Данный тезис подтверждается вторым этапом нашего исследования – проведенным в сентябре 2021 г. анонимным анкетированием школьников, студентов и пре-

подавателей по вопросу их ожиданий от преподавания цифровой криминологии и правового просвещения в вопросах профилактики идеологии терроризма и кибертерроризма. Опрошены были 92 человека, разделенных нами на две группы. Из них 52 человека – студенты 3–4 курсов юридического института ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», ученики 10–11 классов МБОУ «Гилевская СОШ». 40 респондентов – преподаватели юридического института АлтГУ, МКОУ «Гилевская СОШ», Колледжа ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» ведущие уголовно-правовые дисциплины и общественное знание. Возраст респондентов первой группы 19–21 лет, возраст второй группы – 30–45 лет. По итогам нашего исследования мы увидели, что 71 % педагогов готовы к работе с рабочими программами, адаптированными к цифровой среде и осведомлены о механизме противодействия идеологии терроризма в киберпространстве. При этом, более активными оказались старшие по возрасту респонденты, уже адаптировавшиеся к условиям дистанционного общения со студентами. 88 % студентов знают об угрозе распространения терроризма в цифровой сфере и желают обучиться борьбе с ним. Об этом же заявили 54 % школьников. Как можно увидеть, в сравнении с результатами 2020 г. наблюдается значительный рост охвата преподавательской и ученической аудитории в вопросе правового просвещения посредством цифровых технологий. Эти данные, по нашему мнению, говорят о назревшей необходимости дальнейшей актуализации программ криминологии к цифровым методам и технологиям преподавания, о необходимости выделения отдельной дисциплины – цифровой криминологии чисто для работы с теорией киберпреступности и кибертерроризма, как опаснейшего элемента цифровой эры. Работа над учебным пособием по цифровой криминологии и использование его в рамках правового просвещения обучающихся планируется в качестве третьего этапа нашего исследования.

Помимо правового и цифрового просвещения вторым направлением нашей деятельности является работа волонтерских организаций по профилактике терроризма и кибертерроризма в образовательной сфере. На основании решения Антитеррористической комиссии Алтайского края (протокол № 73 от 02.03.2020 г.) на базе юридического института ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» создан Региональный антитеррористический научно-методический центр (РАНМЦ), курирующий профилактику терроризма и кибертерроризма в образовательных учреждениях. Эта организация стала итогом совместной работы сотрудников кафедры уголовного права и криминологии.

Сотрудники РАНМЦ при поддержке Министерства образования и науки Алтайского края участвовали в разработке концепции информационной политики в сфере профилактики идеологии терроризма в Алтайском крае в 2021 г.

Необходимо подчеркнуть инициативу ВУЗа и юридического института по привлечению к вышеуказанной деятельности представителей студенческого сообщества. По инициативе кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» созданы и результативно работают волонтерские студенческие организации «Антиэкстремизм» и «Кибердружина 22». В частности, наше исследование уровня правового про-

свещения преподавателей и учеников проводилось с привлечением волонтеров организации «Антиэкстремизм».

К работе в сфере профилактики кибертерроризма юридический институт активно привлекает представителей среднего профессионального образования. Отметим, что среди российских ВУЗов подобный опыт можно назвать уникальным. С 2020 г. в Колледже работает собственная антитеррористическая молодежная организация «АКТО». С октября 2021 г. планируется набор в киберотряд, специализирующийся на информационной безопасности.

Подобные конференции стали традицией и на юридическом институте, где с 2018 г. проводятся всероссийские научно-практические конференции по противодействию экстремизму и терроризму в России. С 2019 г. в них принимает активное участие Колледж Алтайского государственного университета.

В рамках данной статьи мы предлагаем развивать указанные направления взаимодействия, в частности, с СУЗами и ВУЗами Сибирского федерального округа для преодоления региональной замкнутости образовательных учреждений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова И.А. Преступления террористической направленности: сравнительные аспекты : учеб. пособие. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. – 122 с.

2. Обрывко Е.И., Стародубцева М.А., Саенко А.А. О некоторых аспектах повышения правовой культуры в вопросах профилактики экстремизма и идеологии терроризма в образовательной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 11. – С. 81–84.

3. Овчинский В.С. Кибермафия становится глобальным игроком. – Текст : электрон. // Zavtra.ru: [сайт]. – 2021. – 11 мая. – URL: https://zavtra.ru/blogs/kibermafiya_stanovitsya_global_nim_igrokom (дата обращения 31.08.2021).

4. Мазуров В.А. Кибертерроризм: понятие, проблемы противодействия // Доклады ТУСУР. – 2010. – № 1-1 (21). – С. 41–45.

5. Чернядьева Н.А. Понятие «Международный терроризм» в международных соглашениях ООН // Вестник СГЮА. – 2012. – № 4 (87). – С. 1181–1187.

Информация об авторе

Стародубцева Мария Александровна – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического института ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», заместитель руководителя Регионального антитеррористического научно-методического центра; e-mail: starodubzewa@gmail.com.

Author

Starodubtseva Maria Aleksandrovna – Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State University", Deputy Head of the Regional Antiterrorist Scientific and Methodological Center; e-mail: starodubzewa@gmail.com.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ОБ ИНЫХ МЕРАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ – ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕПЕНАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена исследованию проблем установления в уголовном законе системы мер уголовно-правового воздействия. Данные меры не противопоставляются наказанию, полностью не заменяют его, но дополняют заложенный в нем арсенал уголовно-правового воздействия. Главное отличие иных мер уголовно-правового воздействия от наказания заключается в том, что им не свойственна карательная составляющая. Институционализация иных мер уголовно-правового воздействия, применяемых вне режима осуждения, может выступать как направление депенализации, что позволит сократить объем уголовной репрессии, оставляя при этом превентивный эффект уголовного права посредством сохранения признака наказуемости деяний. Депенализация является одним из методов приведения уголовно-правового воздействия в соответствие с реальными потребностями современного общества и эффективным способом достижения цели восстановления социальной справедливости.

Ключевые слова: депенализация экономия пенализации; уголовно-правовое воздействие; иные меры уголовно-правового воздействия; уголовная ответственность; осуждение; предупреждение преступлений; восстановление социальной справедливости.

D.V. Shablinskaya

THE IMPROVEMENT OF PROVISIONS OF THE CRIMINAL LAW ON OTHER MEASURES OF CRIMINALLY-LEGAL IMPACT IS THE MOST IMPORTANT DIRECTION OF DEPENALIZATION

The article is devoted to the study of the problems of differentiation of the system of measures of criminally-legal impact in the criminal law. These measures are not opposed to punishment, do not completely replace it, but supplement the arsenal of criminally-legal impact. The main difference between other measures of criminally-legal impact and punishment is that they are not characterized by a punitive component. Institutionalization of other measures of criminally-legal impact applied outside the conviction regime can act as a direction of depenalization, will reduce the volume of criminal repression, while maintaining the preventive effect of criminal law by preserving the sign of the punishability of acts. Economy of penalization is one of the methods of bringing criminally-legal impact in line with the real needs of modern society and an effective way to achieve the goal of restoration of social justice.

Keywords: depenalization, economy of penalization; criminally-legal impact; other measures of criminally-legal impact; criminal liability; condemnation; crime prevention; restoration of social justice.

Плюрализм как методологическая основа научного познания свойственен изучению и описанию практически любых правовых явлений и категорий. Однако в уголовном праве, реализация которого имеет особые, зачастую необратимые последствия, разнообразие концепций и подходов далеко не во всех случаях позитивно отражается на решении стоящих перед уголовным законом задач. Полагая, уголовно-правовые исследования должны иметь общую основу – научный базис. В этой связи перед уголовно-правовой наукой всегда стояла и будет стоять задача выработки единой парадигмы – модели взаимосвязи между охраняемыми уголовным законом общественными отношениями, совершенными общественно опасными деяниями, лицами, их совершившими, государством, потерпевшими, мерами государственного принуждения и убеждения – отвечающей современным условиям и потребностям борьбы с преступностью.

В настоящее время в Республике Беларусь проблемы дифференциации системы мер уголовно-правового воздействия рассматриваются в рамках теоретической концепции и юридической модели института уголовной ответственности, разработанных В.М. Хомичем [4] и нашедших законодательное закрепление в Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК). Согласно ст. 44 УК, уголовная ответственность как основное правовое явление выступает связующим элементом в виде особого правового режима – режима осуждения – между преступлением и мерой государственного принуждения: наказанием либо иной мерой уголовной ответственности (осуждение с отсрочкой исполнения назначенного наказания, с условным неприменением назначенного наказания, без назначения наказания, с применением в отношении несовершеннолетних принудительных мер воспитательного характера).

Статья 46 УК Беларуси, посвященная формам реализации уголовной ответственности (наказание и иные меры уголовной ответственности), была призвана закрепить все правовые последствия совершения преступления. Однако положения действующего УК позволяют заключить, что на сегодняшний день уголовно-правовое воздействие формами реализации уголовной ответственности не исчерпывается, для эффективного решения задач уголовного закона установлены и иные правовые средства. Уголовным законом предусмотрено применение специальной конфискации, которая не является наказанием либо мерой уголовной ответственности, принудительных мер безопасности и лечения – мер, применяемые не только в отношении лиц, совершивших преступления, но и в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами (заболеваниями), совершивших общественно опасные деяния, превентивного надзора.

За время своего функционирования УК Беларуси дополнен новыми уголовно-правовыми мерами, различными по своему содержанию и целям применения, не относящимися к формам реализации уголовной ответственности (уголовно-правовая компенсация, общественно полезные работы). В качестве обобщающей категории для указанных выше мер нами обоснована категория «иные меры уголовно-правового воздействия». Аргументируя применение именно данного понятия, отметим, что исходя из положений УК, категория «мера уголовно-правового воздействия» является общим (родовым) понятием по отношению и к понятию «наказание», и к понятию «форма реализации уго-

ловной ответственности». Следовательно, меры, не являющиеся наказанием либо другой формой реализации уголовной ответственности, логично рассматривать в качестве иных мер уголовно-правового воздействия.

Таким образом, на сегодняшний день арсенал уголовно-правового воздействия в уголовном праве Беларуси представляет собой три системные «уровня»: 1) наказание, 2) иные меры уголовной ответственности, 3) иные меры уголовно-правового воздействия, не являющиеся формами реализации уголовной ответственности. Однако, в отличие от наказания и иных мер уголовной ответственности, иные меры уголовно-правового воздействия не представлены в уголовном законе в виде самостоятельного института, не имеют системного законодательного регулирования, включающего определение их понятия, целей, оснований и условий применения.

Сравнительно-правовой анализ положений уголовных законов зарубежных стран, в первую очередь, государств-партнеров Республики Беларусь по региональной интеграции, позволил выявить следующую закономерность: иные меры уголовно-правового воздействия все чаще рассматриваются как самостоятельный уголовно-правовой институт, занимающий свое особое место в системе мер уголовно-правового воздействия, а отправной точкой, своеобразным стимулом для уголовно-правовых реформ, достаточно часто выступает институционализация иных мер уголовно-правового воздействия в уголовном законе того или иного государства.

Обозначенные процессы происходят в совокупности с переоценкой роли и места наказания в сфере борьбы с преступностью, расширением спектра средств принуждения, формированием поощрительных мер. Данные изменения имеют различную направленность: повышение эффективности посткриминального контроля и создание реальных возможностей ресоциализации осужденных, формирование состояния безопасности современного общества (достаточно часто иные меры уголовно-правового воздействия определяются как меры безопасности), соответствие меняющимся условиям криминогенной обстановки, восстановление социальной справедливости и создание новой уголовно-правовой идеологии.

Представляется, что сегодня в белорусском уголовном праве сформировались предпосылки переосмысления системы мер уголовно-правового воздействия, в том числе уголовной ответственности и форм ее реализации. Особого внимания заслуживает институт наказания, находящийся по утверждению целого ряда исследователей (и не только криминологов-аболиционистов) в «кризисе».

Отметим, что в рамках данного исследования не ставятся задачи оценить эффективность наказания и предложить меры по ее повышению. Видится важным доказать, что наряду с наказанием в системе мер уголовно-правового воздействия должны быть теоретически обоснованы и законодательно закреплены иные меры государственного принуждения (а, возможно, и убеждения), применение которых позволит скорректировать уголовно-правовое воздействие в сторону его смягчения и гуманизации в случае совершения преступлений, не являющихся тяжкими, но сохранит наказуемость деяний как важнейший признак преступления и основную составляющую общепреventивных функций уголовного права.

Предпосылки институционализации иных мер уголовно-правового воздействия можно изучать как самостоятельное явление, но вполне оправданно рассматривать данный процесс в контексте системных связей, что позволит признать законодательное закрепление и практическое применение иных мер уголовно-правового воздействия формой депенализации (либо изменением интенсивности пенализации). Предлагаем рассматривать депенализацию как инструмент адекватизации наказания и иных мер уголовно-правового воздействия интересам личности, общества и государства для решения задач уголовного права.

В научной литературе депенализация чаще всего рассматривается в качестве инструмента правоприменителя, реализуемого посредством использования судом различных видов освобождения от наказания. В этом ключе видится целесообразным подчеркнуть, что именно законодатель устанавливает границы и направления депенализации конкретного преступления (группы преступлений и лиц, их совершивших), и уже соответствующий вектор уголовной политики дает установку правоприменителю на его реализацию на практике. В рамках правоприменительной уголовной политики депенализацию можно рассмотреть как вектор либерализации (смягчения) уголовной ответственности за содеянное и в целом минимизации правовых последствий совершенного преступления.

Таким образом, практическая депенализация реализует на практике законодательную депенализацию, что предопределяет поиск решений, обеспечивающих дальнейшее развитие депенализации именно средствами уголовного закона. Одним из таких направлений является расширение непосредственно на законодательном уровне оснований для поливариантного установления наказуемости и последующего отказа от применения наказания на практике. Полагаем, решению данной задачи будет способствовать установление в уголовном законе иных мер уголовно-правового воздействия.

Институт иных мер уголовно-правового воздействия имеет целый ряд преимуществ. Его установление и реализация не переносит «бремя государственного принуждения» на иные отрасли права, например, административное право, гражданское право. Иные меры уголовно-правового воздействия имеют уголовно-правовую природу. Уголовное право продолжает решать свои задачи, достигать поставленные цели, оказывать воздействие на лицо, совершившее общественно опасное деяние, и на преступность в целом, что приводит к достижению весьма важного для государства результата – реализации охранительной, предупредительной и даже воспитательной функций. Фактическое применение иных мер уголовно-правового воздействия, а не уголовного наказания, не отменяет наказуемость деяния как его обязательный содержательный признак. В подобных случаях сохраняется угроза наказанием, т.е. общепредупредительное воздействие конкретного уголовно-правового запрета.

Следует отметить, что коллективом белорусских ученых выполнено научное исследование, по итогам которого сделаны выводы и внесены предложения о совершенствовании системы мер уголовно-правового воздействия [2]. Ряд данных предложений может быть рассмотрен именно в контексте депенализации, что включает в себя комплекс следующих мер.

В первую очередь, в целях системного и структурного обособления иных мер уголовно-правового воздействия следует исключить раздел IV «Принудительные меры безопасности и лечения» и одноименную гл. 14 УК Республики Беларусь, нормы которых в обновленной редакции должны войти в новый раздел IV¹ «Иные меры уголовно-правового воздействия»). В данном разделе следует закрепить понятие иных мер уголовно-правового воздействия, их цели, предложить перечень и раскрыть содержание каждой из данных мер, установить основания и условия применения.

В качестве концептуальной основы предлагаемых изменений можно предложить закрепление нового принципа уголовного закона – экономии мер уголовно-правового воздействия. Т.Г. Хатенивич справедливо заключает об отсутствии единой концепции бережного, экономного отношения к ресурсам государства и общества, которые затрачиваются как на нейтрализацию последствий совершенного преступления, так и реализацию предупредительной функции ответственности [3]. Рассмотреть экономию репрессии в контексте принципа гуманизма также предлагали отечественные ученые Э.А. Саркисова, Е.С. Бородулькина [1] и др.

Развитие имущественно-восстановительного подхода к фактической реабилитации объекта преступления предполагает введение в УК новых мер уголовно-правового воздействия, относящихся в поощрительным (стимулирующим) мерам. В этом направлении заслуживают внимания предложения Л.В. Павловой о включении в УК уголовно-правовой реституции и иных поощрительных мер [2, с. 380–421].

Полагаем, депенализация, осуществляемая посредством замещения наказания иными мерами уголовно-правового воздействия, позволяет расширить и объект, и содержание уголовно-правового воздействия. В рамках данного направления необходимо проработать вопрос о введении мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц (см., например, результаты исследований Н.И. Козелецкой и В.К. Ладутько [2, с. 343–379]).

Несмотря на приоритет уголовного наказания в системе мер уголовно-правового воздействия, что обосновано в том числе белорусскими учеными, например, В.А. Давидовской [2, с. 86–131], видится целесообразным перевод отдельных видов наказания (например, ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа), в меры пробации, не являющиеся наказанием.

Заслуживает внимания и предложение о рассмотрении возможности реализации принудительных мер воспитательного характера вне режима осуждения, что аргументировано И.И. Лапцевич [2, с. 225–248]. В целом, следует более детально подойти к уголовно-правовому воздействию на лиц, совершивших преступные деяния в несовершеннолетнем возрасте, максимально исключив карательную составляющую в уголовно-правовых мерах, применяемых к лицам, не достигшим 18 лет (см., например, исследования Д.Л. Гулякевича [2, с. 207–224]).

Весьма значимо совершенствование правового регулирования иных мер уголовной ответственности (осуждения с условным неприменением наказания,

осуждения с отсрочкой исполнения наказания), что обосновано О.И. Бахуром [2, с. 165–206]. В рамках оптимизации мер уголовно-правового воздействия, дополняющих уголовную ответственность на завершающем (постпенитенциарном) этапе ее осуществления в отношении судимого лица, отбывшего наказание в виде лишения свободы, видится необходимой оптимизация правовой природы и правового регулирования превентивного надзора, о чем в своих исследованиях приходит к выводу А.В. Шидловский [2, с. 322–342].

Таким образом, в уголовном праве Беларуси имеется серьезный теоретический задел для подготовки и последующей реализации концепции совершенствования системы мер уголовно-правового воздействия, призванной по-новому отразить механизм уголовно-правового воздействия, определить его компоненты и уровни, а также место конкретных мер в системе средств борьбы с общественно опасными деяниями, что обеспечит в том числе развитие процессов депенализации, гуманизации уголовно-правового воздействия, восстановления социальной справедливости и экономии мер уголовной репрессии. Полагаем, депенализация, осуществляемая посредством замещения наказания иными мерами уголовно-правового воздействия, позволяет расширить и объект, и содержание уголовно-правового воздействия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бородулькина Е. С. Принцип гуманизма в уголовном праве // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: Н.А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2017. – Вып. 12. – С. 641–649.

2. Уголовно-правовое воздействие и его реализация в контексте современных тенденций уголовной политики / О.И. Бахур [и др.]; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; под ред. Д.В. Шаблинской. Минск : Колорград, 2020. – 456 с.

3. Хатеневич Т. Г. Экономия средств уголовно-правового воздействия как критерий качества и эффективности правотворчества и правоприменения // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр зак-ва и прав. исслед. Респ. Беларусь; редкол.: Н.А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Минск: Колорград, 2020. – Вып. 15. – С. 760–770.

4. Хомич В.М. Теоретические проблемы уголовной ответственности (Концепция и правовая модель института уголовной ответственности) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 1997. – 35 с.

Информация об авторе

Шаблинская Диана Викторовна – доцент кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: 3322982@tut.by.

Author

Shablinskaya Diana Victorovna – Ass. Professor, Chair of Criminal Law, Belorussian State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, e-mail: 3322982@tut.by.

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГЕРМАНИИ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА

Статья посвящена рассмотрению такого глобального явления, как терроризм, и его законодательному регулированию в Федеративной республике Германия. В работе рассматривается вопрос о борьбе с финансированием терроризма как основного элемента процесса противодействия международному терроризму. Противодействию финансированию терроризма уделяется первостепенное внимание Федеральным правительством Германии, поэтому все акты финансирования террористической деятельности, будь то отдельными лицами или группами, наказуемы в ФРГ в соответствии с уголовным законодательством. Для Германии борьба с терроризмом является одним из главных приоритетов. Важным компонентом этой борьбы является предупреждение, пресечение и санкционирование финансовой деятельности. Авторы рассматривают не только законодательное регулирование исследуемого вопроса, но и взаимодействие органов безопасности ФРГ, в том числе и с международными организациями в рамках противодействия отмыванию денег для целей финансирования терроризма.

Ключевые слова: терроризм; финансирование; террористический акт; противодействие терроризму; отмывание денег; Германия.

V.A. Shestak, D.A. Shaynurova

SPECIFIC FEATURES OF GERMAN LEGISLATION REGULATING ANTI-TERRORIST FINANCING

The article is devoted to the consideration of such a global phenomenon as terrorism and its legislative regulation in the Federal Republic of Germany. The paper examines the issue of combating the financing of terrorism as the main element of the process of countering international terrorism. Counter-terrorist financing is a top priority by the German Federal Government, therefore all acts of terrorist financing, whether by individuals or groups, are punishable in Germany under criminal law. For Germany, the fight against terrorism is one of the top priorities. An important component of this fight is the prevention, suppression and authorization of financial activities. The authors consider not only the legislative regulation of the issue under study, but also the interaction of German security agencies, including with international organizations, in the framework of combating money laundering for the purpose of financing terrorism.

Keywords: terrorism; financing; terrorist act; counterterrorism; money laundering; Germany.

Финансирование терроризма определяется в соответствии с немецким законодательством как предоставление или сбор финансовых ресурсов с осознанием того, что они используются или будут использоваться полностью или частично, для создания террористической организации или серьезной дестабилизации основных экономических или социальных структур страны или международной организации [1]. При этом законодательные положения о борьбе с финансированием терроризма являются частью общего уголовного права, поэтому специального уголовного закона в сфере противодействия терроризму не существует.

Кроме этого, все международные нормы, а также законодательство ЕС (как, например, пятая Директива ЕС по борьбе с отмыванием денег) были имплементированы в национальное законодательство Германии. Это относится, в частности, к рекомендациям Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (далее – ФАТФ). Все три категории риска финансирования терроризма, установленные ФАТФ, в том числе сбор активов в Германии и перевод их получателям за рубежом в террористических целях; направление активов, собранных за рубежом в террористических целях через немецкую финансовую систему иностранному получателю; перевод активов, собранных за рубежом, в Германию и использование их в террористических целях в Германии – являются уголовно наказуемыми деяниями, ответственность за совершение которых предусмотрена в соответствии с § 89с, §§ 129а, 129b Уголовного кодекса ФРГ [2] и § 18 Закона о внешней торговле и платежах [3].

С 20 июня 2015 г. Уголовный кодекс ФРГ был дополнен статьей о финансировании терроризма (§ 89с Уголовного кодекса). Раздел 89с предусматривает уголовную ответственность за финансирование террористических преступлений, при этом, согласно §89с абз. 1 Уголовного кодекса, для наступления уголовной ответственности достаточно простого знания исполнителя о том, что средства будут использованы третьим лицом или им самим для совершения террористического акта. Поэтому не обязательно, чтобы финансирование было объективно связано с конкретным преступлением. С субъективной точки зрения также не обязательно, чтобы исполнитель знал о конкретном действии, для которого будут использованы финансовые средства, достаточно того, что исполнитель знает или намеревается, что взносы будут использованы для еще не определенного действия по смыслу § 89 с Уголовного кодекса.

Раздел 89с Уголовного кодекса имеет большое практическое значение в качестве отправной точки для расследования, которое часто приводит к обвинениям по разделу 129а Уголовного кодекса. Это связано с тем, что необходимые доказательства фактов, ведущих к возбуждению предварительного производства и, соответственно, возможных уголовно-процессуальных мер в отношении ст. 89с Уголовного кодекса, зачастую легче доказать, чем в отношении преступления, предусмотренного ст. 129а Уголовного кодекса.

По мнению правительства Германии, борьба с финансированием терроризма является составной частью борьбы с международным терроризмом, даже если создание, а также перемещение активов не является основным мотивом для совершения преступления, в отличие от большинства других преступлений.

Средства для такого финансирования могут быть собраны как из незаконных, так и из законных источников. Использование частных активов для финансирования террористических актов часто является легальным источником (например, доход от работы, выплаты алиментов, сбережения). Для долгосрочного укрепления структур возможны инвестиции в недвижимость и предприятия, гарантирующие постоянный денежный поток. Финансирование может осуществляться через выплаты на содержание семьи (например, лицам, выехавшим в зоны иностранных конфликтов и вступившим в террористические организации) или путем получения кредитов. Иностранные террористические группы иногда используют свою диаспору, проживающую в Германии, для получения пожертвований с целью финансирования своих структур и деятельности.

Получение средств для террористических целей часто происходит вдали от реальной сферы деятельности организаций-бенефициаров. Хотя при накоплении финансовых средств часто необходимо использовать установленную банковскую систему, преступники часто ищут иные способы пересылки сумм, чтобы скрыть следы транзакций от органов безопасности. Неформальные системы финансовых переводов по-прежнему широко используются в сфере исламистского терроризма [4]. Эти операции по переводу средств обычно совершаются в регионах с неразвитой банковской системой.

Наиболее известной формой неформального бизнеса по переводу средств является «хавала». Суть ее: деньги, подлежащие переводу, депонируются у дилера за комиссию (около 0,5–5 %). Вкладчику выдается пароль, который он сообщает получателю в месте выдачи средств. Получатель получает деньги в пункте назначения от другого лица в обмен на согласованный пароль. Торговцы рассчитываются друг с другом через курьеров, расчетные счета или путем компенсации за поставку товаров. По оценкам органов безопасности, участвующих в Национальном анализе рисков, через такие системы в мире ежегодно переводится около 200 млрд дол. США [5].

В соответствии с Законом об отмывании денег [6] немецкое законодательство создало чрезвычайно эффективную правовую базу для предотвращения финансирования терроризма. Соблюдение этих требований обеспечивается Федеральным управлением финансового надзора Германии для финансового сектора. Его полномочия в соответствии с данным законом дополняются в области регулирующего воздействия на кредитные учреждения ст. 6а Закона о банковской деятельности Германии [7]. На основании Закона о банковской деятельности можно, в частности, отдать распоряжение о замораживании вкладов, в отношении которых имеются достаточные основания подозревать, что они служат или могли бы служить в случае осуществления финансовой операции для финансирования терроризма в соответствии со ст. 89с Уголовного кодекса или финансирования террористической организации в соответствии со ст. 129а, а также в сочетании со ст. 129b Уголовного кодекса.

В качестве превентивной меры при подозрении в финансировании терроризма возможно внесение организаций и лиц в список в рамках режима международных санкций в области терроризма. В области финансовых санкций применяется законодательство Европейского Союза прямого действия. Так,

Немецкий Федеральный Банк является национальным компетентным органом по реализации финансовых санкций ЕС, включая Регламенты Совета (ЕС) № 2580/2001 о конкретных ограничительных мерах, направленных против определенных лиц и организаций в целях борьбы с терроризмом [10] и № 881/2002, вводящий конкретные ограничительные меры, направленные против определенных лиц и организаций, принимавших участие в террористических атаках.

В целях контроля за соблюдением правил финансовых санкций и отчетности по внешней торговле Немецкий Федеральный Банк проводит внешнеторговые аудиты финансовых предприятий, кредитных учреждений, поставщиков финансовых услуг, компаний по управлению капиталом и страховых компаний на основании раздела 23 Закона о внешней торговле. В случае подозрения о нарушении положений о санкциях немедленно информируется компетентная прокуратура или компетентное главное таможенное управление.

В Федеративной Республике Германия органы прокуратуры и полиции ведут активную борьбу с терроризмом на федеральном уровне и на уровне земель. При выявлении преступлений, связанных с финансированием терроризма, юрисдикция федерального прокурора по уголовному преследованию является первоначальной при условии, что финансирование терроризма представляет собой преступление, предусмотренное разделами 129 а, 129 б Уголовного кодекса. Он может передать предварительное производство в прокуратуры земель в соответствии со ст. 142а (2) Уголовно-процессуального закона, если дело имеет незначительное значение (ст. 142а (2) № 2 Уголовно-процессуального закона). И, наоборот, федеральный прокурор может взять на себя предварительное производство по уголовным преступлениям согласно § 89с Уголовного кодекса или § 18 Закона о внешней торговле и платежах, которые в принципе относятся к компетенции земельных прокуратур, если он подтвердит, что дело имеет особое значение.

Бесперебойное и эффективное судебное преследование в области финансирования терроризма обеспечивается в рамках существующего распределения обязанностей между Федеральным прокурором и прокуратурами земель. С 2017 г. во всех землях на уровне прокуратур созданы так называемые центры государственной защиты, которые централизованно проводят, координируют или сопровождают следственные действия по подозрению в совершении террористических преступлений, в частности, по обвинению по ст. 89с Уголовного кодекса. Такое объединение компетенций обеспечивает выявление фактов, связанных с финансированием терроризма, их преследование и, при необходимости, представление Федеральному прокурору в Федеральный верховный суд для рассмотрения вопроса о задержании.

Правоохранительные органы также активно сотрудничают на международном уровне. Учитывая транснациональные связи между преступниками-террористами, сотрудничество постоянно активизируется на европейском уровне, при этом ключевую роль играет Евроюст – орган, созданный в 2002 г. Задачей Евроюста является содействие и улучшение координации и сотрудничества между национальными органами юстиции в преследовании серьезных

трансграничных преступлений в Европейском Союзе. Совместные следственные группы (ССГ) неоднократно создавались совместно с другими государствами-членами ЕС и Евроюстом. Появившаяся возможность взаимного обмена выводами без официальных запросов о взаимной правовой помощи и более легкой координации хода расследования оказывается большим преимуществом в таких трансграничных делах.

Таким образом, и федеральное правительство, и правительства земель признают опасность, которую представляет собой терроризм и прилагают усилия для предотвращения этого. В целях укрепления общенационального подхода к борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма продолжается развитие структурного сотрудничества между федеральным правительством и землями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gesetz über das Kreditwesen. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/kredwlg> (дата обращения: 29.05.2021).

2. Strafgesetzbuch. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb> (дата обращения: 29.05.2021).

3. Außenwirtschaftsgesetz. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/awg_2013 (дата обращения: 29.05.2021).

4. Hawala-Banking. Strafrechtliche Regelungen. – URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/677264/6a02a7874ea5e7e309b7842b7812fabcd/Wd-7-188-19-pdf-data.pdf> (дата обращения: 29.05.2021).

5. Erste Nationale Risikoanalyse. Bekämpfung von Geldwäsche und Terrorismusfinanzierung. – URL: https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Downloads/Broschueren_Bestellservice/2019-10-19-erste-nationale-risikoanalyse_2018-2019.pdf?__blob=publicationFile&v=7 (дата обращения: 29.05.2021).

6. Gesetz über das Aufspüren von Gewinnen aus schweren Straftaten. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gwg_2017/GwG.pdf (дата обращения: 29.05.2021).

7. Gesetz über das Kreditwesen. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/kredwlg> (дата обращения: 29.05.2021).

8. Council Regulation (EC) № 2580/2001 of 27 December 2001 on specific restrictive measures directed against certain persons and entities with a view to combating terrorism. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/GA/TXT/?uri=CELEX%3A32001R2580> (дата обращения: 29.05.2021).

Информация об авторах

Шестак Виктор Анатольевич – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, доктор юридических наук, доцент, e-mail: shestak.v.a@mgimo.ru.

Шайнурова Дария Артуровна – Московский государственный институт международных отношений (Университета) МИД России, e-mail: dariya.shaynurova@mail.ru.

Authors

Shestak Viktor Anatolyevich – Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO University, Doctor of Juridical Science, Associate Professor, e-mail: shestak.v.a@mgimo.ru.

Shaynurova Dariya Arturovna – MGIMO University, e-mail: dariya.shaynurova@mail.ru.

**АМБИВАЛЕНТНОСТЬ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ:
МЕЖДУ МИФОЛОГИЧЕСКИМ И РАЦИОНАЛЬНЫМ
ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИМ СОЗНАНИЕМ**

В статье предлагается рассмотреть современную российскую уголовную политику через призму взаимодействия изменяющихся методов государственного управления и правовой культуры с включенным в нее правосознанием. Автор, подходя с таких позиций, не только демонстрирует двойственность восприятия уголовного права и логики уголовно-политического мышления, но и предлагает пути их гармонизации в целях нахождения баланса между сохранением отечественных правовых традиций и приспособлением к условиям пост-современного общества.

Ключевые слова: уголовное право; постнеклассическое правопонимание; коллективное бессознательное; мифологемы, уголовное наказание; уголовная политика.

V.N. Shihanov

**AMBIVALENCE OF RUSSIAN CRIMINAL POLICY:
BETWEEN MYTHOLOGICAL AND RATIONAL
POST-NON-CLASSICAL CONSCIOUSNESS**

The article proposes to consider the modern Russian criminal policy through the prism of the interaction of changing methods of public administration and legal culture with the legal consciousness included in it. The author, approaching from such positions, not only demonstrates the duality of the perception of criminal law and the logic of criminal-political thinking, but also suggests ways to harmonize them in order to find a balance between preserving domestic legal traditions and adapting to the conditions of a post-modern society.

Keywords: criminal law; post-non-classical legal understanding; collective unconscious; mythologems; criminal punishment; criminal policy.

В отношении современной уголовной политики высказано и высказывается много нареканий. Важным является то, что эту политику сложно упрекнуть в строгой, ясно просматриваемой линии: имеются примеры сомнительной криминализации (когда новые нормы применяются крайне редко), дифференциации (того же мошенничества, когда дополнительные его разновидности вызывают сложности в разграничении между собой и с основным составом, и в принципе применяются редко), пенализации (когда новые санкции оказываются малоприспособленными для их применения) и смягчение закона (когда в юридическом сообществе и в кругу правозащитников разворачиваются острые дискуссии об

обоснованности новых поощрительных норм, о последствиях произошедшей декриминализации, о равенстве граждан в новых условиях и т.д.).

В качестве примера более последовательного развития норм УК РФ можно назвать разве что составы о преступлениях террористического характера, а также о преступлениях против здоровья населения и безопасности дорожного движения. Хотя и по ним имеется немало критики, в том числе по вопросам конструкций этих уголовно-правовых запретов.

Может показаться, что в уголовной политике сегодня воцарились хаос и конъюнктурные интересы. Видимо, не обошлось без этого. Однако если попытаться «заглянуть за текст», посмотреть саму риторику разработчиков поправок в УК РФ в сопоставлении с принимаемыми уголовно-политическими решениями, то можно обнаружить ряд закономерностей (а значит, попытаться понять современную логику развития уголовного законодательства).

Для этого необходимо в историческом разрезе взглянуть на особенности отношений «власть» – «юридическая наука»: каково участие правоведения в формировании уголовной политики?

С определенной долей условности можно выделить три этапа:

1. Дореформенный (до момента, который описал М. Фуко в своей работе «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» [1]), когда уголовная политика считалась уделом исключительно власти и отчасти высшего духовенства.

2. Пореформенный (в основном с рубежа XVIII–XIX вв.), когда была существенно переосмыслена концепция государственного управления, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. В центре внимания появилась фигура «дисциплинарного индивида», эпоха модерна предполагала ресоциализацию через призму включения в производственные отношения, трудоустройства, а уголовная юстиция обратила взор на пороки, которые таятся за поступками личности. В этот момент потребовалось сопровождение уголовного процесса разными специалистами и экспертами, стали развиваться соответствующие науки [1, с. 29–42]. Характерный для этой эпохи наукоцентризм создал почву для надежд на победу над преступностью с помощью разума, а также научных методик искоренения отклоняющегося поведения.

В бытность СССР у советской власти был серьезный запрос сначала на научное обоснование классового уголовного права (с теорией опасного состояния), а затем и на поиск методов искоренения преступности в социалистическом обществе (поскольку такая возможность постулировалась положениями исторического материализма) [2, с. 226–227]. Соответственно, юридическая наука получила широкие возможности по разработке учения о криминализации и декриминализации, а также об уголовной политике с их внедрением в политическую жизнь и правоприменительную практику.

3. Постсовременный. Со второй половины XX в. в большинстве развитых стран сформировалось разочарование в прежних уголовно-политических стратегиях, и в целом наметился переход к другим технологиям государственного управления (по М. Фуко – управленчества). В зарубежной и отечественной философской, политологической и юридической литературе переход к этому третьему этапу хорошо описан [3, с. 13–32]. В СССР завершение прежнего этапа

ознаменовалось своими особенностями: распад государства, крах социалистической идеологии, а вместе с ним и прекращение спроса на научное обоснование уголовной политики, уголовного законодательства. При этом в России с середины 2000-х гг. происходит переход именно этому к третьему условно выделенному нами этапу отношений «власть» – «юридическая наука».

Особенности нового этапа этих отношений выражены в стыке нескольких планов: ситуация постмодернити в эпистемологии, где наука утратила монополию на истину [4, с. 33–37]; переход от политики исправления и предупреждения к политике безопасности; плюс серьезная ориентация власти на создание контр-новостей в ответ на негативные события для поддержания легитимности власти в глазах электората.

В этих условиях юридическая наука продолжает претендовать на участие в формировании уголовной политики, заявляет о том, что ей известна формула правильного и эффективного уголовного закона. Однако разработанные правоведами критерии для проведения «правильной» уголовной политики собственно научной, с низкой внешней валидностью (поскольку не берут в расчет утилитарные стремления власти), и опираются преимущественно на положения классической школы уголовного права, на представления о наукоцентризме, нормоцентризме.

Кроме того, в своих основаниях и в целом ряде концептуальных положений уголовно-правовая доктрина и уголовно-политическая теория связаны с мифами и мифологемами. В частности, представления о функциях уголовного права, о целях и эффектах уголовного наказания до сих пор несут на себе явные следы эпохи модерна и отчасти смесь дохристианских и христианских верований, превратившихся в мифологемы. Здесь: полностью рациональный индивид, обладающий свободной волей и способный все осознать, предвидеть и желать; априорное утверждение о превентивной роли уголовного закона с момента его вступления в силу; идея необходимости и принципиальной возможности установить соразмерность между преступлением и наказанием; незыблемость мысли о решающей важности неотвратимости наказания; почти сакральная значимость прикосновенности к преступлению (общественная опасность личности – запятнанность); аксиоматичность положения, что повышение предупредительного эффекта уголовного закона происходит при ужесточении санкций в его статьях. При этом отечественная доктрина уголовного права в большей степени ориентирована скорее на ретрибутивистов с И. Кантом, нежели на утилитаристов (хотя принято цитировать Ч. Беккариа).

Вместе с тем, сама власть действует в условиях постсовременного общества, а потому отрицает те границы и постулаты, которые обозначает для нее юридическая доктрина (ведь они видятся несовременными и оттого необоснованными). В такой ситуации власть стремится прибегать к методам нового «государственного управленчества», более характерным для текущей эпохи и социокультурной формации. Весьма показательным является переключение риторики в документах стратегического планирования и в нормативных правовых актах на «угрозы безопасности» и чувство «защищенности», расширение границ репрессии с помощью новых юридических конструкций, *defacto* изменение

целевых характеристик мер уголовно-правового воздействия (не как в классическом уголовном праве).

Поскольку юридическая наука остается преимущественно на прежних позициях, постольку отсутствуют опережающие доктринальные разработки постнеклассического толка в вопросах уголовного права и уголовной политики, а власть действует методом проб и ошибок. Именно эту картину мы видим в юридических публикациях, точнее внешние проявления описываемого процесса.

Но важно и другое. УК РФ 1996 г. был разработан правоведами с учетом лучших достижений на тот момент с точки зрения представлений о «правильном и эффективном» уголовном законе. Мы отмечали, что эти разработки были сформированы на втором условно выделенном этапе отношений «власть» – «юридическая наука», в эпоху модерна и для этой эпохи. Лишь поправки, вносимые в УК РФ 1996 г., (коих, конечно, очень много) отражают черты нового этапа отношений и новой эпохи постсовременного общества, однако зачастую они смотрятся как чуждые, выбивающиеся из общей концепции модернистского уголовного закона.

Но что же происходит с юридическим мышлением и профессиональным правосознанием? Оно, на наш взгляд, оказалось в ситуации амбивалентности, поскольку как коллективный феномен правовой культуры сегодня представляет собой сочетание малосовместимых фрагментов, и в ситуации, когда никакая работа по их гармонизации не ведется.

Среди персонала центров формирования уголовной политики (Администрация Президента Российской Федерации, разные федеральные министерства и ведомства, Верховный Суд Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации) немало юристов. Поэтому – даже при их осознанном дистанцировании от требований правовой науки, которые та предъявляет к уголовной политике – решения ими все равно вырабатываются по логике юридического мышления. Эта форма отражения действительности обладает существенной спецификой в том, что утверждает о собственной рафинированной рациональности, однако содержит много мифологического как в основаниях, так и в схемах символического связывания разных явлений между собой.

Получается, что юристы, находящиеся в центрах выработки уголовно-политических решений, стараются определять «угрозы» и подбирать меры реакции на них в духе постсовременной (неолиберальной) политической логики, однако с завидной регулярностью сквозь эту логику прорывается дух классического уголовного права с его мифологемами. И вот мы раз за разом ужесточаем ответственность за неосторожные преступления, за клевету и хулиганство, надеясь самим фактом поступательного ужесточения санкций оказать сакральное «остужающее» влияние на горячие головы; вводим уголовную ответственность за деяния, которые вызвали возмущение, но в социальной практике представлены мало, и т.д.

Стремится ли законодатель создать более успешные программы исправления граждан, совершающих такие преступления, за счет увеличения возможного срока исправительного воздействия через наказания? Верит ли законодатель, что повышение верхнего предела лишения свободы по ст. 264 УК РФ до

15 лет наконец-то остановит безответственных водителей – тех, которые, по видимому, не боялись наказания в виде девяти лет лишения свободы (в прежней редакции)? А если дорожно-транспортная преступность (или иные виды преступности) не будут показывать однозначной реакции на это, то до каких пределов еще нужно будет усиливать санкции?

Рационального ответа на эти вопросы найти невозможно. Для логики прежней эпохи уголовного права и уголовной политики эти реакции могут объясняться мифологемами. Для архаичной логики они оказываются ответом на содержание мифологического правосознания населения, которое ожидает деятельной реакции на вопиющие случаи, требует воздаяния, восстановления нарушенного космического порядка, чтобы мир не перешел в хаос. Если власть не проявит ожидаемую реакцию, то рискует утратить легитимность.

Рациональная постнеклассическая, неолиберальная логика проведения уголовной политики просматривается в создании таких юридических конструкций, которые не преследуют целей исправления или устрашения, но позволяют экономить уголовную репрессию одновременно с экономией средств на содержание уголовной юстиции, а также на ранних стадиях привлекать граждан пусть не к самой суровой, но все же к чувствительной ответственности, клеймить их и брать под контроль. Зачастую это смещение момента юридического окончания преступления на более ранние стадии, с разрушением прежних стройных институтов об этих стадиях и видах неоконченного преступления, о соучастии. Здесь составы обещания или предложения (посредничества во взятничестве и коммерческом подкупе), перенос норм о формах и видах соучастия в Особенную часть уголовного закона и нек. др.

Таким образом, современное уголовно-политическое мышление находится в перманентном состоянии неопределенности между древними очертаниями уголовного права и уголовной политики (которые основаны на архетипичных представлениях о сущности и функциях уголовной репрессии в обществе, о преступном, о наказании) и современными управленческими чертами с переходом к «праву безопасности» от «права воздаяния» (и тем более от «права исправления»). Проблема состоит в том, что строгих критериев выбора между этими подходами не просматривается. Получается почти шизофреническое сочетание первого и второго.

Но возможно ли эту амбивалентность устранить? На наш взгляд, интеллектуальные усилия науки или самой политики на это не способны. Сложившаяся ситуация отражает особенности правовой и политической культуры в данный период существования российского общества: переосмысление представлений об уголовном праве при сохранении преемственности рефлексии по его поводу и относительно уголовной репрессии вообще за счет архетипических структур. Вместе с тем, данным процессом наука может управлять, определяя, во-первых, те стороны уголовного права или такие деяния, в отношении которых общество ожидает классических или даже архаичных форм реакции со стороны государства, а во-вторых, те сферы, где государство может использовать постнеклассические модели уголовно-правового воздействия.

Здесь можно возразить, ведь предлагаемый нами подход является релятивистским, а сам уголовный закон и его предписания могут утратить единую логику. Полагаем, что стремление сделать монолитный уголовный закон, нормы которого были бы ориентированы на равнозначно преследуемые цели, задачи и выстроены по какой-то одной модели уголовно-правового воздействия, – это признаки монистических подходов эпохи модерна. Обнаружившаяся сложность, дополнительность многих явлений общественной жизни и общества в целом делают допустимым создание уголовного закона, содержащего разные модели уголовно-правового воздействия.

De facto уголовное законодательство уже сейчас не является строго общей монолитной отраслью – она по многим параметрам выстраивается по типу англосаксонской структуры, межотраслевыми группами норм (институтами), и уголовно-правовые предписания в итоге утрачивают былую согласованность между собой, не укладываются в общую матрицу соразмерности мер уголовно-правового характера и общественно опасных деяний.

Вопрос лишь в том, что в настоящее время эти «группировки» (межотраслевые институты) выстроены методом проб и ошибок, практически вслепую. Наука в такой ситуации может внести свою логику, определив, какие положения допускают использование мифологического сознания эпохи классического уголовного права, а какие – постнеклассического.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М. : «Ad Marginem», 1999. – 480 с.
2. Разогреева А.М. Пост(советская) административная криминология: игра на понижение // Криминологические основы уголовного права : материалы 10-го Рос. конгресса уголов. права (26–27 мая 2016 г.) / под ред. В.С. Комиссарова. М. : Юрлитинформ, 2016. – С. 225–228.
3. Гуринская А.Л. Неолиберальная уголовная политика: безопасность, приватизация и роль государства // Теории и проблемы политических исследований. – 2014. – № 1–2. – С. 13–39.
4. Честнов И. Л. Правовая политика в постклассическом измерении // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2 (2). – С. 33–44.

Информация об авторе

Шиханов Владимир Николаевич – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: ShikhanovVN@Rambler.ru.

Author

Vladimir N. Shikhanov – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) University of Public Prosecutor's Office, Irkutsk, Russia, e-mail: ShikhanovVN@Rambler.ru.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.11

Н.В. Азаренок

ОЦЕНКА ЗАКРЕПЛЕНИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УПК РФ В КОНТЕКСТЕ РАЗРАБОТКИ БУДУЩЕГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

В статье отмечается, что в период разработки нового отечественного уголовно-процессуального законодательства в первую очередь следует определиться с местом и ролью в нем состязательности. От решения данного вопроса во многом зависит дееспособность и эффективность будущего уголовно-процессуального кодекса. Изложенное обуславливает необходимость оценки закрепления состязательности в УПК РФ. Отмечается, что состязательность впервые получила нормативное определение в ст. 15 Кодекса, где указано, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон с разделением функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, отделением суда от обвинения и равноправием спорящих сторон. Из содержания п. 56 ст. 5 УПК РФ следует, что термин «уголовное судопроизводство» – «досудебное и судебное производство по уголовному делу». Поэтому российский уголовный процесс в УПК РФ объявлен полностью состязательным. Однако, обеспечить данную заявку дееспособным уголовно-процессуальным механизмом создателям УПК РФ не удалось, что объясняется континентально-правовой сущностью отечественного уголовного процесса как производства смешанного типа. Данное обстоятельство подлежит учету при разработке нового уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: состязательность; форма уголовного производства; суд; следователь; защитник.

N.V. Azarenok

ASSESSMENT OF THE CONSOLIDATION OF COMPETITION IN THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE FUTURE CRIMINAL PROCEDURE LAW

The article notes that during the development of a new domestic criminal procedure legislation, it is necessary first of all to determine the place and role of competition in it. The legal capacity and effectiveness of the future criminal procedure code largely depends on the solution of this issue. The above makes it necessary to assess the consolidation of competition in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It is noted that for the first time, competition received a normative definition in art. 15 of the Code, which states that criminal proceedings are carried out on the basis of the adversarial nature of the parties with the separation of the functions of the

prosecution, defense and resolution of the criminal case, the separation of the court from the prosecution and the equality of the disputing parties. It follows from the content of paragraph 56 of Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation that the term "criminal proceedings" means "pre-trial and judicial proceedings in a criminal case". Therefore, the Russian criminal procedure in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is declared completely adversarial. However, the creators of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation failed to provide this application with a capable criminal procedure mechanism, which is explained by the continental legal essence of the domestic criminal process as a mixed-type production. This circumstance should be taken into account when developing new criminal procedure legislation.

Keywords: adversarial nature; form of criminal proceedings; court; investigator; defender.

За двадцатилетний период, прошедший с момента принятия УПК РФ, ряд стран ближнего зарубежья произвел уже вторую после распада СССР ротацию своего уголовно-процессуального законодательства. Например, Грузия сменила свой УПК 1998 г. на УПК 2009 г., Киргизия приняла новый УПК в 2017 г. взамен УПК 1999 г., Казахстан принял в 2015 г. новый УПК взамен УПК 1997 г., в Армении в настоящее время ведется аналогичная работа по замене УПК 1998 г. Обращение к отечественной уголовно-процессуальной доктрине позволяет заключить, что в ее основе до сих пор находятся разработанные до принятия УПК РФ положения, в частности, содержащиеся в Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. [5, с. 50]. При этом они во многом уже утратили свою актуальность, поскольку были направлены на принципиальное реформирование всей правовой системы нашей страны. Очевидно, что общественно-политическая ситуация с того времени существенно изменилась, о чем свидетельствует, в частности, проведенная в 2020 г. самая масштабная с момента принятия в 1993 г. корректировка Конституции РФ.

Представляется, что одним из центральных вопросов перспективного отечественного уголовно-процессуального кодекса является состязательность. В этом плане особую ценность представляет оценка ее закрепления в УПК РФ.

Требование состязательности судопроизводства вошло в текст Конституции РФ в такой формулировке – «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» (ч. 3 ст. 123).

Разработчики нового российского уголовно-процессуального кодекса ввели в него ряд положений, призванных обеспечить максимальную состязательность в условиях сохранившейся континентальной формы уголовного производства. В УПК РФ впервые в ст. 15 в качестве принципа уголовного судопроизводства закреплена состязательность, обусловившая разделение функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, отделение суда от обвинения и равноправие спорящих сторон. Между тем из текста статьи неясно, относится ли данное требование только к судебным стадиям или распространяется на весь уголовный процесс, охватывая досудебное его производство. Это связано с тем, что в ч. 1 ст. 15 УПК РФ записано, что уголовное судопроизводство

осуществляется на основе состязательности сторон. Однако термин «уголовное судопроизводство» традиционно имеет две трактовки: как деятельность в целом по уголовному делу либо только в суде. Ответ на этот вопрос содержится в п. 56 ст. 5 УПК РФ, где сказано, что «уголовное судопроизводство – досудебное и судебное производство по уголовному делу». Выходит, что российский уголовный процесс объявлен полностью состязательным.

Подтверждением сказанного является то, что прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель отнесены к стороне обвинения (п. 46 ст. 5, гл. 6 УПК РФ) с обязанностью осуществления уголовного преследования, направленного на изобличение подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления (п. 56 ст. 5 УПК РФ). Уголовное преследование, будучи неотъемлемым атрибутом состязательности, закреплено отдельно в гл. 3 УПК РФ. В противовес этому защитник наделен правом не только представлять, но и собирать доказательства (п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86) путем истребования документов, опроса лиц с их согласия, а также содействия специалиста (п. 3 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86). Причем заключение последнего, как результат привлечения его адвокатом, признано доказательством наряду с заключением эксперта (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Допуск же защитника осуществляется уже начиная со стадии возбуждения уголовного дела (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

Как следствие, из УПК РФ исключены такие обязательные элементы розыскного процесса, как требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, институт возвращения уголовного дела судом прокурору в связи с неполнотой проведенного предварительного расследования и др.

Некоторые юристы усмотрели в этих нововведениях смену исторически сложившегося смешанного типа отечественного уголовного процесса на состязательную модель. «Провозгласив состязательность сторон основой уголовного судопроизводства, – полагает И.Б. Михайловская, – законодатель внес существенный вклад в модернизацию всей системы уголовной юстиции и заложил фундамент ее дальнейшего развития в соответствии с международными стандартами справедливого и независимого правосудия» [6, с. 29–37]. А.В. Смирнов приходит к выводу о том, что «главным направлением развития уголовно-процессуальной формы является ныне переход к полной состязательности, в том числе и на предварительном расследовании» [7, с. 97].

Однако, объявив о состязательности досудебного производства, законодатель не сумел ее последовательно реализовать в УПК РФ в целом. Предварительное расследование по-прежнему остается розыскным, где следователь является «хозяином» дела, уполномоченным на принятие ключевых решений по нему (о возбуждении – ст. 145–147 УПК РФ, приостановлении и возобновлении – ст. 208–211 УПК РФ и прекращении уголовного дела – ст. 212–214 УПК РФ). Обеспечение прав уголовно преследуемого лица также всецело зависит от него, а не от суда, как это должно быть в состязательном судопроизводстве. Постановка следователя в один ряд с судьей в вопросах взаимоотношений с защитой фактически означает зависимость реализации прав последней в предварительном расследовании от своих процессуальных оппонентов, что исключает «горизонтальные» (равноправные) контакты между ними. Вместо этого в

УПК РФ в досудебном производстве отношения сторон строятся на основе «вертикальных» связей, в соответствии с которыми защита оказывается в ведомом от обвинения положении. Введение судебного контроля принципиально не изменило эту ситуацию, поскольку касается лишь отдельных ситуаций, возникающих в ходе предварительного расследования, и не охватывает практически полностью стадию возбуждения уголовного дела.

Наряду с этим защитник не приобрел статуса субъекта, имеющего право на самостоятельное собирание доказательств, что является одним из условий состязательного процесса. Так, перечисленные в ч. 3 ст. 86 УПК РФ способы, а именно получать предметы, документы, проводить опросы лиц с их согласия и т.д. (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, ч. 3 ст. 86 УПК РФ), не указаны в ч. 2 ст. 74 УПК РФ в виде соответствующих результатов как доказательства по уголовному делу. Там нет ни опроса лица защитником, ни документов, полученных по адвокатскому запросу. Одно заключение специалиста не может исправить ситуацию ввиду его естественно-правовой ограниченности и неспособности конкурировать с заключением эксперта.

Кроме того, собранные указанными способами защитником материалы хранятся в итоге не в адвокатской «папке», а приобщаются к уголовному делу, находящемуся в производстве органов предварительного расследования. Но при этом следователь, дознаватель вправе отказать адвокату в удовлетворении любого ходатайства, даже заявленного в порядке ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ, если, по их мнению, обстоятельства, об установлении которых он ходатайствует, не имеют значения для данного уголовного дела.

Таким образом 20-летний опыт действия УПК РФ со всей очевидностью демонстрирует, что привить «ген» состязательности российскому уголовному процессу в целом так и не удалось. До настоящего времени он сохраняет приверженность своей исторической форме романо-германского производства [4, с. 16–18]. Так, в государствах континентальной Европы состязательность действует лишь в судебном производстве, тогда как досудебное осуществляется не в состязательном, а розыскном порядке [3, с. 108]. Поэтому взаимодействие следствия с защитой осуществляется не на основе равноправия сторон, что является главным условием состязательности, а на вертикали власти и подчинения, где вся полнота власти принадлежит органам предварительного расследования [2, с. 25]. Участие в предварительном расследовании субъектов с противоположными интересами, их столкновение и борьба не означают наличие состязательности как юридической процедуры разрешения правового конфликта. Как известно, «состязательный процесс, как таковой, – это судебный процесс», а если быть точнее, то процесс, который осуществляется судом [1, с. 58]. Представляется, что данные положения подлежат обязательному учету при разработке нового отечественного уголовно-процессуального законодательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ветрова Г.Н. Содержание принципа состязательного в контексте правовых позиций Конституционного Суда РФ // Государство и право. – 2016. – № 4. – С. 56–66.

2. Воскобитова Л.А. Функциональная модель уголовного судопроизводства // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 2. – С. 22–29.

3. Головкин Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 106–114.

4. Давлетов А.А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно // Российская юстиция. – 2003. – № 8. – С. 16–18.

5. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – М., 1992. Кроме нее, был предложен также ряд иных документов. См. напр.: Концепция уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации / под ред. С.Е. Вицина, Э.Ф. Куцовой, А.М. Ларина, И.Б. Михайловской, Т.Г. Морщаковой, С.А. Пашина, И.Л. Петрухина, Ю.И. Стецовского // Государство и право. – 1992. – № 8. – С. 22–64.

6. Михайловская И.Б. Вторая попытка модернизации: новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2003. – № 1 (42). – С. 29–37.

7. Смирнов А.В. Деформализация уголовного преследования – главная задача реформы уголовного судопроизводства // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. Н.С. Алексеева / под ред. Н.Г. Стойко. СПб. : Санкт-Петерб. гос. ун-т, 2015. – С. 94–102.

Информация об авторе

Азаренок Николай Васильевич – докторант кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург), к.ю.н., доцент, e-mail: Azarenok_96@mail.ru.

Author

Azarenok Nikolay Vasilyevich – doctoral student of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure of the Ural State Law University (Yekaterinburg), Candidate of Law, Associate Professor, e-mail Azarenok_96@mail.ru.

СУЩНОСТЬ ОЦЕНИВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

В статье рассматриваются проблемные вопросы оценки и использования результатов судебно-психиатрической экспертизы, определяются сущность и способы осуществления проверки выводов эксперта, их процессуальные и непроцессуальные формы.

Ключевые слова: экспертиза; судебно-психиатрическая экспертиза; заключение эксперта; проверка и оценка заключения эксперта.

I.A. Arkhipova

THE ESSENCE OF EVALUATING THE RESULTS OF FORENSIC PSYCHIATRIC EXAMINATIONS

The article discusses the problematic issues of evaluating and using the results of forensic psychiatric examination, determines the essence and methods of verifying the expert's conclusions, their procedural and non-procedural forms.

Keywords: examination; forensic psychiatric examination; expert opinion; verification and evaluation of the expert opinion.

Судебная экспертиза считается основной формой использования специальных знаний в судопроизводстве, позволяющей следователю и суду получать информацию доказательственного и ориентирующего значения, которую иным процессуальным способом получить невозможно. Практика показывает, что без назначения экспертиз не расследуется практически ни одно преступление. Процесс доказывания предусматривает не только проведение и оценивание исследований, но и проверку доказательств [1, с. 126–127].

Проверка экспертных заключений предполагает проведение действий определенного вида, направленных на поиски новой информации о данных, установленных экспертными исследованиями. Цель проверки заключения состоит в установлении соответствия данных, полученных экспертами, промежуточным и конечным выводам, которые получены на основе других доказательств, добытых в ходе производства по делу. Осуществляется проверка после оценки экспертных заключений в случае появления сомнений в их качестве, добросовестности или ошибочности.

Сущность оценивания экспертных заключений находится в плоскости умственного, логического сопоставления данных, установленных экспертами с имеющимися в наличии доказательствами. Суть проверки состоит в действиях практического процессуального, организационного характера либо оперативно-розыскных мероприятиях для получения новых данных. После их установления они снова сопоставляются с заключениями экспертов. Из этого следует вывод,

что оценка и проверка заключений экспертов составляют граничащие операции, направленные на определение вероятности заключений экспертов как доказательств [2, с. 75–76].

Проверку выводов экспертов следователи осуществляют для оценки доказательственного качества заключений и подтверждения соответствия их действительным фактическим данным, полученным при судебно-экспертных исследованиях. Кроме того, проверки проводятся также в случае наличия противоречий между фактическими данными, отраженных в заключениях экспертов, и сведениями из других источников доказательств, например, показаниями свидетелей.

Проводятся проверки, главным образом, путем сбора новых доказательств, которыми выводы экспертов подтверждаются либо опровергаются прямо или косвенно. При косвенном подтверждении полученные при проверке факты не имеют самостоятельного значения, а обладают ценностью только вместе с заключениями.

Основной способ осуществления проверки заключается в проведении следственных действий. Обстоятельства, которые относятся к предмету проведенных судебно-психиатрических экспертиз (далее – СПЭ), а также сведения об особенностях возникновения, сохранности, эксплуатации, изъятия объекта исследования устанавливаются при допросе свидетелей, потерпевших, обвиняемых, понятых, а также в ходе следственных экспериментов. Один из способов проверки исследований экспертов, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, состоит в проведении повторных СПЭ и допросах экспертов. Экспертам, в ходе их допроса не могут быть заданы вопросы, требующие исследований, либо которые выходят за пределы предмета проведенных СПЭ. Не имеют права эксперты также на формулирование новых выводов. При их допросах только уточняется и разъясняется как ход экспертных исследований, так и тех итоговых выводов, к которым пришли эксперты [3, с. 22–23].

Иной процессуальный способ проверки заключений экспертов состоит в истребовании следователями предметов и документов, способных повлиять на установление необходимых фактических данных, как от предприятий, так и учреждений, организаций, должностных лиц и граждан.

Непроцессуальные формы проверки заключения экспертов состоят в устных либо письменных консультациях лиц, сведущих в проведенных исследованиях. Изначально они касаются содержательных, специальных оценок экспертных заключений, которые не могут быть самостоятельно осуществлены следователем, а единственный путь к получению научных обоснований экспертных заключений состоит в получении консультации от специалиста в отраслях проведения СПЭ.

На стадии досудебного расследования субъектом оценки и проверки заключения выступает лицо, проводящее расследование. Другому эксперту назначением повторной СПЭ оценку и проверку заключения эксперта перепоручать недопустимо исходя из того, что:

1) назначение повторной СПЭ должно быть мотивированным, а это означает, что основания для проведения повторной СПЭ возникают только в результате оценки экспертного заключения;

2) осуществлять процессуальные действия, направленные на проверку предыдущей СПЭ, эксперт не вправе;

3) при проведении повторной СПЭ, в рамках своей компетенции эксперт может проверить методику проведения предыдущего исследования, а при выявлении расхождений указать их причины. Полная оценка и проверка заключения предыдущей СПЭ эксперту, проводящему повторную СПЭ, недоступна, поскольку все материалы производства находятся у следователя;

4) оценка доказательств относится к прерогативе следователя, которым проводится расследование и осуществляется доказывание [4, с. 188–189].

Исследование, оценка и проверка заключения эксперта отображается в соответствующих процессуальных актах, в которые должны быть изложены оценка в виде умозаключения о сути и значении экспертного заключения для производства и сделанные на основе этой оценки итоговые выводы. К таким документам относятся, как правило, постановления о назначении повторной СПЭ, о назначении дополнительной СПЭ, протокол допроса эксперта, обвинительный акт и постановление о прекращении уголовного производства.

Обусловлены такие акты некачественным проведением экспертного исследования. В первой части постановления излагаются мотивы назначения повторной или дополнительной СПЭ, предусмотренные уголовно-процессуальным законом.

В целях получить разъяснение или дополнение заключения следователь вправе допросить эксперта после проведения СПЭ. Допустим допрос и по поводу заявления эксперта о невозможности дать заключение. Эксперт следователем допрашивается в случае, когда для устранения неясности или неполноты заключения проведение дополнительных исследований не нужно.

В случае признания экспертного заключения научно обоснованным, достоверным, подтверждающим вину обвиняемого, следователь должен не только использовать его в обвинительном акте, но и сослаться на фактические данные, установленные при проведении СПЭ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев В.Н. Повторная судебно-психиатрическая экспертиза // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3 (49).

2. Балашов А.Д. Правовая регламентация и оценка риска насилия как основа судебно-психиатрической экспертизы по вопросам отмены или изменения вида принудительных мер безопасности и лечения // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2014. – № 1 (35).

3. Красильников В.И. Характер экспертных решений и рекомендованных принудительных мер медицинского характера по результатам проведенных су-

дебно-психиатрических экспертиз в РТ лицам, совершившим правонарушения // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – № 3 (21).

4. Назаров А.К. Назначение и проведение судебно-медицинской, судебно-психиатрической экспертизы в процессе расследование преступления // Государствоведение и права человека. – 2016. – № 2.

Информация об авторе

Архипова Ирина Александровна – заместитель начальника кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции, e-mail: arhipova-ir@yandex.ru.

Author

Arhipova Irina Alexandrovna – Deputy Head of the Department of Criminalistics, Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. Candidate of legal Sciences, Associate Professor, Colonel of the police, e-mail: arhipova-ir@yandex.ru.

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ДОПИНГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ИХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В статье рассматриваются наиболее распространенные способы совершения допинговых преступлений. Автор исходит из того, что способы совершения допинговых преступлений, связанных со сбытом запрещенных или ограниченных в гражданском обороте в России наркотических средств и психотропных веществ, существенно отличаются от способов совершения всех остальных допинговых преступлений, предметом которых выступают разрешенные к гражданскому обороту субстанции. Для сбыта допинговых наркосубстанций нужна повышенная степень конспирации: специальные объявления с прямыми или завуалированными предложениями о продаже различных препаратов; неидентифицируемые фэйковые аккаунты и контакты; и т.д. Для торговли разрешенными к гражданскому обороту допинговыми субстанциями этого не нужно. Общим является преимущественная Интернет-торговля данными средствами и веществами. Совершение транзакций с помощью банковской карты позволяет идентифицировать покупателя, является доказательством его причастности к такой сделке.

Ключевые слова: способ совершения преступления; доказывание; спорт; склонение; использование; допинговые преступления.

S.D. Guseva

PROCESSES OF COMMITTING DOPING CRIMES AS AN ELEMENT OF THEIR CRIMINALISTIC

The article discusses the most common ways of committing doping crimes. The author assumes that the processes of committing doping crimes related to the failure of narcotic drugs and psychotropic substances prohibited or limited in civil circulation in Russia are significantly different from the processes of committing all other doping crimes, the subject of which are substances permitted for civil circulation. For the sale of doping drugs, an increased degree of conspiracy is needed: special ads with false or veiled offers for the sale of various drugs; unidentified accounts and contacts; and so on. To trade doping substances allowed for civil circulation, this is not necessary. Common is the preferential Internet trade of these funds and substances. Making transactions using a bank card allows you to identify the buyer, is evidence of his involvement in such a transaction.

Keywords: processes of committing a crime; proof; sport; inducement; use; doping crimes.

В 2016 г. в России с появлением в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) ст. 230.1 и 230.2 были криминализованы «допинговые

преступления». При этом отношение к допинговым средствам в обществе нельзя назвать однозначным. С одной стороны, слабо выраженная общественная опасность данных деяний позволяет обществу относиться к ним снисходительно. Фактически допинговые преступления объединяет с другими преступлениями Главы 25 УК РФ лишь «нормативная природа запрета» [1] совершения перечисленных в ст. 230.1 и 230.2 действий. С другой стороны, выявление фактов использования запрещенных в спорте средств и методов спортсменами сборной команды России, участвующими в международных соревнованиях, вызывает сильнейший общественный резонанс [2, с. 16; 3, с. 24], отражается на имидже нашего государства.

Безусловно, наибольшие репутационные потери Россия несет при дисквалификации наших спортсменов – участников олимпиад и мировых чемпионатов. Однако это не означает допустимость использования запрещенных средств и методов иными спортсменами, не входящими в национальные сборные команды и в соответствующий пул тестирования на допинг. В настоящее время нарушения существующих в спорте правил, совершаемых спортсменами, не являющимися членами национальных сборных команд России, остаются глубоко латентными [4].

Имеющийся уголовно-правовой запрет на использование допинговых средств и методов в спорте должен быть обеспечен оперативно-розыскными методиками выявления и раскрытия данных деяний, а также криминалистическими методиками их расследования. Однако на сегодняшний день в науке криминалистике нерешенным остается даже вопрос о криминалистической характеристике допинговых преступлений. Руководствуясь классическим пониманием структуры элементов криминалистической характеристики, предложенным А.П. Резваном и М.В. Субботиной [5, 11], в их число будем включать сведения о способе совершения допинговых преступлений и механизме следообразования; о предмете преступного посягательства; об условиях совершения допингового преступления; о типичной для данного преступления личности возможного преступника; о личности возможного потерпевшего [6]; о криминалистически значимых связях между этими элементами.

В рамках данного исследования основное внимание уделим сведениям о способах совершения допинговых преступлений.

Из 12 перечней запрещенных в спорте субстанций и методов, имеющих во Всемирном антидопинговом кодексе, всего 2 содержат списки наркотических средств и психотропных веществ, запрещенных или ограниченных в гражданском обороте в России. Поэтому стоит разделять способ совершения допинговых преступлений, предметом которых выступают субстанции из перечней S7 «Наркотики» и S8 «Каннабиноиды» Всемирного антидопингового кодекса, и способ совершения всех остальных допинговых преступлений, предметом которых выступают разрешенные к гражданскому обороту субстанции.

Способы совершения допинговых преступлений, связанных со сбытом запрещенных или ограниченных в гражданском обороте в России наркотических средств и психотропных веществ, как система действий, направленных на подготовку, совершение и сокрытие следов деяния, мало чем отличаются от

всех остальных наркопреступлений. Все чаще преступники для распространения наркотиков используют информационно-телекоммуникационные сети, мессенджеры, и т.д. [7] Им нужна повышенная степень конспирации. Как правило, они размещают объявления с прямыми или завуалированными предложениями о продаже различных субстанций, используя неидентифицируемые фейковые аккаунты и контакты, имеющие иностранное происхождение. Потенциальным покупателям предлагают произвести дистанционную безналичную оплату, все чаще используются криптовалюты. Получение наркотиков происходит через «закладки»: покупатель получает геолокацию посылки, которую забирает из тайника самостоятельно.

Что касается способов совершения всех остальных допинговых преступлений, предметом которых выступают разрешенные к гражданскому обороту субстанции, то они представляют собой обычные гражданско-правовые сделки, отличающиеся лишь местом, временем и целью покупки. Приобретение лекарственных средств, «спортивного» питания и т.д. возможно как через стационарные торговые точки, так и через Интернет-магазины с получением посылки в пунктах выдачи.

В условиях пандемии, связанной с ограничениями свободного перемещения в городском пространстве, Интернет-торговля получила сильный импульс к развитию. За время вынужденной изоляции многие люди привыкли заказывать товары, в том числе и медикаменты, в виртуальных магазинах. С одной стороны, у контролирующих органов возникают проблемы с проверкой соблюдения требований законодательства во время торговли, в том числе с выявлением контрафакта и фальсификатов в реализуемой продукции. С другой стороны, Интернет-торговля, осуществляемая с помощью безналичной оплаты, позволяет с большей вероятностью отследить покупателей различных товаров.

В случае возбуждения уголовного дела по факту склонения или использования в отношении спортсмена запрещенных в спорте субстанций и (или) методов, можно будет запросить сведения о том, кто и когда приобретал соответствующие допинговые препараты, через чью банковскую карту происходила транзакция. Это позволит идентифицировать покупателя, и будет являться доказательством его причастности к данной сделке.

Таким образом, способы совершения допинговых преступлений многообразны, напрямую зависят от их предмета. Изучение данного элемента криминалистической характеристики допинговых преступлений позволяет более осмысленно подойти к сбору и фиксации доказательств, обеспечив реализацию принципа неотвратимости ответственности для виновных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Понятовская Т.Г. Спортивные отношения и уголовно-правовое регулирование // Союз криминалистов и криминологов. – 2019. – № 1. – С. 95–101.
2. Алексеева А.П. Преступность в сфере профессионального спорта: криминологическое исследование. – Волгоград : Волгоград. акад. МВД России, 2010. – 120 с.

3. Алексеева А.П. Преступления в сфере спорта: криминалистическое исследование. – Волгоград : Перископ-Волга, 2018. – 312 с.

4. Заблоцкая А.Г., Алексеева А.П., Колбасина Е.Е. Латентная преступность: понятие, причины, способы измерения и противодействия : учеб. пособие. – Волгоград : Волгоград. акад. МВД России, 2008. – 88 с.

5. Криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений : учебник : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. А.П. Резвана, М.В. Субботиной. – М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 232 с.

6. Алексеева А.П. Профессиональный спортсмен как жертва преступных посягательств / А.П. Алексеева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2008. – № 2 (7). – С. 37–44.

7. Смолякова А.С. К вопросу о сущности способы совершения наркопреступлений с использованием сети Интернет // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 5 (13). – С. 110–116.

Информация об авторе

Гусева Светлана Дмитриевна – преподаватель кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России, e-mail: guseva.va-mvd@yandex.ru.

Author

Guseva Svetlana Dmitrievna – lecturer in the Department of criminalistics of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: guseva.va-mvd@yandex.ru.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ КАК ПРИНЦИП СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье представлены существующие трактовки термина «объективность», анализируются различные предметные подходы к содержанию изучаемого понятия в целях формирования специализированного определения применимого по отношению к судебно-экспертной деятельности. Ключевой целью формирования узкого понятия объективности является возможность его корректного и однозначного толкования субъектом применения специальных знаний в процессе производства судебной экспертизы.

Ключевые слова: объективность; истина; принципы судебно-экспертной деятельности; судебная экспертиза.

O.B. Dronova, P.S. Poryvaeva

OBJECTIVITY AS A PRINCIPLE OF FORENSIC EXPERT ACTIVITIES

The article presents the existing interpretations of the term "objectivity", analyzes various subject approaches to the content of the studied concept in order to form a specialized definition applicable to forensic activity. The key goal of the formation of a narrow concept of objectivity is the possibility of its correct and unambiguous interpretation by the subject of the application of special knowledge in the process of forensic examination.

Keywords: objectivity; true; principles of forensic activity; forensic examination; forensic activity.

Судебная экспертиза в процессе своего становления и развития претерпевала значительные организационные и методические трансформации, менялась научная база, динамично развивалась техническая и информационная обеспеченность экспертной деятельности.

Между тем одной из ключевых целей судебной экспертизы на протяжении многих лет остается установление достоверных фактов в ходе формирования выводов по результатам экспертных исследований, которые подтверждают или опровергают версии, выдвинутые субъектами расследования.

Принцип объективности, рассматриваемый в контексте судебной экспертизы, предусматривает максимальное нивелирование человеческой заинтересованности при производстве экспертизы. Он нашел свое отражение на законодательном уровне в качестве основополагающего принципа в ст. 8 ФЗ № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1]. Эксперт в рамках производства судебной экспертизы обязан соблюдать требования методики ее производства, формулировать свои выводы объективно, опираясь только на логику исследования и результаты экспериментов.

Таким образом, можно констатировать, что законодательный подход к рассматриваемому термину предусматривает лишь упоминание самого принципа без конкретизации его содержания.

Изучая существующие подходы к пониманию термина «объективность», можно отметить весьма обобщенный подход к его рассмотрению, не учитывающий потребности практических аспектов его применения, в частности, в рамках судебно-экспертной деятельности.

В словаре науки [3] понятие объективности представлено в следующем виде: «...независимость от человеческого сознания, от воли и желания человека, от его субъективного вкуса и пристрастия...». В терминологическом словаре философии и методологии науки [5] понятие объективность толкуется как: «...свойство реальности быть независимой от субъекта, а также способность субъекта фиксировать реальность как независимую от него и его познания...». Данные определения отражают лишь одну сторону понятия объективности – как независимости осуществления процесса познания объекта от воли человека.

Рассмотрение понятия объективности с точки зрения философии науки нашло свое отражение в работе Е.А. Мамчур [2], которая представила свой вариант термина как: «...беспристрастность исследователя, его незаангажированность, как свобода от ценностей, как ценностная нейтральность науки...». Данный подход к искомому понятию безусловно ближе к исследованию и судебно-экспертной деятельности в целом, поскольку отражает беспристрастность воли субъекта и его аксиологическую незаинтересованность.

Систематизируя вышеуказанные толкования сути содержания понятия – «объективность», возможно сформулировать узкоспециализированное определение этого термина с учетом специфики производства исследований в рамках судебно-экспертной деятельности: объективность, как принцип исследования – это свойство восприятия, определяемое с учетом особенностей выполняемой деятельности, целеполагающая функция которого ориентирована на достижение максимальной точности и достоверности результатов, независимо от воли, чувств, эмоций и убеждений субъекта исследования, направленное на получение истинного результата.

Критерием допустимости данного понятия является свобода в восприятиях и ощущениях, основанная на научном и практическом подходе.

Критерий применимости понятия «объективность» обеспечивается независимостью применяемых требований и методов, которые наилучшим образом подходят для достижения целей исследования, а также самих результатов, от личных или иных интересов и точек зрения.

В соответствии с комментарием к ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», «...принцип объективности характеризует одинаковое отношение и одинаковый подход к проведению исследований абсолютно любых объектов, по поручению абсолютно любых органов...» [4]. В данном контексте одинаковое отношение к исследованию объектов представляет собой беспристрастное, непредвзятое, и в некоторой степени отстраненное от самого объекта восприятие. Если говорить об одинаковом подходе к исследованию

любых объектов, то в данном случае понятие подход понимается как совокупность способов и приемов, применяемых при исследовании объектов. Как правило, при исследовании всего разнообразия объектов судебной экспертизы используется множество подходов, поэтому одинаковый подход при исследовании любого объекта будет недопустим.

Таким образом, несмотря на то, что объективность, как основополагающий принцип судебно-экспертной деятельности, закреплён нормативно, его толкование так и не обрело законченный, до конца понятный исследователю смысл. В связи с этим сформулированное нами определение термина «объективность» вносит конкретику в саму суть процесса исследования и получения искомого результата – достоверной информации.

Важно отметить, что достигнуть полной объективности в реализации чего-либо невозможно в силу ряда факторов, влияющих на оценку реальной действительности, начиная от случайных процессов и заканчивая погрешностью средств измерений. Природа человека в целом и специалиста в частности, его мышление – есть категории субъективные, однако всегда существует нереализованная возможность провести исследование и сделать максимально объективные выводы, опирающиеся на научную практику реализации этого процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Forensicscience.ru : [сайт] – Ульяновск. – 2021. – URL: <https://forensicscience.ru/glavnaya/podderzhka/sudebnaya-ekspertiza-v-grazhdanskom-processe/obektivnost-polnota-obosnovannost-i-kontrol-ekspertizy> (дата обращения: 01.09.2021).
2. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм. – М. : ИФ РАН, 2004. – 239 с.
3. Сарыбеков М. Словарь науки. Общенаучные термины и определения. Наукоедческие понятия и категории : учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. и перераб. – Алматы : ТРИУМФ-Т, 2008. – 504 с.
4. Ст. 8 № 73-ФЗ Объективность, всесторонность и полнота исследований (автор комментария Смушкин А.Б.) (proverka-na-poligrafe.pro) : сайт – М., 2021. – URL: <https://proverka-na-poligrafe.pro> (дата обращения 02.09.2021).
5. Степанович В.А., Климович А.В. Философия и методология науки (понятия, категории, проблему, школы, направления) : терминологический словарь-справочник. – М., Берлин : Директ-Медиа, 2017. – 276 с.
6. Россинская Е.Р., Зинин А.М. История становления и развития института судебной экспертизы в России – Текст : электронный // CyberLeninka. – 2015. – № 12 (16). – С. 1–3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-i-razvitiya-instituta-sudebnoy-ekspertizy-v-rossii> (дата обращения 02.09.2021).

Информация об авторах

Дронова Ольга Борисовна – профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятель-

ности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент, e-mail: dronovaol@rambler.ru

Порываева Полина Сергеевна – эксперт отделения № 6 Экспертно-криминалистического отдела Управления МВД России по г. Волгограду, e-mail: 01081998poli@gmail.com.

Authors

Dronova Olga Borisovna – Doctor of Law, Associate Professor, Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia, Professor of the Department of forensic technology of the educational and scientific complex of forensic activities, e-mail: dronovaol@rambler.ru.

Poryvaeva Polina Sergeevna – Expert of Department No. 6 of the Forensic Science Department of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Volgograd, e-mail: 01081998poli@gmail.com.

ВОЗМОЖНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ

В статье рассмотрены проблемные вопросы получения первоначальной информации по делам о мошенничествах, совершенных с использованием средств мобильной связи. В целях преодоления дефицита информационного обеспечения предложены открытые источники получения криминалистически значимой информации о технических средствах, использованных при совершении преступления, временных территориальных и иных обстоятельств их применения, обеспечивающих установление обстоятельств совершения преступления.

Ключевые слова: средство мобильной связи; мошенничества; абонентский номер; интернет-сервис; субъект расследования.

О.В. Dronova

POSSIBILITIES OF INFORMATION SUPPORT FOR INVESTIGATING FRAUDS COMMITTED WITH THE USE OF MOBILE MEANS

The article deals with the problematic issues of obtaining initial information on cases of fraud committed with the use of mobile communications. In order to overcome the deficit of information support, open sources of obtaining forensically significant information about the technical means used in the commission of a crime, temporary territorial and other circumstances of their use are proposed, ensuring the establishment of the circumstances of the commission of a crime.

Keywords: mobile communication device; fraud; subscriber number; Internet service; subject of investigation.

Современные способы совершения мошеннических противоправных действий стремительно трансформируются и переходят из реальной сферы в виртуальную область. Доступность разнообразных технических средств связи, низкий уровень знаний о технических возможностях современного оборудования, используемого в качестве средств совершения преступления, а также доверчивость большинства населения в совокупности с высоким уровнем психологической готовности лиц, совершающих преступления, к воздействию на разные социальные половозрастные группы потенциальных жертв являются основными причинами взрывного роста мошенничеств, совершенных с использованием средств мобильной связи.

Несмотря на многократные действия правоохранительных органов, направленные на профилактику таких преступлений посредством доведения до граждан через средства массовой информации основных способов совершения дистанционных мошенничеств, общее количество таких преступлений стреми-

тельно растет. Только за январь – июнь 2021 г. число рассматриваемых преступлений возросло на 25,7 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [2].

К числу «классических» способов мошенничеств, совершенных с использованием средств связи, относят «звонок из банка о подозрительных транзакциях», «ошибка при зачислении средств», «розыгрыш приза по номеру телефона», «начисление социальных пособий», «проведение правоохранительными органами операции по пресечению преступления» и т.д.

Несмотря на столь значительный рост противоправной деятельности, следует констатировать неудовлетворительное состояние дел, связанных с расследованием рассматриваемых преступлений, обусловленное рядом негативных факторов, к числу которых относятся:

- низкий организационный уровень ведомственного, межведомственного и вневедомственного взаимодействия в ходе получения необходимой информации [1, с. 8];

- несвоевременность (отсутствие) обновления материально-технического оборудования подразделений правоохранительных органов районного уровня;

- недостаточный уровень компетентности субъектов расследования в источниках оперативной и криминалистически значимой информации;

- недостаточный уровень ориентирования сотрудников правоохранительных органов в возможностях самостоятельной работы с открытыми информационными массивами данных, позволяющих осуществить информационное обеспечение первоначального этапа расследования и т.д.

Интервьюирование сотрудников следственных подразделений по вопросам информационного обеспечения раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных с помощью средств мобильной связи показал, что данная категория субъектов расследования практически не владеет основным терминологическим аппаратом (сотовая связь, базовые станции, IMEI, IP-адрес, IP-телефония и т.д.), не знает ключевые правила и принципы функционирования мобильной связи. Кроме того, респонденты отметили, что всю установочную информацию, касающуюся установления владельца абонентского номера, который использовался при совершении преступления, территориального местонахождения субъекта его использования в определенный период времени и иные сведения они получают посредством направления запросов в различные инстанции (операторам сотовой связи, банковские организации, интернет-провайдерам, хостинг-провайдерам и т.д.). Однако предварительно субъектам расследования необходимо определить, кому именно следует адресовать запрос.

Между тем в свободном распоряжении сотрудников правоохранительных органов имеются значительные возможности доступа к открытым интернет-ресурсам, позволяющие осуществить сбор сведений, необходимых для раскрытия и расследования преступлений.

Одним из первых обстоятельств, подлежащих выяснению, является установление владельца номера, с которого был осуществлен звонок, детализация его анкетных данных, места регистрации, серии и номера документа, удостоверяющего личность. Эти персональные сведения содержатся в абонентском договоре

клиента и потенциально могут быть получены по запросу субъекта расследования, направленного конкретному оператору связи. Однако в настоящее время невозможно однозначно оценить принадлежность номера только по начальному цифровому обозначению исходных сведений. С целью преодоления указанного затруднения целесообразно обратиться к открытым информационным ресурсам – таким, как: «SMSЦЕНТР» (<https://smsc.ru/testh1r>); «Билайн-Официальный сайт оператора: тарифы, услуги, sim-карты – Санкт-Петербург» (<https://spb.beeline.ru/customers/pomosh/mobile/tarify-i-uslugi/sim-karta-i-nomer/proverka-prinadlezhnosti-nomera-operatoru>); «zniis.ru» (<https://zniis.ru/bd1pn/check>).

В случаях совершения звонков с номеров, имитирующих городские номера, территориально принадлежащие Москве и Московской области (+7(495) или +7(499)), субъект расследования может воспользоваться информационным ресурсом «RegionOperator.ru» (<https://regionoperator.ru>).

Получение установочных данных позволит создать адресный запрос как на получение персональных данных абонента, так и на детализированные сведения о времени пользования мобильным устройством, объемах, источниках, времени финансовых поступлений и видах расходов изучаемого лицевого счета, осуществленных соединениях с другими номерами, содержании sms-сообщений, мобильном трафике, запрашиваемом интернет-контенте, скаченных файлах, использованных приложениях, совершенных транзакциях в онлайн-магазинах и т.д. Кроме того, весьма значимой будет запрашиваемая у оператора сотовой связи информация, касающаяся его текущего IMEI, номера SIM-карты и т.д.

Каждый вид сведений, полученный по результатам биллинга, подлежит тщательному изучению и анализу – в частности, данные координат базовых станций, зафиксировавших определенные действия абонента, укажут территориальность его местонахождения в конкретный временной период. Использование сервиса определения координат базовых станций, расположенного на интернет-ресурсе xinit.ru (<https://xinit.ru/bs>), позволят установить зону ее расположения и территориальность охвата. Это позволит определить маршрут перемещения проверяемого лица, установить его примерное местонахождение в определенный период времени и иные значимые сведения.

Полученные установочные данные о серийном номере сотового телефона (IMEI), использованном при совершении преступления могут быть ключом к получению данных о марке и модели проверяемого мобильного устройства, его территориального местонахождения, которое может быть установлено даже в случае смены sim-карты. Для этого субъект расследования может воспользоваться интернет-ресурсом www.imei.info.

Учитывая, что рассматриваемый вид мошенничества нередко носит трансграничный характер, у субъектов расследования может возникнуть необходимость установить местонахождение средства связи за пределами Российской Федерации. Современные возможности интернет-ресурса, расположенного на сайте <https://www.mobile-location.net/mestopolozhenie-telefona>, позволяют получить необходимые сведения и в последующем направить поручение посредством НЦБ Интерпол об установлении, местонахождения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Перечень приведенных в рамках данного исследования направлений информационного обеспечения первоначального этапа расследования мошенничеств, совершенных с использованием средств мобильной связи, отнюдь не является исчерпывающим. Использование субъектами расследования указанных ресурсов должно способствовать самостоятельному и продуктивному получению и анализу первичной информации, способствующей установлению обстоятельств совершения преступления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дронова О.Б. Организация взаимодействия использования и применения специальных знаний в сфере расследования преступлений в сфере незаконного оборота потребительских товаров // Эксперт-криминалист. – 2021. – № 1. – С. 7–10.

2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–май 2021 г. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/24742236> (дата обращения 14.07.2021).

Информация об авторе

Дронова Ольга Борисовна – профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент, e-mail: nio-va@rambler.ru.

Author

Dronova Olga Borisovna – Professor of the Department of Criminalistic Techniques Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activity, Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law Science, Associate Professor, e-mail: nio-va@rambler.ru.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ И НЕ СВЯЗАННЫМ С ХИЩЕНИЕМ

В статье автор раскрывает особенности возбуждения уголовных дел коррупционной направленности, совершенных военнослужащими различными родами войск Вооруженных сил Российской Федерации, не связанных с хищением. Анализируя поводы и основания возбуждения уголовных дел, автор раскрывает и дает каждому из них общую характеристику. Во-первых, это – заявление о преступлении, во-вторых – явка с повинной, в-третьих – сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников и, в-четвертых, – постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Представлен и обобщен анализ изученных уголовных дел коррупционной направленности, совершенных военнослужащими без цели хищения, и показаны результаты исследования в процентном соотношении.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; коррупционные преступления; военнослужащий; поводы и основания возбуждения уголовных дел; предупреждение преступлений.

A.V. Kolchevsky

FEATURES OF THE INITIATION OF CRIMINAL CASES ON CORRUPTION CRIMES COMMITTED BY MILITARY PERSONNEL NOT RELATED TO EMBEZZLEMENT

In the article, the author reveals the features of the initiation of criminal cases of corruption committed by servicemen of various branches of the Armed Forces of the Russian Federation not related to embezzlement. Analyzing the reasons and grounds for initiating criminal cases, the author reveals and gives each of them a general characteristic. Firstly, it is a statement about a crime, secondly – a confession, thirdly-a message about a crime committed or being prepared, received from other sources, and fourthly – a prosecutor's decision to send the relevant materials to the preliminary investigation body to resolve the issue of criminal prosecution. The analysis of the studied criminal cases of corruption committed by military personnel without the purpose of embezzlement is presented and summarized, and the results of the study are shown as a percentage.

Keywords: initiation of a criminal case; corruption crimes; military personnel; reasons and grounds for initiating criminal cases; crime prevention.

Первоначально хотел бы остановиться на поводах и основаниях возбуждения уголовного дела. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом

Российской Федерации предусмотрено четыре повода и основания для возбуждения уголовного дела – это заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Предлагаем дать общую характеристику каждого из поводов возбуждения уголовного дела.

Первым и основным поводом для возбуждения уголовного дела является заявление о преступлении (ст. 141 УПК РФ).

Заявление о преступлении как повод к возбуждению уголовного дела представляет собой устное или письменное обращение физического лица в правоохранительный орган с информацией о готовящемся или совершенном преступлении и, как правило, соответствующей просьбой принять необходимые меры, поскольку в принятии таких мер заявитель заинтересован лично [1, с. 96–102].

Если заявление сделано в письменном виде, то независимо от способа доставки в правоохранительный орган заявление подлежит регистрации, а затем рассмотрению компетентными лицами. Если заявление сделано устно лицом, прибывшим в правоохранительный орган, оно заносится в специальный протокол.

Когда заявление о преступлении сделано при производстве следственного действия, например, на допросе, оно заносится в протокол следственного действия или протокол судебного заседания [2; 5, с. 72–73]. Если заявление сделано устно, причем заявитель не может лично присутствовать при составлении протокола (например, в больнице и т.д.), то по этому поводу должен быть составлен рапорт в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

В ходе анализа уголовных дел коррупционной направленности, совершенных военнослужащими без цели хищения, установлено, что 39 % заявлений поступило от военнослужащих различных категорий и 19 % заявлений было подано близкими родственниками (отец, мать, муж, жена). Причиной большого количества поступивших заявлений явилось то, что военнослужащие, находящиеся в затруднительном или тяжелом служебном и семейном положении, не видят другой возможности для решения возникших и продолжающихся проблем, вызванных преступными действиями должностного лица.

В период прохождения военной службы и исполнения своих обязанностей по должности военнослужащие – офицеры, прапорщики, военнослужащие по контракту на должностях сержантов и солдат сталкиваются с противоправными действиями своих командиров и начальников, выражающихся в превышении и злоупотреблении должностными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности [3, с. 309–312].

Так, командир взвода оперативного назначения в воинском звании старшего лейтенанта в ходе принятия решения на несение службы по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности и распределения более выгодных «денежных» маршрутов несения службы ставит задачу сержантскому составу на передачу ему части денежной суммы или ценных пред-

метов по итогам несения службы. В противном случае создаются невыносимые условия прохождения военной службы.

Например, из письменного заявления, поступившего в военную прокуратуру гарнизона от супруги военнослужащего по контракту на должности солдата батальона по охране важных государственных объектов внутренних войск Российской Федерации, стало известно, что ее супруг постоянно находится на боевой службе по охране и обороне объекта, чаще всех вызывается из резерва на дому на подмену заболевших военнослужащих, ежегодно ему предоставляется основной отпуск в весенне-зимний период и он периодически не получает денежную премию. Также, со слов супруга, командир взвода по охране важных государственных объектов неоднократно настойчиво предлагал решить эти проблемы, но за определенную денежную сумму или за услугу имущественного характера, и ее супруг был вынужден согласиться с предложением командира взвода.

В правоохранительные органы также «поступают анонимные заявления, которые не могут служить поводом для возбуждения уголовного дела. Вместе с тем это не означает, что анонимные заявления вообще не принимаются во внимание правоохранительными органами государства. Всякое заявление, содержащее сведения о готовящемся или совершенном преступлении, может и должно быть проверено органом дознания, к компетенции которого относится раскрытие данного преступления, прежде всего, путем проведения соответствующих гласных или негласных оперативно-розыскных мероприятий, по результатам которых вопрос о возбуждении уголовного дела решается по правилам ст. 143 УПК РФ» [4, с. 264–267].

Следующим поводом возбуждения уголовного дела является явка с повинной (ст. 142 УПК РФ).

Лицо, совершившее преступление, лично является в правоохранительный орган и делает устное заявление об этом. Лицо может обратиться с повинной и в письменном виде.

В ходе изучения уголовных дел коррупционной направленности, совершенных военнослужащими – офицерами различных категорий было установлено, что отсутствуют материалы о возбуждении уголовных дел, поводом которых стала «явка с повинной» военнослужащих, совершивших противоправное деяние. При всем этом нельзя утверждать, что «явка с повинной» – как повод возбуждения уголовного дела отсутствует в данной категории уголовных дел.

Следующим не менее важным и значимым поводом для возбуждения уголовного дела является сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников (ст. 143 УПК РФ). Рапорт об обнаружении преступления – документальное оформление сообщения о преступлении, принятого компетентным должностным лицом, к числу которых в первую очередь относятся сотрудники правоохранительных органов государства, которые по роду своей повседневной деятельности первыми соприкасаются с правонарушениями и наделены тремя видами полномочий: административной юрисдикцией, правом осуществления оперативно-розыскной деятельности и правом на возбуждение уголовного дела и производство дознания.

Получив информацию о готовящемся или совершенном преступлении из любого, гласного или негласного оперативно-розыскного источника, сотрудники правоохранительных органов обязаны принять все зависящие от них меры, чтобы готовящееся, но еще не совершенное преступление пресечь, закрепить следы совершенного преступления, принять меры к обеспечению собирания доказательств, установлению лица, его совершившего, и к задержанию подозреваемого.

Анализ уголовных дел показывает, что 42 % полученной информации о совершенном общественно-опасном деянии поступило из уведомлений и информационных писем.

Во-первых, 29 % информации поступило посредством уведомлений и информационных писем от сотрудников взаимодействующих и контролирующих органов, которые содержали сведения о совершенном правонарушении коррупционной направленности без цели хищения.

К примеру, командир роты оперативного назначения в ходе изучения личных дел военнослужащих своего подразделения и период индивидуально-воспитательной работы выявил, что военнослужащий до прохождения военной службы занимался бизнесом, является индивидуальным предпринимателем в области обслуживания автомобильного транспорта, имеет две станции технического обслуживания.

В одной из бесед командир роты предложил военнослужащему освободить его от выполнения обязанностей военной службы, чтобы тот мог дальше без проблем заниматься бизнесом, а также осуществить его прикрытие перед вышестоящими командирами за определенную денежную сумму или за предоставление услуг в части бесплатного обслуживания личного автомобильного транспорта. Денежную сумму командир подразделения определил в размере 30 тыс. р. в месяц и безлимитное обслуживание автомобильного транспорта.

Во-вторых, 7 % информации выявлено сотрудниками военной прокуратуры в ходе выполнения надзорных мероприятий по проверке соблюдения законодательства в области порядка прохождения военной службы в подразделениях Министерства обороны вооруженных сил и других воинских формированиях.

Так, военному прокурору в ходе беседы со старшим помощником начальника штаба по боевой службе отдельного батальона по охране важных государственных объектов и специальных грузов стало известно, что он владеет информацией, полученной от третьего лица, о преступных действиях должностного лица. Начальник штаба отдельного батальона по охране важных государственных объектов и специальных грузов в ходе планирования и распределения служебной нагрузки подразделениям батальона на месяц, использует свои служебные полномочия в корыстных целях. При распределении командировок по сопровождению специальных грузов, суточных нарядов, караулов по охране и обороне объектов и других видов нарядов и работ, учитывает пожелания подчиненных ему командиров подразделений, проводит планирование на очередной месяц и в качестве благодарности принимает от них различные материальные блага.

В-третьих, 6 % информации о совершенных преступлениях коррупционной направленности поступило в военно-следственный орган от подразделений внутреннего финансового контроля и аудита.

Так, на основании проведенного аукциона в электронной форме в соответствии с требованиями Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», между войсковой частью 00000 (заказчик) и ООО «ГРАНИТ» (подрядчик) был заключен государственный контракт № 123/23.

В соответствии с условиями контракта и технического задания, подрядчик обязался выполнить своим либо привлеченными силами и средствами капитальный ремонт здания войсковой частью 00000, а заказчик – принять работы и оплатить в установленном порядке.

Цена контракта составила 2 400 000 р., включая стоимость выполненных работ, строительных материалов, доставки, тары, упаковки, погрузочно-разгрузочных работ, транспортные расходы, уплата налогов, таможенных платежей, и другие возможные накладные расходы подрядчика, все прочие обязательные платежи.

Спустя два года в ходе ревизии финансово-хозяйственной деятельности Министерства обороны выявлено, что в ходе приемки запланированных работ доверенное лицо воинской части без оснований принял работы по устройству подкровельной пленки в объеме 715 м² с применением территориальных единичных расценок ТЕР 11-01-005-01 по устройству полов. Поскольку данные работы соответствуют расценке ТЕР12-01-015-03 12 по устройству кровель (с меньшей стоимостью), переплата денежных средств ООО «ГРАНИТ» составила 550 000 р. По результатам работы комиссии подготовлены и отправлены материалы ревизии финансово-хозяйственной деятельности войсковой частью 00000 в военно-следственный орган для принятия процессуального решения.

На основании рапорта и приобщенных к нему первичных документов должностное лицо, сосредоточивающее в своих руках законную функцию органа дознания, принимает решение о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, по итогам нашего исследования можно с полной ответственностью утверждать, что львиную долю поводов для возбуждения уголовных дел составляют заявления о преступлении, (58 % от общего количества уголовных дел коррупционной направленности) и сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученные из иных источников (42 %).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыдов С.И., Пинчук А.П. Получение объяснения как проверочное действие на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы правовой регламентации // Сибирский юридический вестник. – 2020. – № 3. – С. 96–102.

2. Лебедев Н.Ю. Концептуальные основы криминалистической теории преодоления конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования : дис. ... д-ра юрид. наук / Н.Ю. Лебедев. – Барнаул, 2017.

3. Лебедев Н.Ю. Некоторые рассуждения об участниках коррупционно-конфликтных ситуаций уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы совершенствования системы государственного и муниципального управления в России на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Барнаул, 4–5 февр. 2016 г. / под ред. И.А. Панарина ; Алтайский филиал РАН-ХиГС. – Барнаул : АЗБУКА, 2016. – С. 309–312.

4. Лебедева Ю.В. Некоторые проблемы понимания сущности психологического контакта при производстве следственных действий // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы 24-й междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2021. С. 264–267.

5. Лебедева Ю.В. Психологическое обеспечение переговорной деятельности при расследовании преступлений // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. – 2016. – С. 72–73.

Информация об авторе

Кольчевский Алексей Владимирович – старший помощник начальника учебного отдела Новосибирского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, e-mail: ale-kolchevskij@yandex.ru.

Author

Kolchevsky Alexey Vladimirovich – Senior assistant to the head of the training department of the Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation, e-mail: ale-kolchevskij@yandex.ru.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НЕСОВЕРШЕНСТВА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПОТЕРПЕВШИХ ИЗ ЧИСЛА ЛИЦ, ПРОХОДЯЩИХ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО ПРИЗЫВУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

В представленной статье автор на основе анализа имеющихся научных публикаций, нормативной правовой базы и судебно-следственной практики делает вывод о том, что на сегодняшний день назрела острая необходимость разработки и законодательного закрепления в рамках уголовно-процессуального кодекса норм, регламентирующих порядок обеспечения защиты лиц, потерпевших от преступления, проходящих военную службу по призыву. Аргументируется позиция, касающаяся несовершенства института представительства в уголовно-процессуальном праве, и в частности при производстве по уголовным делам в отношении военнослужащих, обосновывается необходимость введения в уголовно-процессуальный кодекс отдельной главы, в которой были бы сосредоточены нормы, определяющие правовое положение военного органа дознания, военного дознавателя, следователя и руководителя военно-следственного органа, а также в целом особенности производства по уголовным делам данной категории.

Ключевые слова: военнослужащий; потерпевший; представитель; уголовно-процессуальный кодекс; защита.

N.Yu. Lebedev

SOME ASPECTS OF THE IMPERFECTION OF THE LEGAL PROTECTION OF VICTIMS FROM AMONG PERSONS PERFORMING MILITARY SERVICE ON CONSCRIPTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS (PROBLEM STATEMENT)

In the presented article, the author, based on the analysis of available scientific publications, the regulatory legal framework and judicial and investigative practice, concludes that today there is an urgent need to develop and legislate within the framework of the Criminal Procedure Code the norms regulating the procedure for ensuring the protection of persons victims of a crime undergoing military service on conscription. The position concerning the imperfection of the institution of representation in criminal procedure law, and in particular in criminal proceedings against military personnel, is argued, the necessity of introducing a separate chapter into the criminal procedure code, in which the norms determining the legal status of the military body of inquiry, the military interrogating officer, the investigator and the head of the military investigation body, as well as the general features of the proceedings for persibility would be concentrated. Cases of this category.

Keywords: military personnel; victim; representative; Code of Criminal Procedure; protection.

Защита лиц, потерпевших от преступления, является одним из очень важных направлений, связанных с обеспечением назначения уголовного судопроизводства, в котором огромную роль играет институт представительства.

Представительство является одним из самых древних правовых институтов, известных современной юридической науке. Возникающие споры между сторонами и потребность их разрешения повлияло не только на зарождение судебной власти, но и на необходимость создания полноценных благоприятных условий для обеспечения прав лиц, чьи интересы затронуты рассматриваемым спором.

В российских нормативно-правовых актах достаточно подробно регламентированы различные форматы осуществления представительства при разрешении правовых споров. Не является исключением и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК РФ).

Представительство, закрепленное в УПК РФ, условно реализуется в двух направлениях:

- представительство лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование (подозреваемый, обвиняемый);
- представительство лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Безусловно, к проблемам осуществления представительства в уголовном судопроизводстве обращались и обращаются многие ученые в области уголовного процесса и криминалистики [1; 4; 5; 7; 9], в то же время, некоторые из проблем остаются вне поля зрения ученых, и одна из них – это представительство интересов лиц «потерпевших», проходящих военную службу по призыву.

Попробуем разобраться, является ли это назревшей правовой проблемой, требующей внесения определенных изменений в УПК РФ, или все же имеющихся правовых инструментов достаточно для полноценного обеспечения «назначения уголовного судопроизводства» в рамках защиты лиц, потерпевших от преступления.

Для этого нам потребуется детально, буквально пошагово, рассмотреть весь порядок проверки заявления или сообщения о преступлении, порядок возбуждения уголовного дела и производства неотложных следственных действий [8, с. 157–159], так сказать, в целом разобраться, как устроены органы дознания в воинских частях.

Но прежде всего необходимо отметить, что в УПК РФ нет ни единого слова о военных дознавателях, в п. 3 ч. 1 ст. 40 УПК РФ говорится только о том, что командиры воинских частей и соединений, а также начальники военных учреждений и гарнизонов относятся к «органу дознания». Так откуда появляются военные дознаватели? Чтобы ответить на данный вопрос, нам потребовалось обратиться к Приказу Генеральной прокуратуры РФ от 23 октября 2014 г. № 150 «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов».

В соответствии со ст. 3 данной Инструкции, командир воинской части как лицо обладающее полномочиями начальника органа дознания своим приказом возлагает выполнение отдельных процессуальных полномочий органа дознания

на подчиненных ему лиц из числа наиболее подготовленных и дисциплинированных офицеров, назначая их «дознателями» воинской части.

В представленной статье мы не будем поднимать проблему компетентности «военного дознавателя», отсутствия элементарных знаний в области проведения предварительной проверки материалов по поступившему сообщению о преступлении, принятия решения о достаточности данных, указывающих на признаки преступления и возбуждению уголовного дела, а также по производству неотложных следственных действий в рамках ст. 157 УПК РФ, а поставим проблему, связанную с вопросом: «А вообще заинтересован ли командир воинской части, как орган дознания, или назначенный им военный дознаватель из числа офицеров, в выявлении факта совершения преступления в воинской части, где они сами проходят военную службу?».

В идеале после появления информации о том, что в воинской части совершено противоправное деяние, должен включаться стандартный механизм проведения проверки, предусмотренный УПК РФ, а также принятия процессуального решения по итогам ее завершения. В то же время, опрос лиц, ранее проходящих военную службу по призыву, свидетельствует об обратном.

Представим типичную ситуацию: военнослужащий срочной службы, по званию рядовой, обращается в медицинский пункт с целью получения помощи от врача в связи с получением травмы в виде ушиба грудной клетки. В ходе беседы врач выясняет, что травма получена в результате применения к данному военнослужащему физического насилия в виде двух ударов кулаком в область грудной клетки старшиной роты, по званию прапорщик, проходящим военную службу по контракту (возможны варианты данной ситуации).

При данных обстоятельствах врач обязан сообщить дежурному по воинской части о факте выявления противоправного деяния, а дежурный далее докладывает командиру воинской части. В свою очередь, командир воинской части должен дать поручение военному дознавателю о проведении проверки данного сообщения и в случае установления наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления, принять решение о возбуждении уголовного дела и производстве неотложных следственных действий.

Однако если в повседневной правоохранительной деятельности органов внутренних дел или следственного комитета факт выявления, а тем более раскрытия и расследования преступления является показателем хорошей работы, влекущим за собой позитивные последствия для дознавателя (следователя) и в целом для ОВД или следственного комитета, то выявление преступления «военным дознавателем» будет иметь весьма негативные последствия как для офицерского состава, так и для показателей воинской части в целом.

В связи с этим чаще всего события разворачиваются примерно так: врач оставляет военнослужащего в медпункте, а сам сообщает об этом командиру роты или батальона. Данные офицеры, безусловно, осознают тот факт, что если обстоятельства причинения физического вреда военнослужащему окажутся приданы официальной огласке, то они будут привлечены к дисциплинарной ответственности, что в целом негативно отразится на показателях воинской части.

Кроме того, даже если информация о совершении преступления на территории воинской части доходит до командира, то он, как орган дознания, не будет стремиться к проведению официальной проверки в рамках УПК РФ, и это вполне объяснимо, так как, подтвердив факт совершения преступления, именно он будет одним из первых привлечен к дисциплинарной ответственности вышестоящим командованием. Поэтому со стороны офицерского состава начинается планомерная работа по «обработке-задабриванию» военнослужащего, и в зависимости от тяжести причиненного вреда здоровью возможны варианты.

Например, если нанесены побои или причинен легкий вред здоровью, последствием которых явились «синяки» или ушибы мягких тканей, то военнослужащему предлагается не придавать данному факту значения, сопровождая такими тезисами – «ну что ты не мужик?», «с кем не бывает», «ты же не хочешь чтобы наказали командира?», «из-за тебя будут плохие показатели у всего взвода», «пострадают твои боевые товарищи» и т.д.

Если последствия причинения физического насилия более серьезные, то военнослужащему предлагается все обстоятельства произошедшего с ним представить в несколько ином формате, а именно в таком, чтобы это не выглядело преступлением, т.е. якобы травма получена в результате собственного неосторожного поведения военнослужащего, например, споткнулся и упал при движении в строю, на спортивной площадке или другие варианты, главное официально представить произошедшее с военнослужащим событие наименее криминально.

Если военнослужащий проявляет упорство, то на него может оказываться психологическое воздействие, как самими офицерами, так и через сослуживцев, вплоть до завуалированных угроз, например, «ты всех подставил и как теперь будешь служить», «а дослужишь ли?», «ходи и оглядывайся», «слабак» и др.

Суть такова, что главная задача всех офицеров, в том числе и органа дознания, в лице командира воинской части, и военного дознавателя минимизировать количество официально зарегистрированных правонарушений, а тем более преступлений, совершенных на территории воинской части.

Исходя из изложенного, вернемся к вопросу, который мы поставили в начале наших рассуждений: «А вообще заинтересован ли командир воинской части, как орган дознания, или назначенный им военный дознаватель из числа офицеров в выявлении факта совершения преступления в воинской части, где они сами проходят военную службу?».

Ответ напрашивается сам собой: «Конечно же, не заинтересован!». В связи с этим возникает другой вопрос: «А каким образом можно было бы если не изменить ситуацию кардинально, то хотя бы условно «повернуть ее лицом» к военнослужащему, в отношении которого совершено преступление?»

На наш взгляд, одним из направлений в решении данной проблемы, могло бы стать совершенствование уголовно-процессуального института представительства, а именно, закрепление в УПК РФ обязательного участия законного представителя или представителя (вплоть до адвоката) лица, потерпевшего от преступления, при прохождении военной службы по призыву.

Конечно, мы не пытаемся представить такого военнослужащего, каким то немощным, не имеющим возможности самостоятельно реализовывать «процессуальные права», предоставленные ему УПК РФ, как например, это происходит с несовершеннолетним потерпевшим [2; 3], но если в случае с несовершеннолетним правоохранительные органы всеми силами нацелены защищать такого потерпевшего, то в случае с военнослужащим, как мы обосновали выше, ситуация прямо противоположная, орган дознания, в лице командира воинской части не заинтересован в появлении военнослужащего-потерпевшего.

Соответственно, обязательное участие представителя по рассматриваемой категории дел если не устранило бы представленную проблему, то, по крайней мере, минимизировало бы факты неправомерного воздействия на военнослужащего-потерпевшего со стороны офицерского состава с целью сокрытия насильственных преступлений, совершаемых на территории воинской части.

В заключение мы хотели бы подчеркнуть, что ни в коем случае не хотим бросать тень на командиров всех воинских частей, и в целом на офицеров вооруженных сил Российской Федерации.

При более детальном рассмотрении представленной проблемы мы видим, что офицеры становятся заложниками несовершенства правового регулирования производства по уголовным делам данной категории, что еще раз подчеркивает актуальность постановки вопроса о необходимости введения в УПК РФ отдельной главы, которая бы регламентировала особенности производства по уголовным делам в отношении военнослужащих.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бертовский Л.В. Защита прав и законных интересов участников судопроизводства как элемент уголовной политики государства // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2020. – № 4 (6). – С. 81–84.

2. Лебедева Ю.В. Проведение допроса несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего в возрасте до 14 лет: специфика, особенности возраста, тактические приемы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 4 (41). – С. 45–51.

3. Лебедева Ю.В. Некоторые аспекты формирования преступного поведения несовершеннолетних // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства : сб. ст. по матер. ежегод. междунар. науч.-практ. конф. : В 3-х т. / Колл. авт. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – С. 252–256.

4. Мисник И.В. Об участии представителя потерпевшего Российском уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы права, экономики и управления. – 2016. – № 12. – С. 152–153.

5. Недобор А.Н. Некоторые проблемные аспекты полномочий адвоката-представителя в уголовном судопроизводстве // Новая наука: Проблемы и перспективы. – 2016. – № 9-1. – С. 155–158.

6. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 23 октября 2014 г. № 150 «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания

Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов».

7. Смирнова И.Г. Защита прав личности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и республики Казахстан // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2018. – № 3 (21). – С. 7–12.

8. Степанов С.А. О методике расследования преступлений против военной службы, сопряженных с применением физического насилия // Закон и право. – 2019. – № 1. – С. 157–159.

9. Снигирев А.Л. Оказание военным служащим квалифицированной юридической помощи уполномоченным по правам человека // Проблемы юриспруденции: сборник научных статей и тезисов. – Новосибирск, 2016. – С. 158–164.

Информация об авторе

Лебедев Николай Юрьевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, e-mail: lebedevnu@rambler.ru.

Author

Lebedev Nikolai Yurievich – doctor of Law, professor of criminal process and forensics of the Novosibirsk Military Institute named after Army General I.K. Yakovlev of the Russian National Guard, e-mail: lebedevnu@rambler.ru.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ И ПОДДЕРЖАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПОТЕРПЕВШИМ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье подчеркивается необходимость разработки методических рекомендаций по проведению следственных действий с учетом возрастных особенностей, психических состояний несовершеннолетних потерпевших, сформированных в момент совершенного в отношении него преступления и трансформированных в период предварительного расследования. Представленные в статье направления установления и поддержания психологического контакта позволили окончательно утвердиться в том, что установленный психологический контакт с несовершеннолетним потерпевшим следователем на предварительной беседе, до момента возбуждения уголовного дела, не приостанавливается, а поддерживается в процессе всего расследования при этом не маловажную роль в этом вопросе играет тщательный выбор места, времени и участников следственных действий, что повышает эффективность получения показаний от несовершеннолетнего потерпевшего и расследования преступления в целом.

Ключевые слова: несовершеннолетний потерпевший; предварительное расследование; следственные действия; установление психологического контакта; поддержание психологического контакта.

Yu.V. Lebedeva

SOME PROBLEMS OF ESTABLISHING AND MAINTAINING PSYCHOLOGICAL CONTACT WITH A MINOR VICTIM DURING THE CONDUCT OF INVESTIGATIVE ACTIONS

The article emphasizes the need to develop methodological recommendations for conducting investigative actions, taking into account the age characteristics, mental states of minor victims formed at the time of the crime committed against him and transformed during the preliminary investigation. The directions of establishing and maintaining psychological contact presented in the article made it possible to finally establish that the established psychological contact with the minor victim investigator at the preliminary interview, until the initiation of a criminal case, is not suspended, but is maintained in the course of the entire investigation, while careful choice of place, time and participants in investigative actions plays an important role in this matter, which increases the effectiveness of the effectiveness of the investigation. Obtaining testimony from a minor victim and investigating the crime as a whole.

Keywords: a minor victim; preliminary investigation; investigative actions; establishment of psychological contact; maintaining psychological contact.

В настоящее время назрела острая необходимость совершенствования методических рекомендаций, описывающих способы установления и поддержания психологического контакта [4, с. 29–34] как одного из основных моментов, включающих тактику как подготовки, так и непосредственного производства следственных действий, особенно, если одним или несколькими участниками уголовного судопроизводства становятся несовершеннолетние [1, с. 1017–1024; 3, с. 9–17].

Учитывая, что потерпевшим от преступления может оказаться лицо фактически в возрасте от 3 до 18 лет, необходимо понимать разность возрастных проявлений психики несовершеннолетнего и индивидуально подходить к вопросу установления психологического контакта, используя различные тактические приемы. Одним из проблемных аспектов для следователя является вопрос, как долго установленный психологический контакт может длиться, и какое время он может и должен его поддерживать, а также какие критерии определяют факт установления психологического контакта с несовершеннолетним потерпевшим.

Безусловно, при разработке действенных практико-адаптированных рекомендаций по установлению и поддержанию психологического контакта с несовершеннолетним потерпевшим, необходимо учитывать не только возрастные особенности, но также психическое состояние, возникшее у него в момент совершения в отношении него преступления, и в последующем формирующееся или изменяющееся в ходе проведения предварительного расследования под влиянием сложившихся обстоятельств и силы воздействия на несовершеннолетнего потерпевшего [2, с. 60–70].

В ходе производства по уголовному делу следователем проводится достаточно большое количество следственных действий, но в первую очередь нас будут интересовать следственные действия, которые предполагают вербальное общение несовершеннолетнего потерпевшего со следователем, а также другими участниками уголовного судопроизводства, в зависимости от вида следственного действия, к которым традиционно относятся допрос, очная ставка, предъявление для опознания и проверка показаний на месте.

Конечно, нельзя забывать, что первоначальный вербальный контакт несовершеннолетнего потерпевшего со следователем происходит еще до возбуждения уголовного дела, а на данной стадии возможно только получение объяснения. В связи этим, в первую очередь мы сделаем акцент не на процессуальной форме, в которую будет обличено общение несовершеннолетнего потерпевшего со следователем, будь то получение объяснения, допрос, очная ставка и др., а на то, как сформировать ситуацию, при которой взаимодействие следователя с несовершеннолетним потерпевшим будет наиболее благоприятным и конструктивным.

Процесс установления и поддержания психологического контакта следователя с несовершеннолетним потерпевшим можно условно представить в виде следующих направлений:

Во-первых, на установление и поддержание психологического контакта влияет выбор места и времени производства следственного действия.

По сложившейся практике и имеющихся рекомендаций, следственное действие «допрос» проводится в кабинете следователя, однако уголовно-процессуальный кодекс не накладывает правовые ограничения по выбору места получения показаний, соответственно можно рекомендовать следователю определить более комфортное (безопасное, насыщенное положительными эмоциями, приятными ощущениями, наполненное развивающими материалами) для несовершеннолетнего потерпевшего место проведения допроса, с учетом обстоятельств совершенного преступления, возраста и психического состояния участников допроса.

Для беседы с несовершеннолетним потерпевшим важным является выбор места, обусловленного обстоятельствами расследуемого дела. Например, если несовершеннолетний потерпевший (3–7 лет) неоднократно подвергается насилию со стороны родителя (родителей), то группа детского сада, где он прибывает большую часть активной жизни, будет располагать для беседы по поводу случившихся с ним обстоятельств. Как правило, психолог учреждения выступает связующим «звеном» между несовершеннолетним и следователем и способствует снижению напряженности при возвращении его к психотравмирующим обстоятельствам. Альтернативным вариантом может быть кабинет психолога в ДОУ, ассоциирующийся у несовершеннолетнего с комфортным игровым пространством.

При выборе времени для взаимодействия с несовершеннолетним 3–7 лет необходимо учитывать внутренний распорядок дня, установленный в дошкольном образовательном учреждении (прием пищи, прогулка, сон, занятия и т.п.), возрастные особенности ребенка, степень развитости психических процессов (внимание, память, мышление и т.д.).

Аналогично можно рассматривать школу как более комфортную среду в ситуации насилия, осуществляемого со стороны родителя (родителей) в отношении детей школьного возраста. В данном случае это может быть место, где ребенок реализует свои способности и делает это с большим интересом (кабинет психолога, кабинет химии, кабинет литературы, спортивный зал и т.д.).

При выборе времени для беседы с несовершеннолетним потерпевшим на территории школы, также необходимо учитывать распорядок дня, занятость несовершеннолетнего, заполняемость помещений, поскольку данная информация позволит провести беседу с несовершеннолетним более значимо для следствия.

В случае, когда несовершеннолетний потерпевший подвергается насилию со стороны одноклассника (одноклассников), возможным местом проведения беседы может являться домашняя обстановка, спортивная школа, музыкальная школа или детское кафе, для этого следователь предварительно согласовывает по телефону данную встречу как с самим несовершеннолетним потерпевшим, так и с его законными представителями, учитывая при этом его занятость и предпочтения.

Во-вторых, для установления и поддержания психологического контакта большое значение имеет определение круга лиц, которые должны участвовать при взаимодействии с несовершеннолетним потерпевшим в ходе производства вербальных следственных действий.

Безусловно, при взаимодействии следователя с несовершеннолетним потерпевшим уголовно-процессуальный кодекс предписывает обязательно привлекать к участию в следственных действиях законного представителя, педагога или психолога, а в некоторых случаях адвоката, также при производстве «проверки показаний на месте» и «предъявлении для опознания» будут задействованы понятые и другие специалисты. Но так как мы ведем речь о «психологическом контакте», следователю необходимо озадачиться не только вопросом о личном установлении психологического контакта с несовершеннолетним, но и о формировании психологически комфортного пространства для несовершеннолетнего потерпевшего «внутри» следственного действия, создании условий для установления психологического контакта несовершеннолетнего со всеми участниками следственного действия, что предполагает необходимость более взвешенного выбора каждого из участников следственного действия, с кем в той или иной степени предстоит взаимодействовать несовершеннолетнему потерпевшему. В противном случае несовершеннолетний может замкнуться, и отказаться от участия в следственном действии, и даже ранее установленный психологический контакт непосредственно между следователем и несовершеннолетним потерпевшим не сможет исправить ситуацию, что в целом приведет к срыву следственного действия.

В первую очередь рассмотрим такой проблемный аспект, как, правильно выбрать педагога или психолога, так как именно от данных специалистов в первую очередь зависит возможность установления контакта с несовершеннолетним для самого следователя, но и всех участников следственных действий.

В качестве рекомендаций для получения показаний от несовершеннолетнего потерпевшего в возрасте 3–7 лет, в случае если в отношении несовершеннолетнего совершены действия насильственного характера со стороны родителей, следователю необходимо установить, кому первому он рассказал о насильии со стороны родителей, кто первый обнаружил на его теле характерные ссадины и синяки.

Как правило, именно первым, обнаружившим на теле несовершеннолетнего характерные следы, является воспитатель (педагог), который обязан сообщить о данном факте заведующей (в устной и письменной форме), из чего следует, что именно ей он доверяет больше всего, и именно в ее присутствии следователю удастся установить психологический контакт с несовершеннолетним потерпевшим, и получить сведения, необходимые для установления обстоятельств совершенного в отношении него преступления. После определения следователем, что именно у воспитателя и несовершеннолетнего имеется «психологический контакт», данного специалиста можно будет привлекать в качестве участника при производстве следственных действий, поскольку несовершеннолетнему комфортней будет давать показания, в присутствии человека, которому он доверяет.

Важным также остается тот факт, что следователя несовершеннолетнему потерпевшему представляет педагог или психолог, которому он ему доверяет и именно в его присутствии ему «не страшно» рассказать «всю правду».

В ситуации, когда насилие со стороны родителей, совершаются в отношении несовершеннолетних потерпевших школьного возраста, в качестве участника при производстве следственных действий может выступать учитель, которому не просто доверяет ребенок, а уважает его, относится к нему как к носителю знаний, выделяет его человеческие качества.

В случае если насилие в отношении несовершеннолетнего совершается со стороны одноклассников, а с учителями в школе у него не сложились доверительные отношения, и родители не стали для ребенка людьми, с которыми он может поделиться, таким возможным участником следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших может выступать тренер спортивной секции или учитель музыкальной школы.

Следующим обязательным участником уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетнего потерпевшего в соответствии с ч. 2 ст. 45 УПК РФ является законный представитель или представитель.

В п. 12 ст. 5 УПК РФ представлен достаточно большой перечень лиц, которые относятся к законным представителям: родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства.

При выборе законных представителей для несовершеннолетнего потерпевшего нами используется ситуационный подход, позволяющий предложить алгоритм наиболее правильного принятия решения при выборе законных представителей (родителей) для участия в следственных действиях.

Первая ситуация: у несовершеннолетнего потерпевшего внутри семьи идеальные доверительные отношения с обоими родителями. Данную ситуацию можно считать наиболее благоприятной, и, исходя из этого, следователь выбирает любого родителя в качестве законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего при проведении следственных действий.

Вторая ситуация, условно менее благоприятная: в данной ситуации у несовершеннолетнего складываются доверительные отношения только с одним из родителей, поскольку другой родитель слишком занят работой, не проявляет интерес к внутренним переживаниям ребенка и его взаимоотношениям со сверстниками и т.д. Выбор следователем законного представителя (родителя) для несовершеннолетнего потерпевшего будет очевиден в пользу более осведомленного о проблемах ребенка родителя, вызывающего у него доверие.

Третья ситуация, неблагоприятная: родители понимают, что их ребенку необходима защита, и они готовы ему ее обеспечить, но между ними и ребенком нет доверительных отношений, и не установлен психологический контакт с ним. Данная ситуация значительно затрудняет выбор следователя, поскольку законный представитель (родитель) привлекается для участия в следственных действиях с участием несовершеннолетнего потерпевшего с целью создания комфортных условий для него, но в данной ситуации, есть вероятность, что присутствие любого из родителей может «противоречить интересам несовер-

шеннолетнего потерпевшего», что отразится на качестве проведенного следственного действия.

Использованный нами ситуационный подход в моделировании возможных ситуаций, возникающих в процессе расследования при взаимодействии с несовершеннолетним потерпевшим, позволил утвердиться в понимании необходимости тщательного подбора участников следственных действий, определенных российским законодательством, с учетом выраженного доверия к ним со стороны несовершеннолетнего, что позволит не только установить психологический контакт, но также поддерживать его на протяжении всего процесса расследования. Не менее значимыми для выяснения всех обстоятельств преступления, совершенного в отношении несовершеннолетнего, является выбор места и времени с учетом его возрастных особенностей и психических состояний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедев Н.Ю., Лебедева Ю.В. Управленческие компетенции следователя и особенности их реализации при расследовании преступлений // Всероссийский криминологический журнал. – Т. 13. – № 6. – 2019. – С. 1017–1024.

2. Лебедева Ю.В. Значение, структура и соотношение понятий «психологический контакт» и «установление психологического контакта» в деятельности следователя // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: Научный журнал Байкальского государственного университета. – 2021. – № 3. – С. 60–70.

3. Анищенко А.В., Смирнова И.Г. Проблема проведения стационарной психолого-психиатрической экспертизы лица, не достигшего возраста уголовной ответственности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 5 (13). – С. 9–17.

4. Фойгель Е.И. Установление психологического контакта с адвентальными лицами в процессе производства коммуникативных следственных действий // Академический юридический журнал. – 2019. – № 1 (75). – С. 29–34.

Информация об авторе

Лебедева Юлия Вениаминовна – доцент кафедры уголовного права и процесса СИУ РАНХиГС (г. Новосибирск), кандидат психологических наук, e-mail: lebedeva28031973@rambler.ru.

Author

Lebedeva Julia Veniaminovna – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the SIU RANEPА (Novosibirsk), Candidate of Psychological Sciences, e-mail: lebedeva28031973@rambler.ru.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 3 ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ВЫДАЧЕ

В данной статье автором поднимается вопрос о проблемах реализации положений статьи 3 «Европейской конвенции о выдаче». Как известно, институт экстрадиции является одним из направлений международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, который позволяет обеспечивать достижение основных целей уголовного процесса, помогает восстановить нарушенные права, а также обеспечивает равенство и справедливость в обществе, несмотря на разграничение юрисдикции между государствами. Однако, правовое регулирование данного института остается разрозненным, имеет большое количество пробелов, которые влияют на качество, оперативность проведения экстрадиционной проверки. Данные проблемы приводят к тому, что конкретные лица подвергаются в странах происхождения незаконному преследованию, угрозам причинения ущерба. Автором статьи подробно рассмотрен пример проявления проблем реализации статьи 3 «Европейской конвенции о выдаче», а также предложены пути решения.

Ключевые слова: экстрадиция; экстрадиционная проверка; Европейской конвенции о выдаче; политические преступления; Европейский суд по правам человека.

A.A. Lechidova

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE PROVISIONS OF ARTICLE 3 OF THE EUROPEAN CONVENTION ON EXTRADITION

In this article, the author raises the question of the problems of implementing the provisions of article 3 of the «European Convention on Extradition». As you know, the institute of extradition is one of the directions of international cooperation in the field of combating crime, which allows achieving the main goals of the criminal process, helps to restore violated rights, and also ensures equality and justice in society, despite the division of jurisdiction between States. However, the legal regulation of this institution remains fragmented, has a large number of gaps that affect the quality and efficiency of conducting an extra-traditional check. These problems lead to the fact that specific persons are subjected to illegal persecution and threats of damage in the countries of origin. The author of the article considers in detail an example of the manifestation of problems in the implementation of article 3 of the "European Convention on Extradition", and also suggests solutions.

Keywords: extradition; extra-traditional verification; the European Convention on Extradition; political crimes; the European Court of Human Rights.

В соответствии со ст. 3 «Европейской конвенции о выдаче», заключенной в г. Париже 13 декабря 1957 г., выдача не осуществляется, если запрашиваемая Сторона имеет существенные основания полагать, что просьба о выдаче в связи с обычным уголовным преступлением была сделана с целью судебного преследования или наказания лица в связи с его расой, религией, национальностью или политическими убеждениями или что положению этого лица может быть нанесен ущерб по любой из этих причин [1].

Проблемы реализации данной нормы можно рассмотреть на конкретном примере. В 2014 г. в отношении гражданина Республики Таджикистан А.А. Нурова старшим следователем Следственного управления Государственного комитета национальной безопасности Республики Таджикистан возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 187 УК Республики Таджикистан (участие в преступном сообществе (преступной организации) либо в объединении организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп).

Установлено, что после вынесения постановления о привлечении А.А. Нурова к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 187 УК Республики Таджикистан, он объявлен в розыск, в отношении него избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

В 2015 г. А.А. Нуров обнаружен и задержан на территории Российской Федерации, в городе Екатеринбург. Сразу после задержания районным судом г. Екатеринбург обвиняемому избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на 2 месяца, которая продлена до 6 месяцев, а в дальнейшем до 9 месяцев. Обвиняемым и его защитником заявлено ходатайство об изменении меры пресечения на более мягкую, в удовлетворении ходатайства отказано.

В то же время, 12.11.2015 г. исполняющим обязанности Генерального прокурора Республики Таджикистан подано ходатайство о выдаче обвиняемого А.А. Нурова для привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 187 УК Республики Таджикистан.

В соответствии с установленной процедурой, данный запрос о выдаче направлен в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, где 12.05.2016 г. рассмотрен и удовлетворен.

Защитником А.А. Нурова направлена жалоба в Свердловский областной суд на постановление заместителя Генерального прокурора РФ о выдаче обвиняемого правоохранительным органам Республики Таджикистан. Жалоба оставлена без удовлетворения.

Несколько раз данное решение обжаловалось обвиняемым А.А. Нуровым и его защитником, однако, решение Свердловского областного суда осталось в силе. В связи с чем, стороной защиты подана жалоба в Европейский суд по права человека (далее – ЕСПЧ).

В своем постановлении от 23.10.2018 г. по делу «А.Н. и другие против России» ЕСПЧ приходит к выводу о том, что в случае высылки заявителей, в том числе А.А. Нурова, в их страны происхождения, может быть нарушена норма ст. 3 "Европейской конвенции о выдаче" [2].

Результат рассмотрения жалоб ЕСПЧ основывается на том, что А.А. Нуров, а также лица, которыми поданы аналогичные жалобы в суд, не один раз в ходе су-

дебных заседаний в Российской Федерации заявляли, что в Республике Таджикистан они подвергаются преследованию за религиозно-экстремистскую деятельность и о том, что в отношении них поступали угрозы жестокого обращения.

Материалы, предоставленные Республикой Таджикистан, имеющие отношение к обвинениям, указывают на то, что А.А. Нуров относится к группам лиц, которым предъявлены обвинения в совершении преступлений религиозного и политического характера, в связи с чем доказано наличие угрозы недопустимого обращения в отношении А.А. Нурова со стороны Республики Таджикистан [3].

Правоохранительным органам Российской Федерации, а также суду предъявлены обоснованные доказательства, жалобы о существующей угрозе жестокого обращения в отношении обвиняемого со стороны Республики Таджикистан. Однако, в ходе экстрадиционной проверки органами прокуратуры, а также впоследствии судом, не обращено достаточное количество внимания на данные факты, в связи с чем права обвиняемого, предоставленные ему международным законодательством, нарушены.

На основании постановления ЕСПЧ, вынесенного 23.10.2018 г., Президиумом Верховного суда РФ постановление заместителя Генерального прокурора от 18.06.2016 г. признано незаконным, производство по делу в отношении А.А. Нурова возобновлено ввиду новых обстоятельств [4].

Данный пример свидетельствует о том, что со стороны правоохранительных органов, органов прокуратуры, суда не уделяется достаточного внимания всем материалам, которые могут быть получены в ходе всего процесса экстрадиции лица в страну его происхождения.

Ошибки, допускаемые в том числе, в ходе экстрадиционных проверок, связаны с наличием большого количества неупорядоченных источников, в которых содержатся нормы, регулирующие процедуру экстрадиции, неразвитого взаимодействия органов прокуратуры с правоохранительными органами, недостаточным вниманием сотрудников к каждому конкретному случаю. Указанные факты сказываются негативным образом на полноте проведенных проверок, качестве и их оперативности [5].

При ратификации «Европейской конвенции о выдаче», Российская Федерация также ратифицировала «Дополнительный протокол к Европейской конвенции о выдаче» (подписан в г. Страсбурге 15.10.1975 г.). В соответствии с данным протоколом, Российская Федерация при применении ст. 3 «Европейской конвенции о выдаче» не признала ряд преступлений в качестве политических, а именно преступления против человечества на основании «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», ряд нарушений установленных Женевской конвенцией об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г., Женевской конвенцией об обращении с военнопленными 1949 г. и Женевской конвенцией о защите гражданского населения во время войны 1949 г., а также нарушения законов и обычаев войны [6].

Однако, следует отметить, что в Российской Федерации в настоящий момент не имеется понятия, в том числе закрепленного в нормативно-правовых актах, «политические преступления». Данный факт затрудняет применение

ст. 3 «Европейской конвенции о выдаче», так как не определен перечень преступлений, которые могут считаться совершенными в связи с расой, религией, национальностью или политическими убеждениями.

Таким образом, данная формулировка может трактоваться сотрудниками правоохранительных органов, органами прокуратуры, судом, как в сторону увеличения перечня таких фактов, так и наоборот.

Хочется отметить, что в Российской Федерации нет единого закона, регулирующего основания, порядок, сроки проведения экстрадиции. Несмотря на сложность оптимизации как национального, так и международного законодательства, создание единого закона, регулирующего нормы экстрадиции, могло существенно облегчить работу правоохранительных органов, органов прокуратуры и суда, а также существенно снизить случаи неправильного толкования тех или иных норм.

Кроме того, в настоящий момент вопросы, связанные с получением, а также направлением различного рода информации, определяются государствами самостоятельно при заключении и подписании многосторонних и двусторонних соглашений.

При анализе заключенных между государствами договоров, установлено, что документы, необходимые в ходе проведения проверки, можно направить и получить через дипломатические каналы, факсимильную связь, а также с использованием других средств коммуникации с одновременным направлением оригиналов с помощью средств почтовой связи.

В настоящее время при развитии информационно-телекоммуникационной сети Интернет представляется возможным создание единой комплексной системы международного документооборота с защитой от несанкционированного доступа к информации. Таким образом, получение необходимой информации будет происходить в более оперативном порядке.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что институт экстрадиции не в достаточной степени регламентирован, имеются существенные пробелы как национального, так и международного законодательства, оперативность и системность получения необходимых сведений также не разработана в должной мере. Из-за данных фактов, в отношении лиц, подлежащих выдаче другому государству, допускаются многочисленные нарушения закона, которые в дальнейшем являются основанием для обращения в том числе в Европейский суд по правам человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Европейская конвенция о выдаче. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902174> (дата обращения 30.08.2021).

2. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 октября 2018 г. (Дело «А.Н. и другие против России»), жалоба № 61689/16 и 3 другие. URL: <https://genproc.gov.ru/documents/espch/document-1888780/> (дата обращения 30.08.2021).

3. Постановление Верховного суда РФ от 18.09.2019. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/p7uDLtsZTmZN/?vsrf-txt=А.Н.+и+другие+против+россии&vsrf-case_doc=&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1630841816840&snippet_pos=1552#snippet (дата обращения 30.08.2021).

4. Сайт Верховного суда РФ. URL: <https://www.vsrf.ru> (дата обращения 30.08.2021).

5. Матвеев С.В., Колотова С.М. Институт экстрадиции в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. № 10 (74). – 2020. – С. 126–135.

6. Дополнительный протокол к Европейской конвенции о выдаче. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901763598> (дата обращения 30.08.2021).

Информация об авторе

Лечидова Анастасия Андреевна – магистрант Байкальского государственного университета, помощник Новомосковского городского прокурора Тульской области, e-mail: lec.anastasia1999@yandex.ru.

Author

Lechidova Anastasia Andreevna – master's student of the Baikal State University, assistant to the Novomoskovsky City Prosecutor of the Tula region, e-mail: lec.anastasia1999@yandex.ru.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ИНСТИТУТЕ СВИДЕТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА

С момента принятия УПК РФ прошло 20 лет. В этой связи, актуальным представляется анализ законодательных изменений в институте свидетельского иммунитета. В статье исследуются вопросы правового регулирования свидетельского иммунитета. Рассматривается понятие и виды свидетельского иммунитета. Анализируются актуальные проблемы свидетельского иммунитета должностного лица налогового органа, арбитра (третейского судьи), адвоката, защитника, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации. Особое внимание уделяется исследованию причины недопустимости допроса в качестве свидетеля адвоката, защитника о сведениях, ставших им известными в связи с обращением к ним за юридической помощью или в связи с ее оказанием. Обосновывается своевременность наделения свидетельским иммунитетом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации об обстоятельствах, ставших им известными в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей. Аргументируется необходимость в дальнейшем усилении процессуальных гарантий свидетельского иммунитета.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; свидетельский иммунитет; виды свидетельского иммунитета; свидетельский иммунитет должностных лиц.

N.Y. Litvintseva

LEGISLATIVE CHANGES IN INSTITUTE OF WITNESS IMMUNITY

20 years have passed since the adoption of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. In this regard, the analysis of legislative changes in the institute of witness immunity seems to be relevant. The article examines the issues of legal regulation of witness immunity. The concept and types of witness immunity are considered. The current problems of witness immunity of an official of a tax authority, an arbitrator (arbitrator), a lawyer, a defender, the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, and the Commissioner for Human Rights in a constituent entity of the Russian Federation are analyzed. Particular attention is paid to the study of the reasons for the inadmissibility of interrogating a lawyer or defense attorney as a witness about the information that became known to them in connection with the appeal to them for legal assistance or in connection with its provision. The article substantiates the timeliness of granting witness immunity to the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Commissioner for Human Rights in the Subject of the Russian Federation about the circumstances that have become known

to them in connection with the performance of their official duties. The need for further strengthening of procedural guarantees of witness immunity is argued.

Keywords: criminal proceedings; witness immunity; types of witness immunity; witness immunity of officials.

Институт свидетельского иммунитета является процессуальной гарантией, которая направлена на обеспечение прав и законных интересов граждан в уголовном судопроизводстве.

В УПК РФ под свидетельским иммунитетом понимается право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных УПК РФ (п. 40 ст. 5). В соответствии с легальным определением свидетельского иммунитета, в зависимости от волеизъявления лица, им наделенного, можно выделить два его вида: императивный (абсолютный), сформулирован в запрете допрашивать некоторых лиц в качестве свидетелей, и диспозитивный (относительный), выражен в праве свидетеля отказаться от дачи показаний.

С момента принятия УПК РФ прошло 20 лет, многие его нормы и институты подверглись изменению, в том числе и институт свидетельского иммунитета.

В 2015 г. в УПК РФ был дополнен перечень лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетеля (ч. 3 ст. 56). Так, Федеральным законом от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ (ред. от 02.12.2019 г.) «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ был закреплен в ч. 3 ст. 56 УПК РФ п. 6, согласно которому, должностное лицо налогового органа, не подлежит допросу в качестве свидетеля, об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с предоставленными сведениями, содержащимися в специальной декларации, представленной в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и (или) прилагаемых к ней документах и (или) сведениях.

А Федеральным законом от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»² была дополнена ч. 3 ст. 56 УПК РФ пунктом 7, в соответствии с которым, не подлежит допросу в качестве свидетеля арбитр (третейский судья) – об обстоятельствах, ставших ему известными в ходе арбитража (третейского разбирательства).

Неоднократным изменениям подверглись положения пп. 2, 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ закрепляющие свидетельский иммунитет адвоката, защитника. Так, первоначальная редакция УПК РФ предусматривала запрет на допрос в каче-

---

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 24. Ст. 3367.

² Там же. 2016. № 1 (ч. 1). Ст. 29.

стве свидетеля, только защитника подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с участием в производстве по уголовному делу, а также адвоката – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи (пп. 2, 3 ч. 3 ст. 56). В дальнейшем, Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ подвергся существенным изменениям, согласно которым, не подлежат допросу в качестве свидетелей: адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием.

Дальнейшие изменения свидетельского иммунитета адвоката, защитника связаны с принятием Федерального закона от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»². Так, согласно данным изменениям, не подлежат допросу в качестве свидетелей:

– адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого с согласия и в интересах подозреваемого, обвиняемого;

– адвокат – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь.

Новеллы, внесенные указанным законом, свидетельствуют об ограничении свидетельского иммунитета адвоката, защитника и ставят под сомнение его императивный характер.

Следует отметить, что вопрос о допустимости допроса адвоката, защитника в качестве свидетеля в ситуации, когда в разглашении сведений заинтересован и защитник, и его клиент был предметом обсуждения в Конституционном Суде Российской Федерации.

Так, Определением Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 108-О было дано следующее разъяснение: «Освобождая адвоката от обязанности свидетельствовать о ставших ему известными обстоятельствах в случаях, когда это вызвано нежеланием разглашать конфиденциальные сведения, п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК Российской Федерации, вместе с тем, не исключает его право дать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений. Данная норма также не служит для адвоката препятствием в реализации права выступить свидетелем по делу при условии изменения впоследствии его правового статуса и соблюдения прав и законных интересов лиц, доверивших ему информацию. ...Невозможность допроса указанных лиц – при их согласии дать показания, а

---

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.

² Там же. 2017. № 17. Ст. 2455.

также при согласии тех, чьих прав и законных интересов непосредственно касаются конфиденциально полученные адвокатом сведения, – приводила бы к нарушению конституционного права на судебную защиту и искажала бы само существо данного права»¹.

Указанная правовая позиция Конституционного Суда РФ послужила предпосылкой для внесения исследуемых изменений.

Вместе с тем, в данном случае, свидетельским иммунитетом обладают доверители, подзащитные относительно тех сведений, которые были ими доверены адвокату, защитнику. Так, верно отмечает И.С. Дикарев, что субъектом свидетельского иммунитета является именно доверитель, а не лицо, располагающее значимой для уголовного дела информацией. Выражая согласие на допрос в качестве свидетеля адвоката, защитника, доверитель освобождает последнего от обязанности сохранять в тайне доверенную ему информацию [2, с. 52].

Аналогичной позиции придерживается С.Ю. Никитин, категорично утверждая, что адвокатская тайна есть абсолютная тайна, защита адвокатской тайны направлена против любого вмешательства, отличительным ее признаком является невозможность ее разглашения ни при каких обстоятельствах без разрешения лица – первоисточника [5, с. 24].

Совершенно справедливо утверждает А.А. Добровинский, что в обоих этих случаях адвокат связан волеизъявлением своего клиента [3, с. 88]. Подобных убеждений придерживаются и иные авторы [1, с. 45].

Полагаю, что установленная в уголовно-процессуальном законе возможность допроса адвоката, защитника в качестве свидетеля с согласия и в интересах доверителя, подзащитного является исключительным случаем освобождения от обязанности хранить доверенную ему информацию и не указывает на ограничение свидетельского иммунитета адвоката, защитника, поскольку они могут дать свидетельские показания, только о тех сведениях, на разглашение которых дал согласие доверитель, подзащитный.

Современные законодательные изменения свидетельского иммунитета связаны с принятием Федерального закона 24 апреля 2020 г. № 130-ФЗ «О внесении изменения в статью 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»². Согласно данным изменениям, была дополнена ч. 3 ст. 56 УПК РФ новым пунктом, в соответствии с которым не подлежит допросу в качестве свидетеля: Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации без их согласия – об обстоятельствах, ставших им известными в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей (п. 8).

Конституция РФ предусматривает, что федеральным законом могут устанавливаться и иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания (ч. 2 ст. 51). Так, Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»

---

¹ По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 21. Ст. 2060.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17. Ст. 2708.

Федерации» закреплено право Уполномоченного по правам человека в РФ отказаться от дачи свидетельских показаний по гражданскому или уголовному делу об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с выполнением его обязанностей (ч. 2 ст. 24)¹. В отраслевом законодательстве, норма, регулирующая свидетельский иммунитет Уполномоченного по правам человека в РФ, была отражена только в ГПК РФ (п. 5 ч. 4 ст. 69). В УПК РФ подобной нормы, регулирующей свидетельский иммунитет Уполномоченного по правам человека в РФ, не содержалось.

Вместе с тем, в юридической литературе давно обосновывалась необходимость введения нормы о свидетельском иммунитете Уполномоченного по правам человека в РФ. Так, некоторые авторы, предлагали ввести п. 6 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, устанавливающий запрет на допрос в качестве свидетеля Уполномоченного по правам человека в РФ об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с выполнением своих обязанностей [4, с. 110–111; 5, с. 9]. Однако, указанные авторы полагали необходимым ввести в УПК РФ норму, запрещающую допрос Уполномоченного по правам человека в РФ в качестве свидетеля, что противоречило бы положениям Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», который имеет большую юридическую силу, нежели УПК РФ. В соответствии с указанным законом Уполномоченный по правам человека в РФ наделен диспозитивным видом свидетельского иммунитета.

Справедливым представляется наделение правом отказаться от дачи свидетельских показаний об обстоятельствах, ставших им известными в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей не только Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, но и уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации.

Таким образом, законодательные изменения в институте свидетельского иммунитета безусловно, требуют нового научного осмысления, нового анализа в целях определения понятия, содержания и значения свидетельского иммунитета, характеристики его отдельных видов в уголовном судопроизводстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилова Е.А. Свидетельский иммунитет адвоката, защитника как гарантия независимости его профессиональной деятельности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – № 4 (26). – С. 41–48.
2. Дикарев И. Свидетельские показания адвоката по ходатайству его доверителя // Законность. – 2006. – № 8. – С. 50–53.
3. Добровинский А.А. Следователь вызвал адвоката на допрос, чтобы отстранить от защиты. Как реагировать // Уголовный процесс. – 2020. – № 9. – С. 84–92.

---

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 9. Ст. 1011.

4. Лукошкина С.В. Иммуниеты в российском уголовном судопроизводстве. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. – С. 110–111.

5. Никитин С.Ю. Свидетельский иммунитет в российском уголовном процессе : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Челябинск, 2005. – 27 с.

Информация об авторе

Литвинцева Наталья Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Институт юстиции, Байкальский государственный университет, Иркутск, e-mail: litvintseva_nu@mail.ru.

Author

Litvintseva Natalia Yurievna – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision, Institute of Justice, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: litvintseva_nu@mail.ru.

УСТАНОВЛЕНИЕ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА НА РЫНКЕ КРИПТОВАЛЮТ

Исследование способов совершения преступлений с криптовалютами является приоритетной задачей работников правоохранительных органов. На основе анализа действий преступников с криптовалютой в России исследованы способы мошенничества в сфере виртуальной валюты и обозначены направления совершенствования в данной правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: виртуальная валюта; денежная единица; платежная единица; криптовалюта; анонимизация; Интернет; контроль; оборот; отмывание; легализация; ключ; шифр; криптография; правоохранительная деятельность.

N.E. Meretsky

ESTABLISHING METHODS OF COMMITTING FRAUD IN THE CRYPTOCURRENCY MARKET

The study of ways to commit crimes with cryptocurrencies is a priority task of law enforcement officials. Based on the analysis of the actions of criminals with cryptocurrency in Russia, the methods of fraud in the field of virtual currency are investigated and the directions for improving in this law enforcement are outlined.

Keywords: virtual currency; monetary unit; payment unit; cryptocurrency; anonymization; Internet; control; turnover; laundering; legalization; key; cipher; cryptocurrency; law enforcement activity.

Для достижения своих преступных целей субъекты разрабатывают и используют различные формы получения материальной выгоды незаконным способом. Особенно это четко проявилось с созданием и расширением сети Интернет, пользование которой позволяет достаточно быстро воздействовать на то или иное структурное подразделение государственного органа, или индивидуального предпринимателя, или конкретного гражданина. Таким образом, через сеть Интернет возможно совершенно беспрепятственно проникать к любому индивидууму, оказывать на него психологическое воздействие с целью убеждения в правоте определенных действий для получения преступного результата.

Так, за последнее время (каких-то 5–7 лет) не только в России, но и в других государствах появилась тенденция, направленная на получение материального обогащения путем мошенничества с использованием новых технологий, в том числе в результате создания и применения виртуальной валюты. Хотелось бы напомнить, что каждое государство основным платежным средством определяет для использования конкретную денежную единицу, которая может являться платежным документом как на территории определенной страны, так и при расчетах с другими государствами при взаимном обмене товарами. Однако

количество используемых денег должно подкрепляться золотовалютными запасами конкретного государства, а виртуальная валюта – нет. Например, в России таким платежным средством является рубль, который обеспечен находящимся в казне золотым запасом.

В силу этого рубль используется в качестве денежной единицы Российской Федерацией и является основным платежным средством. Законодательство России запрещает на своей территории рассчитываться при продаже или покупке товароматериальных ценностей валютой иных государств. Следует отметить, что в силу расширения возможности использования компьютерных технологий (дистанционные платежи и дистанционное обслуживание клиентов банками), в мире появились новые способы денежных расчетов.

Обозначенное явление привело к появлению криптовалют, которые в силу определенных обстоятельств стали довольно-таки популярными во всем мире. В свое время мы предложили следующую дефиницию: «криптовалюта – это цифровая валюта, единица которой – монета. По своей сущности монета – это компьютерный код, защищенный от копирования. Эмиссия криптовалюты происходит непосредственно в сети, а не в банке, выпускающем в обращение деньги [1, с. 38]». Кроме того, она основана на математических принципах и представляет виртуальную валюту с открытым исходным кодом. Обозначенное нововведение с юридической точки мы можем объяснить только разработкой мошеннических действий, направленных на незаконное обогащение.

В связи с этим можно констатировать, что сам факт создания криптовалюты является одним из видов мошенничества и не имеет государственного статуса, однако по некоторым причинам в достаточной степени она очень популярна ввиду создания быстрой возможности умножить свой капитал, не говоря о других видах преступлений (например, отмывание денег, нажитых преступным путем, или торговля оружием), что создает определенные удобства для субъектов, занимающихся противоправной деятельностью.

С другой стороны, можно предположить, что доллар США также является криптовалютой в силу того, что его количество, находящееся в обороте некоторых государств и частных лиц, не подтверждено золотовалютным запасом Соединенных Штатов Америки. Зачастую вызывает недоумение, как некоторые государства в качестве золотовалютных запасов имеют в своей казне доллар США, меняя на его покупку реальное золото, алмазы, нефть, газ и т.д. Представляется, что этой непродуманностью и вызвана чехарда с использованием криптовалюты.

Анализ результатов проведенных исследований позволил установить, что пропорционально развитию компьютерных технологий растет популярность криптовалюты и наблюдается увеличение (свыше 60 %) числа мошеннических действий в обозначенной сфере. Иными словами, мошенники представляют ее в цифровом формате и указывают, что криптовалюта, во-первых, является средством при продаже или покупке товароматериальных ценностей, т.е. платежной единицей; во-вторых, обладает свойством хранения заложенной при ее покупке стоимости; в-третьих, оберегает рубль и валюту иных государств от инфляции; в-четвертых, в связи с увеличением количества покупок, одновре-

менно на рынке Bitcoin увеличивается доходная масса вложенных денег; в-пятых, сохраняется тайна (анонимизация личности держателя криптовалют) относительно биометрических данных покупателя. Кроме того, обратим внимание на то, что с помощью криптовалюты происходит активное отмывание денежных средств, добытых преступным путем, а также финансирование преступных организаций, деятельность которых запрещена не только на территории Российской Федерации, но и в некоторых других государствах.

Очевидно, что указанные выше особенности позволили проводить не только обналичивание ценностей, добытых преступным путем, но и совершать иные противоправные действия, например, конвертацию реальных денежных средств в криптовалюту, а в дальнейшем выполнить другую (обратную) операцию, т.е. продажу виртуальных денег и покупку реальной валюты соответствующего государства.

Изучение практики показывает, что в силу перечисленных обстоятельств, при описании состава преступления в целях возбуждения уголовного дела работники правоохранительных органов вынуждены действовать в поле цивилистического анализа, который вызывает некоторые трудности в квалификации преступления, совершенного с использованием методов компьютерных технологий. При возникновении обозначенной ситуации рекомендуем активно привлекать специалистов в различных областях знаний, особенно владеющих компьютерными технологиями.

Расследование мошенничества с использованием сети Интернет с целью покупки или продажи криптовалюты представляет собой процесс познания преступной действительности по тем немногочисленным источникам, которые несут в себе информацию о произошедшем преступном деянии. В этом случае следователь изучает не только сам факт покупки или продажи Bitcoin, а также: во-первых, условия, способствующие реализации криптовалюты; во-вторых, устанавливает адреса продавцов и получателей; в-третьих, обстановку, в которой ему предстоит расследовать это преступное событие; в-четвертых, анализирует способы внедрения и использования компьютерной сети.

В связи с этим, содержание деятельности следователя на первоначальном этапе расследования мошенничества с использованием сети Интернет во многом определяется кругом обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Эффективность предлагаемой нами методики расследования мошенничества может быть достигнута лишь при анализе полученной информации, что в итоге повлияет на качество проведения следственных действий с участием специалистов соответствующих структурных подразделений правоохранительных органов, Центрального банка РФ и иных банков, которые смогут получить определенную информацию в сети Интернет. Дело в том, что мошенничество происходит путем проникновения в информационную среду в пространстве Интернет, в которой и совершается противоправное деяние, т.е. обманым путем происходит убеждение субъекта в необходимости покупки криптовалюты.

Практика показывает, что при условии знания способов совершения мошенничества с использованием сети Интернет с целью покупки или продажи криптовалюты, следователь сможет произвести предварительную проверку и

выявить конкретные данные, указывающие на признаки совершенного мошенничества. Конечно, анонимизация лица, совершающего сделку при помощи сети Интернет, вызывает у работников правоохранительных органов затруднение в его установлении и обеспечивает субъектам преступной деятельности высокий уровень безопасности. Кроме того, это и другие обстоятельства создают трудности в их поиске и предъявлении обвинения лицу, совершающему мошенничество с использованием сети Интернет с целью покупки или продажи криптовалюты.

Сложность обозначенной задачи состоит в необходимости проведения должностными лицами соответствующих организационных мероприятий и в формировании единого планирования всех взаимодействующих органов, что поможет: во-первых, в разработке соответствующих тактических приемов при проведении следственных действий; во-вторых, в формулировке единых взаимосогласованных задач; в-третьих, в едином руководстве всей деятельностью по выявлению соответствующих преступлений, совершенных в различное время.

При разработанной системе взаимосвязи и взаимопомощи между правоохранительными органами и специалистами экспертных учреждений ФСБ РФ, МВД РФ, Центрального банка РФ, иных банков и т.д. процесс передачи информации будет происходить быстро, целенаправленно и непрерывно. На данный момент, к сожалению, обозначенная деятельность является несогласованной, что создает благоприятные условия для латентности рассматриваемых нами преступлений.

Анализ практики показывает, что при расследовании уголовных дел, возбужденных по факту использования сети Интернет с целью покупки или продажи криптовалюты, в большинстве случаев возникает необходимость в производстве различных видов экспертиз. В силу этого должно иметь место консультационное взаимодействие между правоохранительными органами и их должностными лицами, с одной стороны, и специалистами ЦБ РФ и иных банков, – с другой.

Такого же мнения придерживается и Н.Г. Шурухнов, который отмечает, что при проверке первичной информации о преступлениях, связанных с покупкой или продажей криптовалюты с использованием сети Интернет, следовательно целесообразно активно привлекать специалистов [2, с. 93]. Поэтому одно из ведущих мест среди многообразия форм и методов использования специальных знаний принадлежит эксперту. Такое положение объясняется тем, что следовательно, привлекая эксперта, сможет на достаточном уровне, во-первых, проанализировать имеющуюся информацию; во-вторых, разработать и выдвинуть версии, необходимые для решения задач расследования; в-третьих, установить причины и условия, связанные с конкретными обстоятельствами преступления; в-четвертых, разработать мероприятия, препятствующие внедрению в сеть Интернет с преступными намерениями.

Обратим внимание на то, что незаконная деятельность мошенников, предлагающих приобрести криптовалюту, не ограничивается совершением какого-либо одного преступления. Так, проверяя деятельность заподозренного в использовании сети Интернет в преступных целях, необходимо проверить на

предмет совершения иных противоправных действий (например, оформление финансовой выручки в отраслях деятельности делового предприятия, где используются наличные деньги); налоговых преступлений; незаконного предпринимательства; изъятия средств из благотворительных фондов или направленных на охрану здоровья и т.п.

В силу указанных особенностей преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет план организационных и оперативно-розыскных мероприятий должен обеспечить решение следующих задач: 1) выявление потерпевшего (потерпевших) и вида деловых операций; 2) установление наличия и местонахождения пользователя сети Интернет; 3) определение зоны деятельности мошенника; 4) формы и виды сотрудничества с ФСБ РФ, ЦБ РФ и иными банками; 5) установление полной схемы движения денежных средств, криптовалюты и обратного их поступления; 6) выемка компьютера и иного системного оборудования, с помощью которого осуществлялась преступная деятельность субъекта, например, незаконное подключение к электросетям; 7) рассмотрение возможности применения мер гражданско-правового характера о признании сделок ничтожными (недействительными) и возмещение материального вреда потерпевшим. Это лишь некоторые основные мероприятия, входящие в план расследования, которые могут дополняться и видоизменяться.

Исходя из вышеизложенного, мы сформулировали следующие выводы и предложения.

Во-первых, наблюдаемая латентность мошенничества с использованием сети Интернет послужила развитию тайной (незаконной) покупки или продажи криптовалюты. Отсутствие частной методики расследования обозначенных преступлений не дает возможности правоохранительным органам получить достаточную информацию, необходимую для начала расследования (досудебного производства).

Во-вторых, предлагаемая нами схема установления способов мошенничества с использованием сети Интернет на первоначальном этапе расследования содержит в себе действия, предшествующие стадии начала досудебного производства. Имеющаяся информация поможет следователю получить важные для дальнейшего следствия доказательства и установить субъекта, совершающего противоправные действия.

В-третьих, выделенные нами условия взаимодействия по данному виду мошенничества образуют систему, которая в дальнейшем поможет следователю принять верное решение по результатам проверки сообщений о использовании сети Интернет с целью покупки или продажи криптовалюты.

В-четвертых, высказанные предложения позволят обеспечить правоохранительные органы современными технико-криминалистическими приемами разоблачения мошенников на этапе внедрения в сеть Интернет с целью незаконной покупки или продажи криптовалюты.

В-пятых, улучшение технической оснащенности экспертных подразделений создаст необходимость повысить грамотность сотрудников правоохранительных органов.

В-шестых, обладание необходимой информацией создаст необходимость наметить основные мероприятия, направленные на установление и изобличение субъекта, осуществляющего мошенничество в сети Интернет с целью незаконной покупки или продажи криптовалюты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мерецкий Н.Е. Криминалистические данные об использовании криптовалюты в финансировании экстремизма // Правовая культура России: современное состояние и тенденции развития : сб. матер. науч.-практ. конф. (г. Хабаровск – г. Южно-Сахалинск, 7–9 ноября 2019 г.). – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2019. – С. 37– 41.

2. Шурухнов Н.Г. Роль криминалистических данных о механизме функционирования криптовалюты в выявлении и раскрытии преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 1 (46). – Хабаровск : Изд-во ДВЮИ МВД РФ, 2019. – С. 90–96.

Информация об авторе

Мерецкий Николай Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России; заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения, e-mail: ugpд@rambler.ru.

Author

Meretsky Nikolay Evgenyevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminalistics of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Far Eastern State University of the Ministry of Communications, e-mail: ugpд@rambler.ru.

**НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ СВЕДЕНИЙ О ЛИЧНОСТИ
ПРЕСТУПНИКА КАК ОДНОГО ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КРАЖ НЕФТИ
И НЕФТЕПРОДУКТОВ ПРИ ИХ ХРАНЕНИИ И ТРАНСПОРТИРОВКЕ**

В статье рассматривается такой элемент криминалистической характеристики краж нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке на объектах топливно-энергетического комплекса, как сведения о преступнике. Изучены некоторые источники получения криминалистически значимой информации в отношении преступника, а также способы получения такой информации, которая будет иметь значение для расследования преступлений данной категории. Автором высказывается мнение относительно значимости изучения личности подозреваемого при расследовании преступлений.

Ключевые слова: нефть; нефтепродукты; кража; расследование; преступник; подозреваемый; сведения о личности.

A.I. Milyus

**SOME SOURCES OF INFORMATION ABOUT THE PERSONAL
CRIMINAL AS ONE OF THE ELEMENTS OF THE CRIMINALISTIC
CHARACTERISTICS OF THEFT OF OIL AND PETROLEUM PRODUCTS
DURING STORAGE AND TRANSPORTATION**

The article deals with such an element of criminalistic characteristics of thefts of oil and petroleum products during their storage and transportation at the facilities of the fuel and energy complex as information about the criminal. We have studied some sources of obtaining criminally significant information about the criminal, as well as ways to obtain such information that will be important for the investigation of crimes of this category. The author expresses an opinion on the importance of studying the identity of a suspect in the investigation of crimes.

Keywords: oil; petroleum products; theft; investigation; criminal; suspect; identity information.

Объекты топливно-энергетического комплекса характеризуются повышенной степенью опасности, которая может проявляться в виде техногенных происшествий, а также в виде больших экологических бедствий в виде загрязнения окружающей среды. В случаях штатной работы цехов, заводов, установок и т.д. на промышленных объектах по транспортировке и переработке углеводородов, обеспечение безопасности достигается путем контроля ряда показателей, внедрением новых технологий, штатного обслуживания коммуникаций и т.п. Однако в случаях, когда осуществляется несанкционированное вмешательство в отлаженную работу сложной системы промышленных механизмов со

стороны преступных групп, преследующих цель в виде совершения кражи углеводородов, угроза наступления негативных последствий в виде пожаров, обрушения конструкций, экономического ущерба предприятию, экологического загрязнения и прочего резко возрастает. Принятие мер по противодействию преступным посягательствам, а также расследование преступлений совершенных на объектах топливно-энергетического комплекса является одним из важнейших направлений работы правоохранительных органов.

С точки зрения криминалистики, каждому преступлению свойственна криминалистическая характеристика, которая представляется как систематизированная информация, полученная на основе науки и практики, которая несет в себе полезные для процесса расследования сведения о совершенном преступлении, проявляющиеся в объекте преступного посягательства, личности подозреваемого, обстоятельствах совершения преступления (время, место, способ), иных типичных чертах совершенного деяния, которые в совокупности определяют картину произошедшего преступления и помогают понять процесс совершения преступления [11].

Если рассматривать элементный состав криминалистической характеристики краж нефти и нефтепродуктов, то следует отметить, что первостепенным выделяется такой элемент, как сведения о личности подозреваемого (преступника). Что вполне закономерно, так как механизм слеодообразования зависит от преступника, обстоятельства совершения преступления также определяет в большинстве своем преступник, картина произошедшего преступления не будет представлять собой преступное посягательство без участия и активных действий самого преступника. Именно поэтому личность преступника выступает одним из ключевых элементов [9], изучение которого важно для осуществления процесса расследования по уголовным делам.

К настоящему времени внимание к личности преступника проявляется не только со стороны криминалистики, но также немалое внимание уделяют такие науки, как уголовное право, криминология, юридическая психология и др., в предмет изучения которых включены те или иные аспекты личности преступника [2]. Проявление интереса к личности преступника характеризуется значимостью и актуальностью данного направления исследования. Рассмотрение личности подозреваемого позволяет понять его мотивы, которые чаще всего преследуют корыстную цель незаконного обогащения за счет хищения чужого имущества.

По мнению О.П. Грибунова и Е.А. Малыхиной под понятием личности преступника следует подразумевать значимую информацию о подозреваемом (обвиняемом) по уголовному делу, включающую в себя сведения о социальных, психологических, биологических и других свойствах личности, в совокупности необходимых для установления личности преступника, картины совершенного преступного деяния [4]. Данная позиция прослеживается в иных трудах О.П. Грибунова [5; 6; 7] Необходимо понимать, что данное определение носит универсальный характер и может быть применимо к любому виду преступлений. Именно поэтому унификация понятий для множества категорий преступ-

лений в данном случае не может сказаться отрицательным образом на процессе расследования.

Следует отметить, что А.В. Варданян и Л.Н. Кийко высказали свое мнение относительно данных о личности преступника – «неотъемлемым и высокоинформативным элементом характеристики тяжких насильственных преступлений против личности представляется характеристика типичных особенностей лиц, совершивших данные деяния» [1]. Несмотря на то, что данное мнение высказано в отношении преступлений насильственного характера против личности, оно справедливо в том числе и для преступлений имущественного характера, таких, например, как кражи нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке, при изучении которых следует уделять особое внимание данному составному элементу криминалистической характеристики.

Изучение и рассмотрение такого элемента криминалистической характеристики, как личность преступника позволяет выяснить важные информационные сведения о совершенном преступлении. Получив понимание о личности преступника, следователь сможет представить общую картину совершенного преступления и на основе совокупности имеющихся данных выстроить процесс расследования, позволяющий получить максимальное количество доказательств исходя из складывающейся следственной ситуации, которая носит динамический характер и требует постоянной аналитической работы от следователя.

Однако получение сведений о преступнике в ряде случаев является трудоемким и кропотливым процессом. Так, в условиях неочевидности, когда данные о том, кто совершил преступление неизвестны, следователь может на основе полученных в ходе расследования данных обозначить общие данные о преступнике – мужчина или женщина, один совершал преступление или в составе группы лиц, рост, телосложение, общие черты и т.д.

В случаях, когда данные о преступнике известны, установить характеризующие его сведения становится гораздо легче. В такой ситуации следует учитывать то, что изучение личности преступника всегда связано с рассмотрением ее социально-психологических свойств, благодаря которым возможно определить характеризующие данную личность сведения и определить индивидуальность преступника. На основе полученных таким образом сведений причины совершения преступления становятся понятными, а также проявляются личностные качества преступника [3].

Получение криминалистически значимой информации от первого лица заметно ускоряет и углубляет процесс расследования [12]. Самым простым способом изучения личности подозреваемого является его допрос, который носит вербальный характер. Вербальное общение является устным словесным общением, которое основано на использовании речи. Речь может породить как положительные, так и отрицательные эмоции, оказывая влияние на изменение настроения, морального состояния и трудоспособности личности [8]. Качество проведения допроса в данном случае требует от следователя высокой общей и профессиональной культуры, знания психологии, мастерского владения тактико-психологическими приемами предъявления доказательств и других действий [14], что позволит в ходе проводимого допроса общения, выяснить ряд свойств,

характеризующих личность преступника. Если не рассматривать вопрос доказательств причастности подозреваемого, то при установлении психологического контакта, следователь может узнать о том, в каких условиях родился и вырос допрашиваемый, какими навыками обладает, каковы причины побудившие совершить преступление, наличие заболеваний, уровня образования и т.д. Учитывая, что кражи нефти и нефтепродуктов зачастую совершаются через специальные приспособления – несанкционированные врезки [13], то выяснению подлежит наличие навыков газосварки, способности проведения проектных и монтажных работ, умения управлять грузовым автотранспортом и т.д. которые являются неотъемлемым атрибутом подозреваемого.

Собирая информацию о преступнике и постепенно выстраивая криминалистический портрет его личности, следователь получает и аккумулирует такую информацию, которая в дальнейшем может помочь в расследовании преступления.

Помимо личного общения с подозреваемым, другим источником информации о личности преступника являются видеозаписи. Оснащение промышленных объектов камерами видеонаблюдения в настоящее время является повсеместной и общепринятой практикой, что позволяет правоохранительным органам при раскрытии и расследовании преступлений активно использовать такую разновидность информационных систем, как система видеонаблюдения [15]. В случаях, когда преступник запечатлен при помощи видеонаблюдения в условиях недостаточности информации о нем, следователь получает возможность получения информационных сведений о данном лице. Однако не всегда видеонаблюдение располагает технической возможностью детальной фиксации внешности преступника, но при этом могут быть запечатлены его действия, которые также характеризуют как саму личность подозреваемого, так и обстоятельства совершенного преступления – время монтажа несанкционированной врезки, продолжительность нахождения на территории промышленного объекта, способы обхода сигнализации и т.д.

Как правило, системы видеофиксации устанавливаются на промышленных предприятиях, которые имеют постоянную и стабильную охрану, где внедрены определенные меры, направленные на защиту от незаконных посягательств со стороны преступников, территория которых не имеет значительной протяженности, что в свою очередь позволяет оперативно реагировать на возникающие нештатные ситуации. В отличие от предприятий, практически на всей протяженности магистральных нефтепроводов системы видеофиксации отсутствуют. Кроме того, на всей протяженности нефтепроводов невозможно организовать постоянную охрану, в том числе принять меры по физической защите данных промышленных объектов в силу большой их протяженности. Так, например, протяженность нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» составляет 4 740 км, протяженность нефтепровода «Красноярск – Ангарск» составляет 660 км, протяженность нефтепровода «Омск – Ангарск» составляет 1 478 км, а общая протяженность магистральных нефтепроводов в России на конец 2020 г. составляет около 53,4 тыс. км [17], протяженность иных трубопроводов, по которым осуществляется транспортировка нефти и нефтепродук-

тов составляет более 285 тыс. км [10]. Именно по этой причине получить сведения о преступнике, совершившем кражу нефти из нефтепровода более проблематично, в отличие от объектов промышленности расположенных на территории нефтехимических заводов.

Помимо записей с камер видеонаблюдения, получение информационных сведений о личности преступника возможно от лиц, располагающих значимой информацией о подозреваемом. В ситуациях, когда данные о личности подозреваемого неизвестны, однако имеются лица, видевшие преступника, этих лиц следует допрашивать вне зависимости от того владеют ли они доказательственной информацией о совершенном преступлении или нет. Несмотря на то, что показания такого свидетеля не будут являться доказательством причастности подозреваемого к совершению преступления, однако данные показания могут раскрыть данные о преступнике при помощи которых в дальнейшем появится возможность установления самой личности преступника. Примером может служить рабочий, видевший преступника.

Кроме того, согласно нормам действующего уголовно-процессуального законодательства, а именно в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, подлежат установлению обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Именно поэтому даже в случаях, когда подозреваемый неизвестен, однако имеются источники информации о нем, следует предпринимать все возможные усилия, направленные на получение данной информации.

В случаях, когда личность преступника известна, круг источников информации в значительной степени расширяется. В таких случаях источниками сведений о преступнике будут выступать другие члены преступной группы, коллеги, соседи, друзья и т.д. При допросе указанных лиц следует выяснять данные, характеризующие личность подозреваемого, в том числе и сведения о том, что известно относительно совершенного анализируя полученную информацию, может понять мотивы совершенного преступления, представить общую картину совершенного преступления, систематизировать механизм следообразования и т.д.

Немаловажным источником сведений о преступнике является место преступления. Если выше нами рассматривались возможности получения сведений о преступнике от самого преступника, лиц его знающих, то место преступления является «безмолвным» источником. В данном случае следует выявить следы преступника, которые охарактеризуют последнего и предоставят определенные информационные сведения о нем. Как правило, на данном этапе в большинстве случаев отсутствует какая-либо информация о подозреваемом. Установление признаков неизвестного преступника служит в первую очередь целям его поиска, сужению круга подозреваемых лиц [16].

Изымаемые в ходе осмотра места происшествия следы рук, следы обуви, следы шин автотранспортных средств, биологические следы и т.д. при их дальнейшем исследовании могут предоставить следователю как общую, так и частную информационную основу относительно преступника. Так, например, изъятые следы автотранспортных средств могут указывать на наличие у преступника грузового автомобиля и навыков по его управлению, наличие качествен-

ных сварных швов при установке несанкционированной врезки указывает на то, что преступник обладает навыками по газосварке, размер и глубина следов обуви укажет на примерное телосложение преступника.

Однако не всегда преступники оставляют множество следов, которые могут рассказать о них. В большинстве случаев лица, совершающие кражи нефти и нефтепродуктов, очень осторожны. Кроме того, в силу особенностей следовоспринимающей поверхности на месте происшествия не все следы могут быть в достаточной мере отражены либо не отражаются вовсе. Таким примером можно привести невозможность или слабую вероятность оставления отпечатков рук на трубопроводах, которые имеют пористую и матовую поверхность, что исключает возможность оставления качественных следов рук.

Рассмотрение источников, позволяющих получить сведения о преступнике, является одним из важнейших направлений в расследовании краж нефти и нефтепродуктов. В виду того, что данная категория преступлений носит явно специфический характер, имеющий ряд своих особенностей, значительно отличающихся от иных видов краж, при расследовании необходимо изучать и рассматривать абсолютно все источники получения криминалистически значимой информации относительно преступника или преступной группы лиц.

Встречающиеся в ходе расследования трудности во многом связаны с тем, что зачастую личность преступника неизвестна и источники получения информации о ней в значительной степени ограничены. Однако и в таких случаях следует исследовать и рассматривать все возможные источники информации о преступнике. Следует отметить такую особенность сбора информации о преступнике, как цель получения информации – когда личность преступника неизвестна, сбор данных направлен на установление самой личности, когда же личность преступника установлена получение информации преследует цель получения доказательств и установления полной картины совершенного преступления.

Подводя итог, следует резюмировать, что личность преступника является неотъемлемым элементом криминалистической характеристики краж нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке, является важным направлением в процессе расследования уголовных дел данной категории. Говоря об изучении личности преступника по уголовному делу, также следует указать на то, что проведение качественного анализа личности может помочь следователю в выборе наиболее эффективной методики расследования, что в дальнейшем приведет к закономерному результату в виде наступления уголовного наказания в отношении виновных в совершении преступления лиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варданян А.В. Криминалистически значимые особенности лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления против личности // Сборник научных трудов SWorld. – 2013. – Т. 29. – № 1. – С. 41–45.
2. Варданян А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотноше-

ния и интеграции // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С. 244–251.

3. Головин М.В., Булавка Д.М. Элементы криминалистической характеристики похищения человека: личность преступника и личность потерпевшего (содержание, значение) // StudNet. – 2021. – Т. 4. – № 4.

4. Грибунов О.П., Малыгина Е.А. Особенности личности преступника при расследовании хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 1-2. – С. 138–145.

5. Грибунов О.П. Личностный аспект характеристики преступлений против собственности, совершаемых на транспорте, и взаимосвязь преступника и жертвы преступлений // Юрист-Правоведь. 2015. № 3 (70). С. 56–60.

6. Грибунов О.П., Трубкина О.В. К вопросу о личности преступника как элементе криминалистической характеристики мошенничества в сфере страхования, совершенного в отношении материальных интересов страховых компаний, в связи с внесением изменений в уголовное законодательство РФ // Российский следователь. 2015. № 8. С. 6–10.

7. Грибунов О.П., Ишигеев В.С. Характеристика личности преступника, совершающего кражи на объектах транспорта // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. С. 248–256.

8. Дьяченко Л.И., Дьяченко К.В. Специфика вербального и невербального общения в России // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2018. – № 9–10 (25–26). – С. 8–10.

9. Климентьева Ю.Р. Классификация и типология личности преступника как элемента криминалистической характеристики // Достижения науки и образования. – 2020. – № 16 (70). – С. 32–34.

10. Комаров В.А., Семенова З.В., Бронников Д.А., Нигрей А.А. О структуре системы физической защиты магистральных трубопроводов от преднамеренных угроз // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Геология. Нефтегазовое и горное дело. – 2019. – Т. 19. – № 1. – С. 87–100.

11. Милюс А.И. К вопросу о криминалистической характеристике краж нефти и нефтепродуктов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2-1 (58). – С. 273–277.

12. Милюс А.И. Особенности тактики допроса подозреваемого (обвиняемого) при расследовании преступлений, связанных с хищениями нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 1 (17). – С. 109–117.

13. Милюс А.И. Тактика осмотра места происшествия при расследовании хищений нефти и нефтепродуктов из нефтепродуктопроводов путем изготовления несанкционированных врезок // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2012. – № 5. – С. 245–251.

14. Сабанов А.Ю. К вопросу о тактике первоначального допроса подозреваемого // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы: Сборник научных статей. – М. : Академия управления МВД России, 2018. – Вып. 3.

15. Смахтин Е.В., Щербич С.В. Некоторые вопросы использования систем видеонаблюдения в деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 6 (102). – С. 77–82.

16. Чиненов Е.В. Обстановка места происшествия – источник получения данных о неизвестном преступнике / Е.В. Чиненов, А.В. Чурсин // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2012. – № 1. – С. 12–16.

17. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 10.01.2021).

Информация об авторе

Милюс Александр Иозосович – адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России, e-mail: revers1985@mail.ru.

Author

Milyus Alexandr Iozosovich – Associate Professor of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: revers1985@mail.ru.

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА (НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ)

В статье анализируется вопрос влияния глобальных трансформационных цифровых изменений на незыблемость и нравственное содержание принципов уголовного процесса. Приводится и анализируется перечень наиболее важных и противоречивых с нравственных позиций принципов цифровизации. Рассмотрена нравственная сторона вопроса о соотношении принципов повсеместного внедрения цифровых технологий и принципов уголовного судопроизводства. Автор приходит к заключению, что одни и те же принципы цифровизации могут оказывать как благотворное влияние на реализацию принципов уголовного судопроизводства, так и способствовать разрушению существующих базовых начал в уголовном процессе и, как следствие, привести к подрыву их нравственной составляющей. Делается вывод о прикосновенности принципов цифровизации к базовым началам уголовного судопроизводства как с возможными позитивными последствиями, так и с угрожающими негативными.

Ключевые слова: цифровизация уголовного процесса; принципы уголовного процесса; нравственные начала уголовного судопроизводства.

E.Yu. Mironova

CORRELATION OF DIGITALIZATION PRINCIPLES AND CRIMINAL PROCEEDINGS PRINCIPLES: MORAL ASPECT

The article analyzes the impact of global transformational digital changes on the stability and moral value of the principles of criminal procedure. A list of the most important and morally contradictory principles of digitalization is presented and analyzed. The moral side of the issue of the relationship between the principles of the widespread introduction of digital technologies and the principles of criminal procedure. The author comes to the conclusion that the same principles of digitalization can have a positive impact on the implementation of the principles of criminal procedure, as well as lead to the destruction of the existing basic principles in criminal proceedings and their moral component. The author comes to the conclusion about the possible positive and negative impact of digitalization on the basic principles of the criminal process.

Keywords: digitalization of criminal procedure; principles of criminal proceedings; moral principles of criminal proceedings.

Любой переломный период вызывает изменение привычных моделей взаимодействия, деятельности и поведения людей. Человечество, втянутое в начале XXI в. в воронку глобальной технологической трансформации, во многом

продemonстрировало свою неготовность к резкому и скорому переходу в новую информационную среду. Неготовность с точки зрения технической – проблема, требующая временных и материальных затрат, но вполне устранимая, поэтапно решаемая, и, должно быть, ожидаемая для инициаторов цифровой революции. Неготовность же социальная, имеющая отчетливый психологический подтекст, в некотором смысле пронизанная духом консерватизма и потребностью в сохранении гуманистического начала цивилизации – препятствие на пути к цифровому будущему совершенно иного порядка.

Первопричина внутреннего сопротивления индивида высокотехнологичным переменам, вероятно, кроется в инстинкте самосохранения, которым природа осмотрительно наделила человека. Цифровизация в данном контексте представляется малоуправляемым гигантом, созданным человеком, и способным вытеснить своего же творца.

Именно поэтому нравственный аспект глобального оцифровывания предстает как наиболее важный, животрепещущий, требующий особого подхода и внимания.

Вместе с тем цифровизация как процесс длительно планируемый и тщательно разрабатываемый, имеющий максимально возможный в планетарных условиях радиус охвата, имеет природу техническую, далекую от духовного мира индивида. Неслучайно «технический» рассматривается как антипод (антоним) «гуманитарного», т.е. обращенного к личности человека, его правам и интересам [5; 7].

При этом множество сфер, которых должна коснуться цифровая перестройка, имеют теснейшую связь с человеком, его духовной сущностью, ценностными установками, эмоциональными проявлениями (подп. «б» п. 2 Указа Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», разд. II, III Распоряжения Правительства № 2129-р от 19 августа 2020 г. Об утверждении «Концепции регулирования искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года»). Одной из таких сфер является уголовный процесс.

Из анализа принципов уголовного судопроизводства четко видится их нравственная ценность и практически родство с основными правами и свободами человека.

Учитывая этико-аксиологический фундамент принципов уголовного процесса, вероятную прикосновенность к ним повальной, во многом черствой цифровизации, представляется важным обратиться к вопросу соотношения принципов цифровизации и принципов уголовного судопроизводства, дабы внести ясность в вопрос сохранения незыблемости и защищенности нравственных основ уголовного судопроизводства в условиях подверженности цифровым трансформациям всякого устоявшегося канона.

Принципы цифровизации можно вычленивать, анализируя современную литературу на тему информационных технологий [6; 9; 10], а также нормативные акты, регламентирующие последовательность внедрения в обиход цифровых новшеств [1–4].

Основные принципы цифровизации можно представить следующим образом:

- принцип единства цифрового пространства;
- принцип всеобъемлющего восприятия цифровых технологий;
- принцип системного и глубинного воздействия цифровизации;
- принцип цифровой мобильности [6, с. 16–20; 9, с. 193; 10, с. 9–12];
- принцип обеспечения законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях в процессе цифровизации [3];
- принцип этичности и безопасности процессов внедрения и адаптации цифровых технологий и др. [1; 2; 4].

Каждый из перечисленных принципов можно подвергнуть глубинному этическому анализу. Однако в рамках настоящего исследования нас интересует соотношение приведенных принципов с принципами уголовного судопроизводства с позиции нравственной.

Вместе с тем, следует сделать оговорку о том, что один и тот же принцип цифровизации может одновременно иметь положительное и отрицательное влияние на сферу уголовного судопроизводства, и, в частности, на его базовые положения.

Итак, для принципа единства цифрового пространства характерна универсальность. Локальные технологические преобразования возможны, но смысл планируемой цифровой трансформации утрачивается, если нет единой физической и виртуальной территории, на которой действуют единые правила, созданы общие ресурсы для сбора, хранения, обработки информации. Эффективное взаимодействие людей, организаций, государств, их слаженная совместная деятельность возможны лишь при наличии целостного цифрового пространства.

В случае реализации данного принципа в ходе цифровых преобразований гипотетически можно вести речь о безоговорочном и строгом соблюдении процессуальных сроков, поскольку единство цифрового пространства предполагает и налаживание единой технически контролируемой базы уголовных дел со своеобразным включенным таймером. Вряд ли цифровая система войдет в положение должностного лица, допустившего волокиту по уголовному делу. Хоть и велика вероятность того, что опция продления срока производства по делу будет заложена в соответствующую программу, однако, сам факт существования незримого, обезличенного и неумолимого контролера, от которого невозможно скрыть факт процессуального нарушения, в том числе нарушение процессуальных сроков, с одной стороны, дисциплинирует участников уголовного процесса, наделенных властными полномочиями, с другой – блокирует произвол и беззаконие. В данном контексте указанный принцип цифровизации способствует соблюдению разумных сроков уголовного судопроизводства и принципа законности при производстве по уголовному делу, а также ограждает права и свободы человека и гражданина в уголовном судопроизводстве от нарушения.

Принцип всеобъемлющего восприятия цифровых технологий как бы предупреждает, что цифровизация не просто неизбежное мероприятие глобального охвата, но и процесс, который должен затронуть абсолютно все, даже самые

потаянные и приватные сферы жизнедеятельности человека. В этом смысле указанный принцип связан с принципом обеспечения законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях в процессе цифровизации. Речь идет об установлении баланса между цифровой всеохватностью и неприкосновенностью частной жизни и личного пространства индивида, конфиденциальными сведениями организаций, секретными данными государств. Даже при достижении идеального сбалансированного состояния грань между двумя полярными принципиальными точками весьма тонка. При этом провозглашение принципа обеспечения законности и разумной достаточности при собирании, аккумулировании, распространении информации о людях и организациях явление положительное, однако, само по себе провозглашение этого принципа отнюдь не гарантирует соблюдение законности в процессе оцифровывания разного рода данных и уж тем более не дает гарантий следования цифровому принципу разумной достаточности при работе с частными данными как минимум по причине того, что разумность здесь требует внесения ясности и абсолютной определенности.

В разрезе судопроизводственных принципов, учитывая изложенное, под серьезной угрозой оказывается принцип неприкосновенности личности, как и попорченная давно тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Принцип системного и глубинного воздействия цифровизации несколько настораживает, поскольку пределы глубины проникновения цифровой флоры во все существующие системы и подсистемы жизни общества не определены, и будут известны только непосредственно в ходе цифровой трансформации. Предполагаемое глубинное воздействие вызывает беспокойство, ведь одной из планируемых финальных стадий цифровизации является внедрение нейротехнологий, способных не только вытеснить человека из определенных сфер, но и сделать его полностью управляемым, отобрать у него способность индивидуального мышления: мысли человека в рамках так называемых нейросетей могут моментально становиться достоянием внешнего управленца или искусственного интеллекта [10, с. 195–196]. При таких обстоятельствах речь идет о внутрисистемном противоречии принципов цифровизации. Ведь при внедрении нейротехнологий принцип этичности и безопасности процессов внедрения и адаптации цифровых технологий утрачивает всякую ценность.

Применительно же к принципам уголовного судопроизводства и их нравственному содержанию при успешной реализации принципа глубинных цифровых преобразований могут утратить свой первоначальный смысл такие принципы как законность при производстве по уголовному делу, осуществление правосудия только судом, независимость судей, принцип уважения чести и достоинства личности и принцип неприкосновенности личности, принцип состязательности сторон и свобода оценки доказательств.

При этом в данном случае речь идет не о преломлении каждого принципа в отдельности, а о подрыве всей системы принципов уголовного судопроизводства по причине внедрения искусственного интеллекта в судопроизводственную сферу и вторжения нейротехнологий в область человеческого сознания,

что, конечно, немислимо и недопустимо не только по этическим соображениям, но и с точки зрения сохранения человеческой цивилизации.

Принцип цифровой мобильности предполагает высокую скорость внедрения и принятия цифровых новшеств, а также быструю социальную и техническую адаптацию к новому порядку, чтобы быть в состоянии удовлетворить новые требования к цифровому взаимодействию [8, с. 92]. Его реализация может сказаться на устойчивости системы принципов уголовного судопроизводства и их содержании.

Проведенный анализ иллюстрирует подверженность принципов уголовного судопроизводства, а вместе с тем и их нравственных основ изменениям и даже подрыву в результате осуществления глобальных и глубинных цифровых преобразований. Хотя действительная реализация отдельных принципов цифровизации и сулит некоторое улучшение качества уголовно-процессуальной деятельности (строгое соблюдение процессуальных сроков, соблюдение участниками уголовного процесса, наделенными государственно-властными полномочиями, принципов законности, уважения чести и достоинства личности и др.), тем не менее, зашедшая далеко цифровизация может обернуться разрушением для базовых начал уголовного процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (дата обращения: 08.09.2021).

2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/1> (дата обращения: 08.09.2021).

3. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (дата обращения: 08.09.2021).

4. Об утверждении «Концепции регулирования искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» : распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628> (дата обращения: 08.09.2021).

5. Словарь антонимов // My Antonyms. URL: <https://myantonyms.ru/letter/tehniceskii-146151> (дата обращения: 06.09.2021).

6. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е. Г. Потаповой. – М. : РАНХиГС, 2021. – 184 с.

7. Толковый словарь Ожегова. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=5912> (дата обращения: 08.09.2021).

8. Фактор А. М., Камолов С.Г., Никандрова А.А. Человеческие ценности в цифровую эпоху // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. – 2018. – № 2 (21). – С. 86–103.

9. Чесалов А. Ю. Цифровая трансформация. – М. : Издательские решения, 2021. – 356 с.

10. Шваб К. Четвертая промышленная революция: перевод с англ. – М. : Эксмо, 2019. – 209 с.

Информация об авторе

Миронова Екатерина Юрьевна – аспирант, Байкальский государственный университет, e-mail: zpu2013@yandex.ru.

Author

Mironova Ekaterina Yurievna – postgraduate, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, e-mail: zpu2013@yandex.ru.

ЧАСТНАЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье сформулировано предложение о содержании криминалистики как юридической науки и учебной дисциплины с правовым характером решения задач в составе шифра научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки. Предложен анализ диссертационных исследований, учебных пособий и научных статей в аспекте подтверждения правомерности существования и использования выражения «Рассмотрение сообщения о преступлении как криминалистический этап деятельности определенных субъектов проверки». Представлен анализ научных работ и диссертационных исследований в целях поддержки актуальности и своевременности использования знаний в разработке «социально-психологического портрета преступника» не только в области криминалистики, но и социологии, биологии, психологии и психиатрии, что показано в данной работе на примере социально-психологического портрета матери-детоубийцы.

Ключевые слова: общая теория криминалистики; частная криминалистическая методика расследования; криминалистические средства, приемы и рекомендации; рассмотрение сообщения о преступлении; криминалистический этап проверки сообщения и его стадии; информационно-поисковая деятельность; социально-психологический портрет; типичная мать-детоубийца.

А.И. Natura

FORENSIC CASE STUDY APPROACH OF CRIME DETECTION IN MODERN TIMES: ARGUMENTATIVE ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

In the paper the offer about the matter of forensic science as a legal science and an academic subject with legal nature of problems solution within the code of the scientific profession 5.1.4. Criminal legal sciences is defined. The analyzing of thesis researches, study guides and papers in terms of confirmation of legitimacy for existence and use the phrase “Consideration of a crime incident report as a forensic stage of activity of determinate subjects of inspection” is offered. The analyzing of the academic papers and thesis researches is represented for the purpose of supporting significance and timeliness of application of knowledge in development of “criminal social-psychological profile” not only in forensic science, but also in sociology, biology, psychology and mental science, that is demonstrated in this paper with an example of the mother-infanticide social-psychological profile.

Keywords: general theory of forensic science; forensic case study approach of detection; forensic implements, methods and recommendations; consideration of a

crime incident report; forensic stage of inspection of a report and its steps; information retrieval activity; social-psychological profile; typical mother-infanticide.

Современный этап реализации уголовной политики Российской Федерации в рамках 25-летия УК РФ и 20-летия УПК РФ характеризуется наличием значительных и достойных внимания специалистов проблем как в нормотворчестве, так и в практической правоохранительной деятельности. Возможно, именно этим обстоятельством обусловлено появление приказа Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118 о новой номенклатуре научных специальностей.

Криминалистика как наука о закономерностях и специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений, на наш взгляд, является юридической по своей природе и обладает правовым характером решения задач [3, с. 7; 9]. Придерживаясь данной позиции, мы полагаем, что решение ВАК о включении криминалистики в качестве равноправной отрасли знания в шифр научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки является достаточно обоснованным.

1. В связи с указанным обстоятельством нам представляется возможным сформулировать систему базовых положений криминалистической науки для данной научной специальности. В целом это может выглядеть следующим образом.

«Общая теория криминалистики: современное состояние и тенденции развития; предмет, природа, содержание, система, задачи и методы науки. Криминалистика в структуре: правоприменительной деятельности; процессуального доказывания; стандартного высшего образования. Криминалистические технологии в деятельности органов дознания, предварительного следствия, суда и оперативно-розыскных подразделений.

Частные криминалистические теории и учения: понятие, содержание, система и тенденции их развития. Криминалистические учения о механизме следообразования, фиксации доказательственной информации, криминалистической регистрации, розыске, криминалистической версии и планировании; теория криминалистической идентификации и криминалистической диагностики. Создание актуальных криминалистических теорий и учений как результат тенденций развития практики уголовного судопроизводства.

Криминалистические средства, приемы и рекомендации: общие принципы организации деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств. Актуальные проблемы криминалистической техники, криминалистической тактики, криминалистической методики. Тенденции и содержание решения данных проблем на современном этапе».

Исходя из вышеизложенного, а также опираясь на отдельные предложения, сформулированные в нашей публикации «Диссертационное исследование по криминалистической методике: отдельные проблемы сего дня» [6, с. 102–110], и многолетнюю практику научного руководства аспирантами и адъюнктами, представляется уместным рассмотреть отдельные вопросы теории и практики расследования преступлений в аспекте реализации решений, принимаемых Минобрнауки РФ по подготовке научно-педагогических кадров.

2. Рассмотрение сообщения о преступлении как криминалистический этап проверки законности поводов и наличия достаточных оснований, указывающих на признаки преступления, в связи с решением вопроса о возбуждении уголовного дела.

Сформулированный тезис (мнение) привлекает внимание значительного числа криминалистов, когда речь идет об организационно-тактических особенностях расследования преступлений на первоначальном этапе. Криминалистический характера рассмотрения сообщения о преступлении, в поддержку мнений Р.С. Белкина, С.Н. Чурилова, Е.Н. Арестовой, О.П. Копыловой и других авторов, наряду с бесспорным уголовно-процессуальным значением таких «проверочных действий» (Л.А. Савина и другие авторы), показан в диссертационном исследовании В.А. Джемелинского [1, с. 100–101].

В диссертационном исследовании А.Ф. Ланового «предварительная проверка материалов» является системообразующим элементом названия второй главы диссертации: «Предварительная проверка материалов и организационно-тактические особенности первоначального этапа расследования мошенничества на объектах железнодорожного транспорта» [4, с. 82–83]. При этом отмечается, что тактическая направленность проверочных действий очевидна и оптимальная организация их производства, как показывают результаты исследования, проведенного указанным автором, возможна лишь при согласовании субъектом проверки своих действий с условиями и обстановкой, в которых они реализуются.

В учебном пособии Л.Г. Дубинина и А.И. Натуры (2011 г.) уже однозначно говорится о «рассмотрении сообщения о преступлении», определяются его цели, содержание и объем, а также указываются средства и пределы его осуществления в связи с расследованием заведомо ложных показаний свидетеля и потерпевшего на первоначальном этапе [2, с. 57–58; 60; 62 и др.]. При этом аргументируется несостоятельность таких названий деятельности подлежащих субъектов, осуществляемой в рамках ст. 144 УПК РФ, как «проверочные действия», «предварительная проверка», «доследственная проверка» и другие, которые, по сути, ни в процессуальном, ни в криминалистическом аспектах ничего не определяют и никакого юридического и практического значения не имеют.

В данной работе нами уясняется, на наш взгляд, наиболее актуальное название деятельности субъектов, указанных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, и определяется ее содержание, а именно: «рассмотрение сообщения о преступлении», включающее три взаимосвязанных стадии деятельности: 1) прием и предварительный анализ сообщения о готовящемся или совершенном преступлении, его регистрация; 2) практическая проверка наличия признаков преступления в данном сообщении; 3) принятие процессуального решения по результатам такой проверки.

Более того, считаем возможным сформулировать определение деятельности соответствующих субъектов в рамках стадии возбуждения уголовного дела, основным содержанием которой являются: надлежащее принятие сообщения и его анализ; определение, в том числе в ходе практических действий, наличия в нем оснований для возбуждения уголовного дела; формулирование обоснованного решения в рамках ст. 145 УПК РФ по результатам такой проверки.

Изменения и дополнения, внесенные Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ в УПК РФ, что для нас было ожидаемым, укрепили и расширили наше представление о содержании и роли рассмотрения сообщения о преступлении в рамках именно самостоятельного криминалистического этапа деятельности дознавателя, органа дознания, следователя и руководителя следственного органа [8, с. 45–48 и др.].

В связи с данным обстоятельством, при исследовании сообщений о хулиганстве можно говорить об информационно-поисковой деятельности надлежащих лиц в рамках самостоятельного криминалистического этапа и обозначить признаки, которыми он характеризуется следующим образом: имеет конкретные задачи и цель; осуществляется в условиях значительного ограничения времени и объема информации; проводится только лицами, указанными в законе; реализуется в рамках обозначенного и сравнительно ограниченного количества следственных и иных действий; его результаты непосредственно влияют на принятие процессуального решения в аспекте ст. 145 УПК РФ.

В автореферате диссертации А.А. Маховской (2021 г.) в главе «Организационные и тактические особенности расследования незаконного лишения свободы на первоначальном этапе. Рассмотрение сообщения о преступлении, рассматриваются организация и тактика практической проверки сообщения; формулируются определение рассмотрения сообщения о преступлении как криминалистического этапа в рамках стадии возбуждения уголовного дела и определение криминалистической ситуации, складывающейся на данном этапе; предлагается шесть таких типичных ситуаций и даются алгоритмы действий субъекта проверки по каждой из них [5, с. 22–24].

Таким образом, содержанием рассмотрения сообщения о преступлении как криминалистического этапа проверки законных поводов и наличия достаточных оснований, указывающих на признаки преступления, является реализация надлежащим субъектом определенной совокупности элементов уголовно-процессуальной, административно-правовой и оперативно-розыскной деятельности, характеризующейся особыми условиями рассмотрения сообщения о преступлении и направленной на прием данного сообщения, проверку допустимыми методами и средствами наличия в нем законных поводов и достаточной совокупности признаков объекта и объективной стороны преступления в целях принятия обоснованного процессуального решения по ее результатам.

3. Социально-психологический портрет лица, совершившего преступление, и его роль в выявлении закономерностей преступного поведения субъекта в целях осуществления его эффективного поиска, задержания и идентификации как обязательный элемент криминалистической характеристики частной методики расследования преступлений.

В криминалистической науке и практике раскрытия и расследования преступлений, как известно, сведениями о личности субъекта преступления как элемента криминалистической характеристики являются все те данные, которые могут помочь в определении эффективных путей для его розыска, изобличения, а также решения иных задач расследования. Такой элемент в диссертационных исследованиях формулируется весьма стереотипно: личность пре-

ступника; типичные особенности личности преступника; личность преступника, мотивы и цели преступного поведения и др.

При этом характер сведений, которыми авторы наделяли субъекта преступления, был различным. Например: а) демографические сведения; сведения, характеризующие общественное лицо обвиняемого; характер и темперамент и др. (М.Г. Коршак, С.С. Степичев); б) взаимосвязанное и органическое сочетание биологических, физиологических, психологических и иных характеристик (В.А. Джемелинский); в) социальное положение; демографическая характеристика; половозрастной статус; образовательный уровень (А.Ф. Лановой) и др.

Краткий анализ представленных примеров свидетельствует об отсутствии какой-либо официальной позиции и (или) общепринятого подхода к решению данной проблемы (отчасти за исключением шифра научной специальности).

В сложившейся ситуации, на наш взгляд, следует прийти к однозначному выводу о том, что изучение личности преступника в криминалистической методике не может быть эффективным и в достаточной мере обеспечивающим объективность расследования без использования возможностей таких научных дисциплин, как «Уголовное право», «Криминология», «Уголовный процесс», «Психология», «Социология» и некоторые другие.

Так, разрабатывая типичный портрет матери, совершающей убийство новорожденного ребенка, мы пришли к пониманию того, что такой элемент криминалистической характеристики, как «социально-психологический портрет матери-убийцы новорожденного ребенка» (ст. 106 УК РФ), должен включать в себя три группы признаков: 1) биологические; 2) социальные; 3) психолого-психиатрические.

После обобщения данных, полученных в ходе проведенного исследования, стало возможным говорить о типичной матери-детоубийце: в возрасте преимущественно от 30 до 40 лет (немногим более 50 %), выросшая в неполной семье (50 %) и в неблагоприятных жизненных условиях (80 %); не замужем (50 %) или в разводе (33 %); имеющая двух и более детей (около 40 %), которые находятся с матерью (36 %); ранее не судимая (87 %), злоупотребляющая алкоголем (34 %) или наркотическими веществами (16 %); не состоящая на учете в специализированных учреждениях (74,4 %) и имеющая послеродовые расстройства психики (около 50 %) [7, с. 135–138].

В заключение хочется выразить надежду, что меры, активно предпринимаемые Минобрнауки РФ по подготовке научно-педагогических кадров, где криминалистика, наряду с группой других наук, признается равноправным элементом шифра новой научной специальности, позволят снять с повестки дня многие дискуссионные вопросы и направят усилия ученых на решение актуальных задач, в том числе в области криминалистической методике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джемелинский В.А. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования надругательств над телами умерших и местами их захоронения : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2005. – 217 с.

2. Дубинин Л.Г., Натура А.И. Расследование заведомо ложных показаний свидетеля и потерпевшего на первоначальном этапе : учеб. пособие. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 168 с.

3. Криминалистика. Углубленный курс : учеб. / под общ. ред. А.Г. Филиппова. – М. : ДГСК МВД России, 2012. – 592 с.

4. Лановой А.Ф. Первоначальный этап расследования мошенничества, совершаемого на объектах железнодорожного транспорта : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 234 с.

5. Маховская А.А. Первоначальный этап расследования незаконного лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2021. – 31 с.

6. Натура А.И. Диссертационное исследование по криминалистической методике: отдельные проблемы сего дня // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (26 апр. 2013 г.) : в 2 т. – Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2013. – Т. 1. – С. 102–110.

7. Натура А.И., Злобина Л.А. Социально-психологический статус матери – убийцы новорожденного ребенка как элемент криминалистической характеристики преступления // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 12. – С. 134–138.

8. Рябов Е.В., Натура А.И. Методика расследования хулиганства : науч.-практ. пособие / под общ. ред. А.И. Натуры. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 192 с.

Информация об авторе

Натура Александр Иванович – профессор кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, профессор, e-mail: alecsnatura@mail.ru.

Author

Natura Aleksandr Ivanovich – Professor of the Department of Forensic Science of, Candidate of Juridical Sciences, Professor, e-mail: alecsnatura@mail.ru.

О КРИТЕРИЯХ СУЩЕСТВЕННОСТИ НАРУШЕНИЙ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШИХ

В статье отмечается пристальное внимание со стороны руководства страны, правозащитных организаций, практических работников и ученых к вопросам защиты прав и законных интересов потерпевших. Констатируется, что такие нарушения распространены и не имеют тенденции к снижению, их профилактика многими актуализируется, но фактически не дает результатов. Обозначаются типичные причины рассматриваемых нарушений. Автор предлагает их классифицировать на существенные и несущественные. Отмечается, что предложенная классификация может быть расширена и далее путем дифференциации нарушений в зависимости от процессуального статуса и позиции участников уголовного судопроизводства. Внимание акцентируется на том, что должностные не придают статуса существенности тем своим действиям (бездействию), которые, во-первых, формально не нарушают требований закона, во-вторых, процессуально либо нигде не отражено, либо, наоборот, в материалах уголовного дел нет признаков нарушений. Указывается, что соответствующая оценка характера нарушений дается потерпевшими, как правило, с учетом его частных интересов и уровня юридической грамотности.

Ключевые слова: потерпевший; следователь; права и законные интересы; существенные нарушения; несущественные нарушения.

Е.И. Popova

ON THE CRITERIA FOR THE MATERIALITY OF VIOLATIONS OF RIGHTS AND LEGITIMATE THE INTERESTS OF THE VICTIMS

The article notes the close attention of the country's leadership, human rights organizations, practitioners and scientists to the issues of protecting the rights and legitimate interests of victims. It is stated that such violations are common and do not have a tendency to decrease, their prevention is updated by many, but in fact does not give results. The typical causes of the violations under consideration are indicated. The author suggests classifying them into essential and non-essential. It is noted that the proposed classification can be expanded further by differentiating violations depending on the procedural status and position of participants in criminal proceedings. Attention is focused on the fact that officials do not attach the status of materiality to those of their actions (inaction), which, firstly, does not formally violate the requirements of the law, and secondly, is not reflected anywhere in the procedural, or, conversely, there are no signs of violations in the materials of criminal cases. It is indicated that the appropriate assessment of the nature of violations is given by the victims, as a rule, taking into account their private interests and the level of legal literacy.

Keywords: victim; investigator; rights and legitimate interests; significant violations; insignificant violations.

В настоящее время проблемы защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений привлекает внимание:

– руководителей высшего звена. К примеру, глава государства, комментируя предложения усилить со стороны государства меры защиты интересов потерпевших заявил, что «Это очень важная проблема!». В тех случаях, когда человек сталкивается с преступными проявлениями и при этом «не чувствует защиты, он полагает, что государство его бросило или этого государства не существует» [6];

– правозащитных организаций – Фонд поддержки пострадавших от преступлений, Московское бюро по правам человека, Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, МОБПО «Комитет за гражданские права» и др.;

– уполномоченных по правам человека и уполномоченных по правам ребенка;

– ученых, представителей наук антикриминального цикла, психологии, социологии и т.д.

Вместе с тем, следует констатировать, что нарушения прав и законных интересов потерпевших от преступлений весьма распространены и не имеют тенденции к снижению. Вероятно, прав В.И. Комиссаров, отмечая, что проблема участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве и периодичность обращения внимания на ее отдельные аспекты со стороны государства и юристов не позволяют вести комплексную, целенаправленную борьбу с нарушением прав жертв преступления [3, с. 13].

В числе причин таких нарушений традиционно называются:

– отсутствие у потерпевших юридических знаний и навыков их реализации (правовая неграмотность);

– пассивная позиция потерпевшего в уголовном судопроизводстве / ненадлежащий уровень их взаимодействия с должностными лицами;

– не достаточно активная (эффективная) работа сотрудников правоохранительных органов по защите прав и законных интересов потерпевших;

– несовершенство норм действующего законодательства;

– невысокая квалификация сотрудников правоохранительных органов и представителей потерпевшего;

– намеренные нарушения со стороны сотрудников правоохранительных органов;

– отсутствие системы научно-обоснованных криминалистических рекомендаций, и др.

На наш взгляд, последствия анализируемых нарушений могут быть классифицированы на существенные и несущественные. К первым, полагаем, следует отнести те, что послужили препятствием реальному восстановлению прав и законных интересов потерпевших (психологическое давление на потерпевшего с целью дать определенные показания, введение их в заблуждение относительно последствия применения тех или иных норм права, воспрепятствование

реализации их прав и др.). Несущественные – те, что не повлекли названных последствий.

Предложенную классификацию можно расширить и далее, дифференцируя нарушения в зависимости от процессуального статуса и позиции участников уголовного судопроизводства.

Так, можно выделить нарушения, воспринимаемые как существенные или не существенные а) должностными лицами правоохранительных органов и судом; б) непрофессиональными участниками уголовного судопроизводства (прежде всего потерпевшими и обвиняемыми).

Что касается оценки нарушений, допускаемых должностными лицами с позиций существенности, то в этой связи верно отмечается следующее. Такowymi следует считать те, что допущены в результате не формальных, а существенных, существенных нарушений закона, сопровождавшихся отходом от принципов уголовного судопроизводства и причинивших реальный вред правам и свободам граждан [1, с. 121; 2, с. 107–111]. Как правило, именно с такой точки зрения устанавливают характер допущенных нарушений контролирующие и надзирающие должностные лица.

В то же время целесообразно обратить внимание на то, как воспринимаются те или иные нарушения должностными лицами, которые их допускают. Как показало проведенное нами исследование, практически 100 % следователей не существенным нарушением считают то, что права, предусмотренные ст. 42 УПК РФ ими не разъясняются (как требуют того положения ст. 11 УПК РФ), а просто зачитываются либо предлагаются для самостоятельного прочтения потерпевшим [4, с. 116–126]. Следователи не считают существенным нарушением: а) то, что ими не используется весь имеющийся в их распоряжении тактический арсенал для целей стимулирования обвиняемого к возмещению вреда причиненного преступлением; б) прямой или косвенный обман / введение в заблуждение обвиняемого относительно совокупности имеющихся доказательств, последствий применения тех или иных норм законодательства.

Таким образом, должностные лица не придают статуса существенности тому, что, во-первых, формально не нарушает требований закона, во-вторых, процессуально либо нигде не отражено, либо, наоборот, в материалах уголовного дела нет признаков нарушений (к примеру, поверхностность разъяснения прав обвиняемому, о которой он может сообщить в жалобе (на имя руководителя следственного органа) будет фактически опровергаться личной подписью лица, повергающегося уголовному преследованию в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого).

Заметим, что должностные лица, осуществляющие контрольно-надзорные функции на каждой из стадий уголовного судопроизводства (начальник подразделения дознания, надзирающий прокурор, государственный обвинитель, судья) также, как правило, не акцентируют внимание на ошибках априори существенных, но не «лежащих на поверхности» (тех, выявление которых требует тщательного изучения материалов уголовного дела и использования знаний криминалистики).

Аналогичным образом можно говорить о том, как воспринимаются те или иные нарушения, допущенные сотрудниками правоохранительных органов и судом с позиций потерпевшего. Соответствующая оценка характера нарушений дается им, как правило, с учетом его частных интересов [5, с. 160–163]. К примеру, несвоевременное разъяснение прав потерпевшему безразлично или даже негативно относящемуся к уголовному судопроизводству, как правило, как нарушение вообще не воспринимается этим участником уголовного судопроизводства. Более того, сам факт уголовного преследования обвиняемого может трактоваться потерпевшим, как существенное нарушение его прав и законных интересов. К примеру, по уголовным делам о дорожно-транспортных преступлениях, когда муж – водитель в результате происшествия причинил тяжкий вред здоровью пассажиру – жене.

Потерпевшими (да и обвиняемыми, гражданскими истцами, свидетелями тоже) также те или иные нарушения могут не восприниматься как существенные, в том числе и по причине отсутствия знаний по квалификации преступлений.

В рамках настоящей публикации нами обозначены лишь отдельные проблемы, связанные с определением существенности / несущественности нарушений, допускаемых в рамках уголовного судопроизводства. Представляется, что такой вопрос требует дополнительного исследования, поскольку имеет существенное значение для обеспечения принципа законности, полноты и качества расследования и судебного разбирательства, обеспечения реальной защиты прав и законных интересов непрофессиональных участников уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гармаев Ю.П. О «спасении» уголовного дела в суде: рекомендации для стороны обвинения // Уголовное право. – 2006. – № 1.
2. Гармаев Ю.П., Кириллова А.А. Методика судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст. 105 УК РФ): теоретические основы и прикладные рекомендации. – М. : Юрлитинформ, 2014.
3. Комиссаров В.И. Потерпевший – центральная фигура уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2010.
4. Попова Е.И. Поддержание государственного обвинения в особом порядке судебного разбирательства: монография. – М. : Юрлитинформ, 2020.
5. Попова Е.И., Баранова Н.С. Соблюдение законных интересов непрофессиональных участников уголовного судопроизводства: постановка проблемы и возможные пути решения // Закон и право. – 2021. – № 3.
6. Путин согласен с необходимостью совершенствования норм по защите интересов потерпевших // Официальный сайт ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/7315057>.

Информация об авторе

Попова Елена Ильинична – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Восточно-Сибирский филиал Российского государственного

го университета правосудия, г. Иркутск, Россия; научный сотрудник Центра правового обеспечения взаимодействия РФ со странами АТР, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», e-mail: popovaelena03@yandex.ru.

Author

Popova Elena Ilinichna – Candidate of Law, Associate Professor, Senior Researcher, East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, Russia; Research Associate of the Center for Legal Support of Interaction of the Russian Federation with the Countries of the Asia-Pacific Region, D. Banzarov Buryat State University, e-mail: popovaelena03@yandex.ru.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УНИФИЦИРОВАННЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЧЕМОДАНОВ

В статье раскрывается проблема технического обеспечения экспертно-криминалистической деятельности через принцип комплектования наборов технико-криминалистических средств. Изучено техническое оснащение разных моделей унифицированных криминалистических чемоданов, выявлены различия средств и приборов, входящих в укладку. Предлагается вариант усовершенствования криминалистических чемоданов посредством оснащения их современными приборами, средствами, а также методическими материалами недостающими специалисту при осмотре места происшествия.

Ключевые слова: унифицированные криминалистические чемоданы; технико-криминалистические средства; криминалистическая техника; техническое оснащение экспертной деятельности.

E.V. Prokofieva, E.D. Korelova

CURRENT STATE AND POSSIBILITIES FOR IMPROVEMENT OF THE UNIFIED CRIMINALISTIC SUITCASES

The article reveals the problem of technical support for expert and forensic activities through the principle of completing sets of technical and forensic tools. The technical equipment of different models of unified criminalistic suitcases has been studied, the differences in the means and devices included in the packing have been revealed. A variant of improving forensic suitcases by equipping them with modern devices, means, as well as methodological materials missing for a specialist when examining the scene is proposed.

Keywords: unified forensic suitcases; technical and forensic means; forensic technology; technical equipment for expert activities.

Наборы универсального характера по типу криминалистического чемодана, портфеля или оперативной сумки были первыми наборами, которые стали поступать на вооружение органов внутренних дел для применения специалистами в полевых и лабораторных условиях [1, с. 22]. Содержание такого набора представляло собой четыре отдела: фотоотдел, отдел составления плана, отдел работы со следами и отдел подсобных технических средств [2, с. 6]. В процессе нарастания технического уровня пополнялся арсенал технико-криминалистических средств, входящих в криминалистические чемоданы. В дополнение к четырем отделам появился фотокомплект и специальный набор химических реактивов. Однако для эффективного применения этих средств на месте происшествия требовались дополнительные устройства и приспособле-

ния, не входящие в комплект чемодана, которые не удавалось изыскать на месте. На данном этапе данная проблема была решена оснащения чемодана новыми приборами для обнаружения, изъятия и фиксации следов на месте происшествия.

Унифицированный криминалистический чемодан представляет собой укомплектованный технико-криминалистическими средствами набор, предназначенный для осмотра места происшествия и иных процессуальных действий, для выявления, изъятия и упаковки следов и других вещественных доказательств, а также для проведения предварительного исследования на месте происшествия.

В настоящее время наиболее распространенными моделями криминалистических чемоданов являются унифицированные криминалистические чемоданы: «Криминалист», «Чемодан криминалистический для работы на месте происшествия», «Унифицированный чемодан эксперта-криминалиста».

Унифицированный криминалистический чемодан для осмотра места происшествия «Криминалист» (производитель «Криминалистическая техника») имеет в своей комплектации порядка восьмидесяти наименований изделий и средств, условно разделенные на группы: осветительные приборы, такие как: аккумуляторный фонарь, ультрафиолетовый портативный осветитель; измерительные средства: линейка офицерская, карманная рулетка, масштабная линейка, штангенциркуль; фотоаппаратура; средства изъятия и упаковки следов – например, темная и светлая дактилоскопические пленки, лента-скотч, магнитная кисть, почтовые конверты, дактилоскопические порошки; также наборы для изъятия объемных следов и различные канцелярские принадлежности: шариковая ручка, простой карандаш, блокнот, ластик, маркеры, мел. Отличительными приборами в данном унифицированном чемодане являются слесарные инструменты, такие как: молоток, зубило, стамеска, складной нож, отвертка со сменными насадками, ножовка, универсальные пассатижи и даже стеклорез. Достаточно часто специалисту-криминалисту на месте происшествия необходимы перечисленные выше инструменты для изъятия объектов и следов вместе с объектом-следоносителем.

Следующая модель чемоданов, стоящая на оснащении экспертно-криминалистических подразделений, это «Чемодан криминалистический для работы на месте происшествия» (производства «Безар-Импер»). Чемодан также предназначен для фиксации обстановки места происшествия; выявления, изъятия и упаковки следов и других вещественных доказательств и содержит в своей укладке около шестидесяти приборов и средств. Так как криминалистические чемоданы являются стандартизированными, то во многом, конечно же, они схожи и имеют единообразный состав технико-криминалистических средств. К таким средствам относятся: осветительные, увеличительные, измерительные приборы, средства изъятия и упаковки следов, необходимые канцелярские принадлежности. Поэтому большее внимания следует уделить различиям представленных моделей. «Чемодан криминалистический для работы на месте происшествия» отличается такими технико-криминалистическими средствами как, портативный металлоискатель, портативный микроскоп, комплект йодного дактило-

скопирования и цианоакрилат для выявления следов рук, что позволяет провести предварительное исследование объектов, даже в полевых условиях.

«Унифицированный чемодан эксперта-криминалиста» (производитель «Крим-маркет»). Представляет собой ударопрочный водонепроницаемый кейс, укомплектованный технико-криминалистическими средствами и расходными материалами для обнаружения и изъятия следов рук, позволяющими проводить дальнейшие ДНК-исследования. В комплект входят расходные материалы, помогающие обнаружить и изъять следы рук, которые вызывают сложности у специалиста-криминалиста на осмотре мест происшествий: резино-гелевые лифтеры, позволяющие изымать следы пальцев рук с текстурированной поверхности, без потери идентификационных признаков; реагент для выявления следов на влажной поверхности автомобилей и других объектов с гладкой непористой поверхностью, находящихся вне помещения; реагент, позволяющий выявить замытые следы крови.

И все же, несмотря на разнообразие технико-криминалистических приборов и средств, представленных в унифицированных криминалистических чемоданах, в настоящее время, их перечень все же недостаточно расширен, с точки зрения узкоспециализированных осмотров, что представляет собой актуальную проблему технического характера. В связи с этим предлагается один из вариантов решения данной проблемы – дополнить унифицированные чемоданы современными технико-криминалистическим оснащением, которое бы в значительной степени упростило работу специалиста-криминалиста на месте происшествия.

Так, согласно опросу сотрудников экспертной службы по данной проблеме, был составлен перечень необходимых приборов для осмотра места происшествия: лазерный дальномер, прибор для измерения расстояния с применением лазерного луча, который позволяет измерять расстояния на месте происшествия. Также в криминалистический чемодан необходимо добавить однокомпонентные слепочные массы для удобства их использования, дополнительные средства для обнаружения следов рук (йодные трубки или цианакриловые распылители), ультрафиолетовые фонари (длинами волн 254 нм и 365 нм). Недостаточно средств изъятия и упаковки (бумажных и крафт-пакетов, фольгированной бумаги), особенно предназначенных для биологических следов. Также была отмечена необходимость модернизации внешнего вида криминалистического чемодана, требуется добавить на корпус чемодана светоотражающие элементы, и было рационально, оснастить чемодан колесами.

Как возможность совершенствования криминалистического чемодана не только технически, но и на методическом уровне, было предложено дополнить чемодан методическими материалами с общими рекомендациями по реализации действий специалиста-криминалиста на осмотрах мест происшествий по различным видам преступлений. Представляется, что в методических рекомендациях можно составить примерный комплекс следов и их предположительное месторасположение по различным категориям осмотров.

От расширения оснащения унифицированных криминалистических чемоданов напрямую зависит увеличение эффективности и качества экспертной деятельности в частности и раскрытия и расследования преступления в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демин К.Е. Криминалистическая техника : учебник. – М. : Юридический институт МИИТ, 2017. – 426 с.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики. – 3-е изд. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – 837 с.

Информация об авторах

Прокофьева Елена Васильевна – доцент кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, e-mail: olenyobok83@mail.ru.

Корелова Елена Денисовна – слушатель кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, e-mail: korelova_1999@mail.ru.

Authors

Prokofieva Elena Vasilievna – Associate Professor of the Department of Criminalistic Technique of the Educational and Scientific Complex of Forensic Expertise of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: olenyobok83@mail.ru.

Korelova Elena Denisovna – student of the Department of Criminalistic Technique of the Educational and Scientific Complex of the Expert and Forensic Complex, e-mail: korelova_1999@mail.ru.

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ И ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье обращается внимание на то, что в большинстве случаев цифровые следы преступления, оставленные в результате поспешных или ошибочных действий, являются единственной возможностью восстановить механизм совершения преступления в сфере компьютерной информации. Предлагаются практические рекомендации, позволяющие не допустить уничтожения или сокрытия следов преступления. Отмечается необходимость совершенствования организации взаимодействия правоохранительных органов с Интернет-провайдерами, операторами сотовой связи и Интернет-сервисов.

Ключевые слова: доказывание; участие специалиста; экспертиза; сеть Интернет; компьютерные преступления; преступления в сфере компьютерной информации; цифровые следы.

V.A. Rodivilina, I.P. Rodivilin

FEATURES OF DETECTING AND PROVING CRIMINAL ACTIVITIES IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION

The article draws attention to the fact that in most cases, digital traces of a crime left as a result of hasty or erroneous actions are the only way to restore the mechanism of committing a crime in the field of computer information. Practical recommendations are offered to prevent the destruction or concealment of the traces of a crime. The need to improve the organization of interaction of law enforcement agencies with Internet providers, mobile operators and Internet services is noted.

Keywords: proof; participation of a specialist; expertise; Internet; computer crimes; crimes in the field of computer information; digital footprints.

С начала XX в. важность компьютерной информации во всем мире возрастает. Электронная почта, коммуникационные платформы, онлайн-банкинг и другие интернет-технологии давно пронизывают повседневную жизнь и становятся неотъемлемой частью современного общества. Однако с ростом возможностей использования компьютерной информации также появляются признаки увеличения опасностей для экономики, государства и частных лиц. Кибератакам способствует растущее распространение компьютерных систем, смартфонов и других устройств с подключением к сети Интернет, а также анонимность в Интернете. Злоумышленники осознали потенциал Интернета для своих собственных целей и почти параллельно с новейшими технологиями безопасности разрабатывают способы использования этой технологии в своих ненадлежащих целях.

В ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» дается дефиниция информации – сведения (сообщения, данные) незави-

симо от формы их представления. Согласно примечанию к ст. 272 УК РФ под компьютерной информацией следует понимать ведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

Важно учесть, что понятие «компьютерные преступления» шире понятия «преступлений в сфере компьютерной информации» и охватывает все преступления, способом совершения которых является неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных программ, нарушение правил эксплуатации, их системы или сети и его нельзя использовать в уголовно-правовом значении, однако его употребление целесообразно в криминологическом и криминалистическом аспектах, т.е. когда речь идет о личности преступника или способе совершения преступления [1, с. 24–25].

Предметом преступления в компьютерной информации следует признавать любую информацию, которая охраняется законом. Благодаря этому будет достигаться унификация и единообразие терминов и определений на законодательном уровне. Охраняемая законом информация ограниченного доступа как предмет преступного посягательства – это сведения, защищенные владельцем информации от неправомерного доступа, на которые распространяется режим ограниченного доступа, установленный Конституцией РФ и Федеральными законами.

Под неправомерным доступом к компьютерной информации предлагается понимать возможность воздействия на информацию лицом, не имеющим легального права на ознакомление с ней, либо имеющим такое право, но использующим его в нарушение правил доступа к информации в личных интересах или из корыстной заинтересованности.

В результате поспешных или ошибочных действий остаются следы преступления, которые в большинстве случаев являются единственной возможностью восстановить механизм совершения преступления. Следы такого типа не описаны в общей теории трасологии, в связи с чем у ученых-криминалистов по сей день нет единства определения их понятия и сущности.

В науке криминалистике существует проблема в констатации терминологии следов в сфере компьютерных технологий, так ученый криминалист В.Б. Вехов обосновывает тем, что виртуальные следы с лат. «virtuals», что в переводе значит «не имеющий физического воплощения или воспринимаемый иначе, чем реализован в действительности» [2, с. 84]. Виртуальные следы во многих чертах схожи с идеальными, в аспекте того, что они неощутимы материально, они неосязаемы в принципе: «следы неправомерного доступа» [3, с. 101], «информационные», «бинарные» [4, с. 18], «цифровые» [5, с. 31], «виртуальные», «электронно-цифровые» [6, с. 20].

Количество мессенджеров для анонимного общения продолжает расти, как и приложений (скрытых/анонимных сетей), с использованием нестандартных протоколов и портов.

Результаты мониторинга сети Интернет свидетельствуют о том, что в сфере компьютерных преступлений на территории Российской Федерации чаще

всего задействованы Интернет-магазины, зарегистрированные на зарубежных сайтах, площадках «Hydra», «Narnia», «Cartel».

В целях конспирации преступной деятельности для невозможности определения местонахождения и идентификации в сети Интернет преступными группами и сообществами используются программное обеспечение «Tor», «VPN», «VPS», «VDS» и другие средства анонимизации, что усложняет установление и документирование противоправной деятельности в сфере компьютерной информации.

Складывающаяся в стране ситуация по киберпреступности предъявляет требования к постоянному совершенствованию правоохранительной деятельности по выявлению и раскрытию рассматриваемой категории преступлений.

На сегодняшний день крайне остро стоит проблема проведения компьютерных экспертиз, а также нехватка экспертов соответствующего профиля в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России. При этом к большим срокам расследования, росту процессуальных издержек приводят длительность и высокая стоимость экспертиз в негосударственных организациях.

Существенно ограничивает возможности расследования недостаточное программно-техническое обеспечение производства компьютерных экспертиз. Так, при проведении экспертиз, объектами которых являются заблокированные мобильные телефоны и планшеты, имеющие графические или неизвестные цифровые пароли, доступ к внутренней памяти устройств можно получить только в отдельных случаях (в зависимости от модели, операционной системы, серии чипсетов). Помимо этого, эксперты сталкиваются с проблемой шифрования самой внутренней памяти мобильных устройств [7, с. 75]. В этой части следует согласиться с О.П. Грибуновым, что «средства сотовой связи – телефоны и смартфоны, являющиеся сегодня все более полифункциональными, это источники криминалистически значимой информации, которую следует активно использовать в целях выявления, раскрытия, расследования и, конечно же, предупреждения преступлений» [8, с. 138].

Ограниченные возможности по производству компьютерно-технических экспертиз и длительное время их проведения приводят к тому, что органы предварительного следствия не назначают соответствующие экспертизы [9], в связи с чем часть преступлений в сфере компьютерной информации может оставаться без должного реагирования. Это диктует необходимость дальнейшего развития экспертно-криминалистического обеспечения данного направления борьбы с преступностью.

Несмотря на осуществляемые мероприятия по совершенствованию информационного обмена в сфере противодействия компьютерным преступлениям, одной из основных проблем остается недостаточный уровень организации взаимодействия правоохранительных органов с Интернет-провайдерами, операторами сотовой связи и Интернет-сервисов.

Зачастую запросы при получении сведений из компаний-провайдеров сети Интернет, компаний сотовой связи исполняются в течение месяца, что не позволяет своевременно получить необходимую информацию.

В этой связи требует совершенствования административная практика в части привлечения к ответственности соответствующих должностных лиц за непредставление в установленный срок информации по запросам органов внутренних дел, а также за незаконную реализацию идентификационных модулей (SIM-карт).

С учетом изложенного и в целях совершенствования деятельности по предупреждению, пресечению, раскрытию преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации, целесообразно проработать на межведомственном уровне нормативное регулирование алгоритма действий оператора связи (включая приостановление услуг связи) и установления его ответственности за неисполнение обязанности по выявлению фактов использования абонентом подменного номера.

Имеются сложности, связанные с отсутствием возможности у специализированных подразделений осуществлять контроль и устанавливать местонахождение конечного оборудования, получать информацию об IP-адресах, зарегистрированных за пределами Российской Федерации, а также с применением Интернет-провайдерами NAT-технологии.

В связи с этим Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и операторами сотовой связи при участии ФСБ России и МВД России организовано проведение эксперимента по блокировке пропуска трафика с подменой или отсутствием входящего номера.

Для деанонимизации правонарушителей возможно использование информации, содержащейся в Cookie-файлах, важной особенностью которых является их неизменность. Преступник может менять свой IP-адрес через VPN, проходить регистрацию с разных абонентских номеров, но администраторы сайта могут установить, что все это время к нему подключается один и тот же пользователь, т.е. используется браузер одного и того же персонального компьютера.

В этой связи целесообразно при формировании запроса администраторам сайта о предоставлении информации о лице, разместившем противоправный контент, в обязательном порядке в нем истребовать информацию об анализе Cookie-файлов данного лица с целью установления всех действий, которые производились с браузера его персонального компьютера, а также получения информации о всех IP-адресах, использованных для посещения сайта.

Таким образом, в связи с прогрессирующими цифровыми изменениями, новые разработки в области цифровой безопасности необходимы с более короткими интервалами. При фиксации доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет, следовательно необходимо учитывать уголовно-процессуальные нормы, общие криминалистические рекомендации, технические особенности работы компьютерных систем и сетевого Интернет-пространства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вехов В.Б. Компьютерные преступления: Способы совершения. Методики расследования. – М., 1996. – 182 с.

2. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки. – Волгоград, 2008. – 208 с.

3. Егорышев А.С. Характеристика механизма неправомерного доступа к компьютерной информации. // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2002. – № 4 (16). – С. 100–103.

4. Милашев В.А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 29 с.

5. Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. – 2019. – № 5. – С. 31–44.

6. Сукманов А.О. Сущность, понятие и виды электронно-цифровых следов, используемых в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Калининградского Юридического Института МВД России. – С. 20–24.

7. Малик В.И. Некоторые вопросы противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств через сеть Интернет // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 2 (18). – С. 72–81.

8. Грибунов О.П. Средства сотовой связи как источник криминалистически значимой информации // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 4 (83). С. 137–142.

9. Грибунов О.П., Трубкина О.В. Назначение судебных экспертиз : учеб. пособие. – Иркутск, 2014. С. 152.

Информация об авторах

Родивилина Виктория Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики ВСИ МВД России, e-mail: 377b@bk.ru.

Родивилин Иван Петрович – старший оперуполномоченный по особо важным делам ГУ МВД России по Иркутской области, e-mail: 377a@bk.ru.

Authors

Victoria Aleksandrovna Rodivilina – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics of the VSI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: 377b@bk.ru.

Ivan Petrovich Rodivilin – senior operative for particularly important cases of the GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Irkutsk region, e-mail: 377a@bk.ru.

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ И ТЕХНОЛОГИИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ¹

В статье на основе учения об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении тактики следственных и судебных действий рассмотрены особенности тактики и технологии осмотра места происшествия. Тактико-технологическое обеспечение производства данного следственного действия разработано с учетом особенностей цифровых следов, которые отличаются невозможностью восприятия непосредственно органами чувств, а лишь с использованием специального компьютерных средств и программ, характеризуются высокой скоростью изменения, легко утрачиваются, могут быть представлены неограниченным числом копий. Описаны тактико-технологические приемы осмотра, позволяющие наиболее результативно получать криминалистически значимую информацию розыскного и доказательственного характера. Подчеркивается важность мероприятий по подготовке к осмотру места происшествия, включающих подбор специалиста, оценка его компетенции, определение его компетенции, приготовление необходимого оборудования и программного обеспечения для обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов.

Ключевые слова: компьютерные преступления; компьютерные средства и системы; информационно-коммуникационные технологии; цифровой след; цифровые доказательства; хеш-сумма; информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности; тактико-технологическое обеспечение осмотра места происшествия.

E.R. Rossinskaya

FEATURES OF TACTICS AND TECHNOLOGY THE INSPECTION OF THE SCENE IN THE COMPUTER CRIMES' INVESTIGATION

In the article, based on the information and computer criminalistic support doctrine the tactics of investigative and judicial actions, the features of technology for examining the scene of the incident are considered. The tactical and technological support to produce this investigative action was developed considering the peculiarities of digital footprints, which are distinguished by the impossibility of perception directly by the senses, but only with the use of special computer tools and programs, are characterized by a high rate of change, are easily lost, can be represented unlimited copies. Described are tactical and technological methods of inspection, which allow the most effective obtaining of criminally significant information of a search and

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16003.

evidentiary nature. The importance of measures to prepare for the inspection of the scene of the incident, including the selection of a specialist, determination of his competence, preparation the necessary equipment and software for the detection, fixation and removal of digital footprints, is emphasized.

Keywords: computer crimes; computer tools and systems; information and communication technologies; digital footprint; digital evidence; hash sum; information and computer support for criminalistic activities; tactical and technological support for the inspection of the scene.

Для теоретического и прикладного обеспечения раскрытия и расследования компьютерных преступлений нами разрабатывается частная теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, предметом которой являются закономерности возникновения, движения, собирания и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовных дел, объектами, – с одной стороны сами компьютерные средства и системы как носители розыскной и доказательственной криминалистически значимой информации, а с другой – система действий и отношений в механизмах преступлений с использованием компьютерных средств и систем, а также криминалистических компьютерных технологий собирания, исследования и использования криминалистически значимой доказательственной и ориентирующей информации. В систему этой теории входит целый ряд учений [7, с. 193–202], одним из которых является учение об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении тактики следственных и судебных действий. Его предметом являются закономерности собирания, исследования и использования компьютерной информации при производстве следственных и судебных действий, в первую очередь, по уголовным делам, а также судебных действий по гражданским и административным делам. Объектом учения является сама тактика и технология следственных и судебных действий с учетом следственных и судебных ситуаций, обуславливающих выбор тактического воздействия и принятия тактического решения в условиях тактического риска [6, с. 207–211].

Осмотр и предварительное исследование компьютерных средств и систем, на месте происшествия; информации, хранящейся на удаленных вычислительных ресурсах, в том числе построенных по принципу облачных технологий; цифровых данных, передающихся по компьютерным сетям, значительно расширяют возможности процесса доказывания по уголовным делам [2], поскольку позволяют собирать криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи и представляющую собой цифровые следы [8, с. 745–759].

Осмотр места происшествия при расследовании компьютерных преступлений – это наиболее распространенное и значимое следственное действие. Сложность его, помимо прочего, обусловлена неотложностью, что оставляет мало времени для подготовки. Но все-таки ряд подготовительных мероприятий провести необходимо, иначе, прибыв на место происшествия для его осмотра, следователь

зачастую сталкивается с проблемной ситуацией, поскольку не обнаруживает видимых материальных признаков совершенного деяния: жилые или офисные помещения, порядок в которых не нарушен, с находящимися в них средствами вычислительной техники (компьютеры, мобильные устройства, серверы, маршрутизаторы), в ряде случаев связанными в локальную сеть и размещенными в разных частях здания. Установление связи между преступлением и осматриваемым местом происшествия при таких обстоятельствах возможно только с использованием специальных знаний и технико-криминалистических средств.

В общем виде действия при подобном осмотре производятся в следующей последовательности:

- внешний осмотр компьютерной техники;
- проверка наличия активных сетевых подключений;
- осмотр компьютерной информации (установленных и используемых приложений, файловой системы, запущенных процессов);
- снятие копии (дампа) содержимого оперативной памяти;
- выключение компьютера и создание копии жесткого диска;
- отсоединение кабелей и внешних устройств (в случае изъятия взаимосвязанных объектов необходимо промаркировать имеющиеся кабельные соединения);
- составление протокола и упаковка изъятых.

Тактические особенности осмотра места происшествия, сопряженного с работой с цифровыми устройствами и данными, зависят от конкретных обстоятельств дела. При наличии на месте происшествия одного компьютера следователь может в полной мере контролировать полноту, активность, методичность и последовательность осмотра, а роль специалиста носит технический характер и заключается в выполнении определенного набора действий, вариант которых обычно зависит от того, включен или выключен компьютер на момент проведения осмотра.

В случае с неработающей системой сначала производится внешний осмотр компьютерной техники, отсоединение кабелей и внешних устройств, их упаковка (в случае изъятия взаимосвязанных объектов необходимо предварительно отметить, к какому порту что подключено) либо, при наличии оснований, может быть изъят не компьютер целиком, а создана побитовая копия его жесткого диска, которая изымается и приобщается к уголовному делу. Если же система активна, то дополнительно, перед ее выключением и созданием копии диска, проводится проверка наличия активных сетевых подключений, осмотр компьютерной информации (установленных и используемых приложений, файловой системы, запущенных процессов) и снятие копии содержимого оперативной памяти.

Совершенно иначе осуществляется осмотр компьютерной системы, представляющей собой локальную сеть, которая включает рабочие станции сотрудников, серверы, в том числе почтовые серверы, прокси-серверы, серверы контроллеров доменов, маршрутизаторы, коммутаторы, кабельную систему. Элементы локальной сети и целые ее сегменты могут быть разнесены не только по разным помещениям в здании, но и по различным географическим регионам, если для построения сети используется технология VPN (от англ. Virtual Private

Network – виртуальная частная сеть). Границы места осмотра при этом виртуально раздвигаются. Аналогичная ситуация может возникнуть на месте происшествия в случаях, когда обнаруженные при осмотре компьютерные средства подключены к удаленным хранилищам информации, в том числе к облачным, либо в ходе осмотра помещения провайдера хостинговых услуг, предоставляющего в аренду вычислительные мощности, серверы которого физически размещены в центрах обработки данных (ЦОД) в различных регионах страны. При таких обстоятельствах многократно возрастает роль специалиста, от него требуется уже не выполнение рутинных действий, а творческая вдумчивая работа на протяжении длительного времени, сопровождающаяся значительным психическим напряжением. Достижение результатов осмотра зависит от профессиональной и организационной подготовки специалиста, который вынужден самостоятельно выбирать тактические приемы осмотра места происшествия [9, с. 94–100].

Учитывая огромный размер информации, хранящейся в локальной компьютерной сети, при ее осмотре, например, в связи с проведенной сетевой атакой, тактически наиболее целесообразным видится применение субъективного метода осмотра [5, с. 262–263], который выражается в движении по цифровым следам, оставленным в сети, начиная от выявленной скомпрометированной рабочей станции, далее по цепочке других компьютеров и серверов до устройства, с которого началось проникновение, окончившееся получением несанкционированного доступа к системе и его реализацией.

Для поиска и обнаружения цифровых следов преступления могут быть изучены: процессы выполняемых программ; планировщики задач операционной системы; сервисы операционной системы; сетевой трафик; файлы; журнальные файлы событий операционной системы и программных систем мониторинга и защиты компьютерной информации.

На основании собранных сведений формируется хронологическая последовательность событий в сети, связанных с получением несанкционированного доступа, и схемы развития сетевой атаки, затрагивающей различные элементы локальной сети. При составлении таких схем необходимо обязательно учитывать негативные обстоятельства [4, с. 796–799], например изменения в файловой системе, ветках реестра, сведения из журналов событий, которые в силу своего наличия либо, напротив, отсутствия подтверждают или опровергают рассматриваемые следственные версии.

В случае невозможности изъятия средств вычислительной техники и изготовления посекторных копий их дисков из-за большого размера или непрерывного производственного процесса следует рассмотреть следующие варианты сбора цифровых следов, имеющих значение для расследования уголовного дела:

1. Создание копии логического (а не физического) диска, если размер логического диска несопоставимо меньше неразмеченной области физического диска, например, с помощью специальной криминалистической программы – EnCase Forensic Imager.

2. Целевое копирование файлов, если известно, какие именно сведения представляют интерес и их расположение в файловой системе осматриваемого устройства.

3. Копирование файлов, содержащих в силу своего назначения достаточно сведений для анализа о возможной компрометации устройства либо его использовании в противоправных целях, таких как: копия (дамп) содержимого оперативной памяти; файл гибернации; страничный файл; ветви реестра операционной системы; журнальные файлы; файл \$MFT (Master File Table); файл Prefetch; файл-листинг с хеш-суммами. Если требуется по обстоятельствам дела копируются: файлы, содержащие копии веб-страниц, посещенных с помощью браузеров; файлы, содержащие историю посещения веб-страниц; архив электронной почты; настройки VPN; профили пользователей и т.п.

Если по обстоятельствам дела необходимо производство судебной компьютерно-технической экспертизы всей системы, изъятию подлежат взаимосвязанные объекты, включающие аппаратное, программное и информационное обеспечение и являющиеся составными частями единого информационного технологического процесса.

Обнаруженные в ходе осмотра цифровые следы, которые характеризуются позволяющими их идентифицировать признаками: контрольной суммой (хеш-суммой), рассчитанной по криптографическому алгоритму, размером файла и другими его атрибутами, необходимо сохранить на электронных носителях информации. Сведения о хеш-сумме извлеченных данных и характерных признаках носителя информации, на который они были сохранены, вносятся в протокол. Также в протоколе должны полно и точно быть отражены ход и результаты проведенного осмотра и наименование примененных специалистом технических и программных средств [10, с. 92–94].

Следует еще раз подчеркнуть важность подготовительного этапа в проведении осмотра места происшествия по делам о компьютерных преступлениях. Формальный подход следователя к проверке необходимых компетенций у специалиста может привести к ситуации, при которой в отсутствие у последнего достаточных профессиональных знаний и навыков по работе с цифровыми следами будут упущены важные информационные объекты или не сохранены надлежащим образом цифровые следы преступления, что сделает непригодными такие доказательства для использования либо повлечет их утрату [1, с. 228].

Однако, несмотря на важность цифровых следов для установления способа компьютерного преступления, в ходе осмотра места происшествия нельзя сосредотачиваться исключительно на компьютерных средствах и системах, игнорируя иные предметы и документы, которые могут нести криминалистически значимую информацию. Так, исходный код вредоносной программы может быть обнаружен в распечатанном либо даже рукописном виде, как и записи, подтверждающие неправомерный доступ к компьютерным системам, пароли к заблокированным компьютерным устройствам, реквизиты доступа к облачным сервисам, схемы сетевой инфраструктуры, используемой при совершении преступлений и т.п. [3, с. 912].

Расследуя неправомерный доступ к корпоративной компьютерной системе, как одну из версий следует рассматривать возможную причастность к преступлению сотрудника потерпевшей организации, а значит может потребоваться осмотр и изъятие записей с видеорекамера наблюдения, исследование помеще-

ния, где размещены автоматизированные рабочие места, на предмет выявления признаков несанкционированного проникновения, поиск следов рук, оставленных сотрудниками, которым запрещен проход в осматриваемое помещение. Нельзя исключить из списка следственных версий и инсценировку применения вредоносных программ, когда сотрудники потерпевшей организации специально загружают в компьютерную систему вредоносное программное обеспечение, чтобы ввести следствие в заблуждение относительно истинных обстоятельств произошедшего и затруднить установление способа компьютерного преступления. В другом случае вредоносная программа может быть использована для сокрытия следов иного преступления, например налогового, когда, инсценируя сетевую атаку с использованием вредоносной программы – шифровальщика (иногда также называемой программой-«вымогателем»), преступники шифруют все данные, хранящиеся в компьютерной системе.

Помимо этого, для установления способа преступления и иных обстоятельств необходимо исследовать и изъять документы, регламентирующие в организации процессы в сферах информационной безопасности и информационных технологий: правила разграничения доступа, политики информационной безопасности, инструкции по организации парольной защиты и т.д.

Крайне важно для следователя понимание, что из-за высокой волатильности информации в компьютерных системах обнаружение цифровых следов преступления при повторном либо дополнительном осмотре по прошествии времени в большинстве случаев будет маловероятным. Поскольку нет гарантий, что компьютерные системы, изъятие которых невозможно по каким-либо причинам, будут оставаться выключенными в течение разумных сроков, цифровые данные из них должны быть извлечены в избыточном количестве. Хотя такой подход увеличивает нагрузку на специалистов и экспертов, его использование позволяет предотвратить потенциальную возможность утраты доказательств. В то же время при сборе избыточных цифровых данных следует руководствоваться принципом разумности, исходя из предпосылки, что в них может содержаться криминалистически значимая информация.

По окончании рабочего этапа осмотра места происшествия, оценки полноты и всесторонности его производства следователь составляет протокол, в котором, помимо прочего, подробно описывает действия специалиста, особенно если производилось исследование работающей компьютерной системы, сопровождающееся поиском и извлечением из нее цифровых следов, и примененное специалистом технико-криминалистическое и программное обеспечение. К протоколу прилагаются планы и схемы, например, план размещения средств компьютерной техники в помещениях либо схема локальной сети, а также, при их наличии, результаты применения средств технической фиксации хода следственного действия, которые могут быть представлены в виде фото и видеозаписей, файла-журнала использованных специалистом команд в исследуемой компьютерной системе и результатов их исполнения, сохраненного на электронный носитель информации, и т.п.

К упаковке объектов, изъятых при осмотре места происшествия (средств компьютерной техники, электронных носителей информации и др.), необходи-

мо отнестись с особой тщательностью, поскольку возможное физическое повреждение может привести к утрате хранящихся на них цифровых следов.

Современные компьютерные средства и системы (смартфоны, планшеты, ноутбуки) используют различные технологии беспроводного обмена данными по радиоканалам, предоставляя пользователю альтернативу для подключения к сети Интернет, например с помощью технологии Wi-Fi на основе стандартов IEEE 802.11 либо высокоскоростной передачи данных для мобильных телефонов, основанной на сетевых технологиях GSM/EDGE и UMTS/HSPA. При изъятии мобильных устройств с заблокированным экраном порой бывает затруднительно определить, в каком состоянии они находятся – выключенном или энергосберегающем. В иных случаях выключение устройства может быть признано нецелесообразным, но при этом отсутствует возможность отключить адаптеры беспроводной связи, тогда устройства необходимо помещать в специальную изолирующую упаковку, чтобы исключить несанкционированное беспроводное подключение к ним посторонних лиц по протоколам удаленного управления и администрирования, в результате чего могут быть уничтожены или фальсифицированы цифровые следы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Eoghan Casey. Digital Evidence and Computer Crime: Forensic Science, Computers, and the Internet. Academic Press, 2011. – 840 p.

2. Introduction to Cybercrime. United Nations Office on Drugs and Crime // <https://www.unodc.org/e4j/en/tertiary/cybercrime.html> (дата обращения 21.08.2021).

3. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика : учебник для вузов. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 928 с.

4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. – 3-е изд., доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – 837 с.

5. Россинская Е.Р. Криминалистика : учебник для вузов. – М. : Норма, 2016. – 464 с.

6. Россинская Е.Р. Направления инновационного развития криминалистической тактики и методик расследования в условиях глобальной цифровизации // II Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 10 дек. 2020 г.). В 2-х ч. Ч. 1. – Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2020. – С. 207–211.

7. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России № 2 (99). – С. 193–202.

8. Россинская Е.Р., Семикаленова А.И. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности //

Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т. 11, вып. 3, 2020. – С. 745–759.

9. Рядовский И.А. Компетенции специалиста по работе с цифровыми следами при производстве следственных действий // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. № 9, 2020. – С. 94–100.

10. Чекунов И.Г., Голованов С.Ю. и др. Методические рекомендации по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации : учеб. пособие. 2-е изд. / под ред. И.Г. Чекунова. – М. : Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2019. – 198 с.

Информация об авторе

Россинская Елена Рафаиловна – заведующий кафедрой судебных экспертиз, Научный руководитель Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик Российской академии естественных наук, e-mail: elena.rossinskaya@gmail.com.

Author

Rossinskaya E.R. – Dr.Sci. (Law), Professor; Honored Scientific Associate of Russia; Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; Academician of the Russian Academy of Natural Sciences; Head of the Forensic Expertise Dept. Scientific supervisor of the Forensic Expertise Institute, at Kutafin Moscow State Law University (MSAL); <http://rossinskaya.ru>.

**ОБРАЩЕНИЕ К НАТУРНЫМ СПРАВОЧНО-
ИНФОРМАЦИОННЫМ ФОНДАМ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ
ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАК ФОРМА
РЕАЛИЗАЦИИ ЭКСПЕРТНОЙ ИНИЦИАТИВЫ**

Экспертная инициатива обуславливает возможность выхода эксперта в ходе производства судебной экспертизы за рамки поставленного следователем (судом) задания с целью установление значимых для дела сведений. В уголовном судопроизводстве право на экспертную инициативу закреплено п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК РФ, что гарантирует правомерность данной деятельности. Вместе с тем границы, формы и особенности реализации данного права являются предметом научных дискуссий. В связи с чем автором с целью определения относимости права эксперта в ходе производства судебной экспертизы на обращение к натурным коллекциям, дислоцированным в экспертно-криминалистических подразделениях, к одной из форм реализации экспертной инициативы рассматриваются различные подходы к сущности данного правового явления, как способа проявления процессуальной самостоятельности эксперта.

Ключевые слова: экспертная инициатива; формы реализации экспертной инициативы; натурная коллекция; натуральный фонд; справочно-информационный фонд; эксперт.

I.V. Ryzhkov

**APPEAL TO FULL-SCALE REFERENCE AND INFORMATION FUNDS
IN THE PRODUCTION OF EXPERT RESEARCH AS A FORM
OF IMPLEMENTATION OF AN EXPERT INITIATIVE**

The expert initiative makes it possible for an expert to go beyond the scope of the task set by the investigator (court) in the course of the forensic examination in order to establish information relevant to the case. In criminal proceedings, the right to expert initiative is enshrined in p. 4 of Part 3 of Article 57 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which guarantees the legality of this activity. At the same time, the boundaries, forms and features of the implementation of this right are the subject of scientific discussions. In this connection, the author considers various approaches to the essence of this legal phenomenon as a way of manifesting the procedural independence of an expert in order to determine the applicability of the expert's right to appeal to full-scale collections stationed in forensic units to one of the forms of implementation of the expert initiative.

Keywords: expert initiative; forms of implementation of the expert initiative; full-scale collection; full-scale collection; reference and information collection; expert.

При производстве судебных экспертиз у эксперта нередко возникает потребность в криминалистически значимой информации, содержащейся в натуральных фондах. Согласно анализу экспертной практики, на базе половины действующих на территории страны экспертно-криминалистических подразделений дислоцируются натурные коллекции справочно-информационных фондов (далее – СИФ). При этом около 90 % экспертов-криминалистов так или иначе обращаются к данным фондам в процессе производства экспертных исследований с целью применения объектов из натуральных коллекций в качестве сравнительных образцов, их использования при производстве экспериментальной стрельбы и осуществления иных необходимых действий. Сложившееся обстоятельство свидетельствует о достаточно высоком уровне применения объектов из коллекций СИФ в практической деятельности.

Вместе с тем действующая законодательная и нормативная правовая база, а также одобренные ЭКЦ МВД России методики исследования вещественных доказательств не в полной мере регламентируют порядок действий эксперта при обращении к натурным коллекциям, что в большинстве случаев обуславливает инициативный характер использования объектов из натуральных фондов. В связи с чем рассмотрим право эксперта на использование коллекционных объектов при производстве экспертных исследований с точки зрения реализации экспертной инициативы.

Право эксперта, как лица обладающего специальными знаниями, на проявление самостоятельности не является новшеством. Еще в ст. 333 Российского Устава уголовного судопроизводства 1864 г. отмечалось, что «сведущие лица, производя освидетельствование, не должны упускать из виду и таких признаков, на которые следователь не обратил внимания, но исследования, которых может привести к открытию истины». Уже в то время лицам, обладающим специальными знаниями и производящим в нашем понимании исследование, было дозволено выходить за рамки поставленных следователем вопросов с целью установления обстоятельств, имеющих значение для дела.

С развитием отечественного уголовного законодательства право эксперта на проявление инициативы было сохранено, хоть и достаточно часто подвергалось содержательной трансформации. Вместе с тем границы и особенности реализации данного правового явления до сих пор являются предметом для научных дискуссий.

Наиболее универсальным определением экспертной инициативы, по нашему мнению, является понятие, сформулированное Р.С. Белкиным, в следующем виде: «экспертная инициатива – установление экспертом по собственному усмотрению фактов и обстоятельств, не предусмотренных заданием, но имеющих значение для дела...Чаще всего выражается в установлении экспертом обстоятельств, способствующих совершению преступления, конструктивных дефектов исследуемых объектов ...» [1, с. 42].

Схожей точки зрения к пониманию экспертной инициативы придерживается С.Л. Мельник, которая под рассматриваемым явлением понимает уголовно-процессуальную категорию, обуславливающую возможность эксперта выйти за

рамки поставленных следователем вопросов с целью установления дополнительной информации, имеющей отношение к расследуемому событию [2, с. 6].

Анализируя сущность указанных определений экспертной инициативы, необходимо также отметить подход к регламентированию данного явления, реализуемого в рамках осуществления уголовно-процессуального законодательства. Так, п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК РФ закреплено право эксперта давать заключение, в том числе по вопросам не указанным в постановлении о назначении судебной экспертизы, если они имеют отношение к предмету исследования.

Несколько иной позиции относительно сущности экспертной инициативы придерживается В.В. Яровенко, который полагает, что экспертная инициатива заключается в логической формулировке поставленных перед экспертом вопросов и грамотном применении современных методик исследования вещественных доказательств. При этом указывая, что реализация экспертной инициативы не должна сопровождаться изменением объема, смыслового содержания или постановкой дополнительных вопросов, поскольку данные действия могут нарушить принцип состязательности сторон при осуществлении уголовного судопроизводства [3, с. 91].

Вместе с тем, отметим, что мы разделяем позицию законодателя относительно сущности экспертной инициативы, а также основанные ней подходы к пониманию данного правового явления.

В тоже время, исходя из законодательного подхода к экспертной инициативе ряд ученых, в частности Е.А. Зайцева, рассматривают ее в узком и широком смысле. При этом под проявлением экспертной инициативы в узком смысле понимается как право эксперта давать заключение, так и отвечать на не поставленные, но имеющие отношение к предмету исследования вопросы. В широком смысле под экспертной инициативой понимают совокупность всех прав, которые судебный эксперт реализует при проявлении своей процессуальной самостоятельности [4, с. 244].

Учитывая данную концепцию, а также права и обязанности эксперта, установленные действующей законодательной и нормативной правовой базой, регламентирующей экспертно-криминалистическую деятельность, можно сформировать суждение, что право на обращение к натурной коллекции СИФ при производстве экспертного исследования реализуется посредством проявления экспертом своей процессуальной самостоятельности.

С целью обоснования данного суждения рассмотрим формы реализации экспертной инициативы, как проявления процессуальной самостоятельности судебного эксперта.

К правам, посредством которых осуществляется экспертная инициатива, О.Г. Дьяконова относит: право самостоятельно выбирать методику исследования, переформулировать поставленные вопросы без изменения их смыслового содержания, указывать в заключении имеющие значение для следствия сведения, относительно которых вопросы поставлены не были, а также права на направление ходатайств инициатору исследования [5, с. 68].

На диссертационном уровне подробный анализ форм осуществления экспертной инициативы был произведен С.Л. Мельник. В частности, автором были

рассмотрены права эксперта на ходатайство о предоставлении дополнительных материалов, о привлечении к производству экспертизы иных судебных экспертов, о необходимости проведения следственного действия, а также право эксперта на проведение экспертного эксперимента.

Последняя форма реализации экспертной инициативы представляет особый интерес, поскольку при проведении экспериментов в рамках судебной экспертизы эксперт зачастую обращается к натурным коллекциям СИФ с целью получения необходимых материалов, например, при исследовании огнестрельного оружия. В то же время, при производстве баллистических экспертиз эксперт также вправе ходатайствовать перед инициатором о предоставлении необходимых для производства экспертного эксперимента объектов: патронов, огнестрельного оружия. Что в совокупности формирует ситуацию выбора между обращением к натурному фонду и направлением соответствующего ходатайства инициатору исследования, создавая определенную процессуальную свободу эксперта, что в свою очередь подтверждает суждение об относимости рассматриваемого нами права к одной из форм осуществления экспертной инициативы.

В заключении рассмотрения вопроса относимости обращения к натурной коллекции к одной из форм реализации экспертной инициативы рассмотрим характер реализации данной правовой категории.

Ряд ученых полагают, что реализация экспертной инициативы носит свободный (рекомендательный) характер. Так, И.Н. Горбулинская отмечает, что в случае установления обстоятельств, относительно которых инициатором не были поставлены вопросов, эксперт может их не указывать в своем заключении.

В тоже время большая часть криминалистов, в том числе и мы, склонны полагать, что экспертная инициатива хоть и является правом, ее реализация носит обязательный характер. В подтверждение укажем точку зрения Е.А. Зайцевой, которая подчеркивает, что при выходе за рамки поставленных вопросов в случае установления новых для дела обстоятельств эксперт обязан их отразить в своем заключении [4, с. 252].

Таким образом, исходя из проведенного анализа подходов к сущности экспертной инициативы, мы приходим к выводу, что право на обращение к натурному фонду при производстве экспертного исследования является одной из форм реализации экспертной инициативы. При этом для эксперта осуществление данного права носит обязательный характер, при условии наличия соответствующей натурной коллекции СИФ в экспертно-криминалистическом подразделении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М. : Мегатрон XXI, 2000. – 521 с.
2. Мельник С.Л. Актуальные вопросы экспертной инициативы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. – 24 с.
3. Яровенко В.В. Применение экспертной инициативы в современной экспертной практике // Юридические исследования. – 2017. – № 6. – С. 84–94.

4. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. – 741 с.

5. Дьяконова О.Г. Право эксперта заявлять ходатайства, связанные с назначением и производством судебной экспертизы, как реализация экспертной инициативы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2019. – № 5 (57). – С. 66–78.

Информация об авторе

Рыжков Иван Викторович – преподаватель кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, e-mail: van-astra.net@list.ru.

Author

Ryzhkov Ivan Viktorovich – Lecturer at the Department of Criminalistics Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, e-mail: van-astra.net@list.ru.

СУДЕБНАЯ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ВАЖНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРОИЗВОДСТВА

В данной статье автор рассматривает историю появления учения о почерке, вопросы и задачи, ставящиеся перед экспертом при проведении судебной почерковедческой экспертизы, проблемы, возникающие при ее проведении. Также рассматривается форма использования специальных знаний при проведении расследования преступления, рассматривается возможность использования копий документов при проведении судебной почерковедческой экспертизы. В статье затрагивается важность проведения судебной почерковедческой экспертизы, что нельзя ей пренебрегать и при возможности обязательно проводить для более полного и качественного расследования преступления.

Ключевые слова: графология; почерк; почерковедение; судебная почерковедческая экспертиза; расследование; уголовное судопроизводство; эксперт; специалист; подпись; рукописный текст; идентификация; подлинность; специальные знания.

А.А. Savkin

HANDWRITING REVIEW: THE IMPORTANCE AND PROBLEMS OF ITS PRODUCTION

In this article, the author examines the history of the emergence of the doctrine of handwriting, the questions and tasks posed to the expert during the forensic handwriting examination, the problems that arise during its conduct. The form of using special knowledge in the investigation of a crime is also considered, the possibility of using copies of documents during the forensic handwriting examination is considered. The article touches upon the importance of conducting a forensic handwriting examination, which should not be neglected and, if possible, must be carried out for a more complete and high-quality investigation of the crime.

Keywords: graphology; handwriting; forensic handwriting expertise; investigation; criminal proceedings; expert; specialist; signature; handwritten text; identification; authenticity; special knowledge.

«Пишите ровно и красиво, разборчивым почерком, чтобы мне было понятно. Все услышали? Не собираюсь я Ваши каракули разбирать». Наверное, многие в детстве слышали эту или похожую фразу от своих учителей. И действительно, детей всегда пытаются научить писать понятным и красивым почерком, организуют даже ради этого различные кружки, проводят олимпиады, а в некоторых местах и учат каллиграфии.

Всем детям всегда интересно изучать что-то новое, особенно письменность, однако спустя время, лично у меня всегда было чувство, что это не мой

почерк. Мне было некомфортно писать так, как учил меня учитель, этим «натасканным» красивым и ровным почерком. Поэтому я задавался вопросом, почему я должен соединять буквы так, а никак иначе? Почему сначала нас учат писать печатными буквами, а затем заставляют писать одинаковыми прописными?

Советский писатель-сатирик Илья Ильф, известный как соавтор известного романа «Двенадцать стульев», сказал очень хорошую фразу, которая засела в мою голову навсегда: «Все талантливые люди пишут разное, все бездарные люди пишут одинаково и даже одним почерком» [1]. Именно после этой фразы я начал смотреть на «свой» почерк под другим углом. Мне стало интересно, что вообще стоит за всем этим, почему каждый человек в более зрелом возрасте имеет свой собственный способ написания букв. Именно поэтому в данной статье я бы хотел затронуть тему почерка человека.

Если обратиться к истории, то самый древний и по совместительству самый простой способ письма появился еще в палеолите (около 2,6 млн лет назад). Тогда люди использовали пиктографическое письмо (от латинского *picatus* – нарисованный и от греческого *grapho* – пишу). По идее, люди рисовали «текст», тем самым каждый человек имел разный «почерк» явно отличимый от другого, следовательно, «читать» можно по-разному. Спустя какое-то время люди начали использовать рисунки, которые несли одинаковую смысловую нагрузку. Речь, конечно, идет про иероглифы. Например, воду и по сей день изображают волнистыми линиями, а кисть рисуют, когда речь заходит о руке. Затем появилось звуковое письмо (когда каждому звуку соответствовал знак), а еще позднее появились первые алфавиты.

Данный путь явно демонстрирует, что письменность должна быть одинаковой для простоты понимания, взаимодействия между людьми через года и века. Один алфавит, одни буквы, один почерк – четкая передача информации между поколениями.

Но как бы нас ни учили писать одинаково, мало у кого это получается, не правда ли? Пробовали ли вы когда-нибудь расписаться за своих родителей в дневнике? Конечно, пробовали и не раз. Каждый человек индивидуален, даже со временем его почерк подвергается изменениям. Если у вас остались старые тетради, то посмотрите, как вы писали в школе в разных классах, в институте – каждый год будет разный почерк. Где-то буквы больше, где-то наклон или нажим отличается друг от друга. Все это характеризует человека как личность.

Графология – наука о почерке человека, изучение проявлений в почерке индивидуальных особенностей человеческой личности. Однако данное учение во многих странах признается псевдонаукой, например, Британское психологическое общество рассматривает данную науку наравне с астрологией – как имеющую «нулевую достоверность» [2]. Многие исследования показали несостоятельность данного учения, что приводит к мысли о том, что никакой связи между личностью и почерком нет. Но не стоит отождествлять графологию со многим всем известным почерковедением. Почерковедение, в свою очередь, направлено на установление фактических данных, имеющих доказательственное значение при вынесении решения по делу.

Почерковедение (судебное почерковедение) – раздел криминалистики, изучающий развитие письменно-двигательных навыков человека, разрабатывающий методы исследования почерка в целях решения задач судебной почерковедческой экспертизы.

В первую очередь, следует помнить, что согласно уголовно-процессуальному кодексу РФ (далее – УПК РФ) любая судебная экспертиза производится согласно действующему законодательству (гл. 27 УПК РФ), а также в соответствии с Федеральным законом.

Основными задачами судебно-почерковедческой экспертизы являются:

- установление автора исследуемого документа;
- определение количества лиц, которым(и) выполнены тексты в различных документах;
- оценка подлинности подписи.

Большое значение данной экспертизе уделяется в уголовном судопроизводстве. Данная экспертиза является чуть ли не обязательной при расследовании преступлений в экономической сфере, так как именно эти составы преступления зачастую совершаются с помощью подделки документов. Каждая судебная почерковедческая экспертиза проводится лицом, имеющим специальные знания для производства данной экспертизы. В свою же очередь, при невозможности произвести данную экспертизу самостоятельно в связи с недостаточностью материалов или недостаточностью специальных знаний для производства почерковедческой экспертизы, эксперт или же руководитель экспертного учреждения вправе возратить постановление без исполнения.

В ходе расследования преступления важно выяснить то, на что может дать ответ лишь эксперт после проведения судебной почерковедческой экспертизы. Лицу, поставившему вопросы на разрешение перед экспертом, необходимо получение максимально полного и четкого ответа на них, ведь экспертное заключение в дальнейшем будет являться доказательством по уголовному делу, на основании которого выстраивается позиция обвинения. В этом аспекте заключается одна из проблем современной практики – отсутствие должного количества грамотных экспертов, специализирующихся на судебно-почерковедческой экспертизе. Некоторые лица, расследующие преступления, продляют срок расследования из-за невозможности получить вовремя экспертное заключение в связи с большой нагрузкой на определенного эксперта.

Данная проблема немного нивелируется с помощью разделения рассмотрения уголовных дел судами в различном порядке. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2020 г. распределение дел между особым и общим порядками рассмотрения уголовных дел почти равное. В частности, 53 % уголовных дел было рассмотрено в общем порядке, 47 % – в особом. При этом в особом порядке, который предусматривает признание обвиняемым своей вины, осудили 83 % фигурантов, а в общем – 66 % [3]. Напомним, что в особом порядке не проводится исследование и оценка доказательств, собранных по уголовному делу, вследствие чего лица, расследующие преступления, имеют возможность пренебрегать законностью получения тех или иных доказательств, что может негативно сказаться на стороне обвинения в случае

изменения порядка рассмотрения уголовного дела судом. Полагаем, что судебно-почерковедческую экспертизу необходимо проводить при любой возможности для идентификации подлинности того или иного рукописного текста или подписи при расследовании уголовного дела.

Для производства судебной почерковедческой экспертизы представляются документы на бумажных носителях, содержащие непосредственные почерковые объекты и сравнительные образцы. Документы представляются в оригиналах, так как электрофотографические копии являются ограниченно пригодным объектом для почерковедческого исследования, что обусловлено возможными искажениями при изготовлении данных копий. Невозможность представления на экспертизу подлинника исследуемого документа (образцов) отражается в постановлении лица, проводящим расследование.

Кроме того, суду необходимо помнить, что действующее законодательство не запрещает проводить почерковедческую экспертизу на основании копий документов. Вопрос о достаточности и пригодности предоставленных образцов для исследования экспертом, как и вопрос о методике проведения экспертизы применительно к вопросам, поставленным в постановлении о назначении экспертизы, относится к компетенции лица, проводящего экспертизу [4].

Судебная практика также указывает на то, что судебная почерковедческая экспертиза возможна и без предоставления оригинала документа. Так, в Обзоре ВС РФ № 4, утв. Президиумом ВС РФ от 23.12.2020 г., сказано, что нормы процессуального права не запрещают представлять письменные доказательства в копиях, а также проводить судебную почерковедческую экспертизу по копии документа. Вопросы о достаточности и пригодности материалов, предоставленных для исследования, а также о методике проведения экспертизы, относятся к компетенции лица, проводящего экспертизу.

Получается, что никакого законодательного запрета по проведению судебной почерковедческой экспертизы не имеется, лишь сам эксперт решает, возможно ли проводить экспертизу без предоставления оригинала документа. Суд же, в свою очередь, признает заключение эксперта законным и обоснованным, что в дальнейшем придаст ему статус доказательства по уголовному делу.

Однако заключение эксперта не является единственной разновидностью использования специальных почерковедческих знаний. При личном участии специалиста в следственных действиях возможно выявление многих важных следов, вещественных доказательств, а также фактических обстоятельств, имеющих значение для раскрытия и расследования преступления. Консультационная и справочно-информационная деятельность специалиста-почерковеда может осуществляться как в процессуальной, так и во не процессуальной форме и заключается в предоставлении такой информации об интересующих субъектах.

Существующие в настоящее время методики почерковедческих исследований позволяют определить национальность, регион проживания, регион приобретения письменных навыков, пол, возраст, уровень образования лица, условия выполнения конкретной рукописи, состояние писавшего, внешнюю установку письма, в том числе конкретный сбивающий фактор, обусловивший необычность письма, а также судить о причастности конкретного лица к совер-

шению преступления. По мнению Т.В. Аверьяновой, данный вид деятельности может оказать существенную помощь следователю при использовании доказательств [5, с. 178].

Консультационная и информационно-справочная деятельность специалистов осуществляется как в письменной, так и в устной форме. Письменная информация приобщается к уголовному делу или к материалам предварительной проверки. При этом, если соблюдается процессуальная форма, сведения имеют значение доказательств. Результаты предварительных исследований могут быть использованы: для решения вопроса о возбуждении уголовного дела; построения и проверки следственных версий; разработки оперативно-розыскных мероприятий; решения вопроса о приобщении объекта к делу в качестве вещественного доказательства; построения тактики отдельных следственных действий; назначения экспертизы и оценки заключения эксперта, и т.д. [6].

Участие специалиста в оперативно-розыскных мероприятиях имеет правовой характер, поскольку в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» на органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших [7]. Наиболее распространенными формами участия специалистов в оперативно-розыскных мероприятиях являются консультации, исследования, выдача справок, техническая помощь, профилактическая работа и др.

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве является крайне необходимым. Судебная почерковедческая экспертиза используется довольно часто в раскрытии и расследовании преступлений. Сами же специалисты привлекаются и выполняют разные действия, которые по итогу должны привести к главной цели – изобличению преступника. Поэтому следователям и дознавателям необходимо грамотно подходить к вопросу выбору специалиста и эксперта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений в пяти томах. – Тверь : Терра – Книжный клуб, 2003. – Т. 5. – 656 с.
2. Джоззеф Д., Уилсон Д. Исправление ошибок / Д. Джоззеф, Д. Уилсон. BBC News Magazine. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/magazine/4223445.stm (дата обращения 23.08.2021).
3. Верховный суд подвел итоги работы судов за 2020 год. URL: <https://pravo.ru/story/229410> (дата обращения 23.08.2021).
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 20-КГ 16-21 от 14.03.2017 г. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14032017-n-20-kg16-21> (дата обращения 23.08.2021).
5. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. – Москва : Норма, 2009. – 480 с.
6. Ищенко П.П. Получение розыскной информации в ходе предварительного исследования следов преступления / П.П. Ищенко. – Москва : НТИРАН, 1994. – 539 с.

7. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». URL: <https://goo.su/7LnW> (дата обращения 23.08.2021).

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ. URL: <http://surl.li/afomy> (дата обращения 23.08.2021).

Информация об авторе

Савкин Александр Андреевич – магистрант Байкальского государственного университета, e-mail: savkin.a.38.a@gmail.com.

Author

Savkin Alexander Andreevich – master's student of the Baikal State University, e-mail: savkin.a.38.a@gmail.com.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ: НЕВЕРОЯТНО ОЧЕВИДНОЕ, НО НЕОПРАВДААННО ЗАБЫТОЕ

В статье констатируется, что уголовный процесс и криминалистика являются науками, которые находятся на передовых рубежах борьбы с преступностью, вооружают следователей современными знаниями и технологиями. Одна из основных прикладных задач этих наук заключается в эмпирическом обобщении законченных производством уголовных дел, их теоретическом осмыслении и выработке конкретных научно-обоснованных рекомендаций, направленных на повышение эффективности правоприменения. И в теории, и на практике общепризнано, что любая правоохранительная деятельность должна строиться на основе закона и уважительного отношения к правам и законным интересам граждан. Однако в настоящее время научно-обоснованные рекомендации ученых, зачастую, не воспринимаются следователями, в силу направленности их деятельности не на защиту прав и законных интересов граждан, а на формирование благоприятных статистических показателей по борьбе с преступностью.

Ключевые слова: уголовный процесс; криминалистика; теория; практика; противодействие преступности; криминалистическая деятельность; следователь.

E.V. Smakhtin

THE RELATIONSHIP BETWEEN THEORY AND PRACTICE: INCREDIBLY OBVIOUS, BUT UNJUSTIFIABLY FORGOTTEN

The article states that criminal procedure and criminalistics are sciences that are at the forefront of the fight against crime, arming investigators with advanced knowledge and modern technologies. One of the main applied tasks of these sciences is the empirical generalization of completed criminal cases, their theoretical understanding and the development of specific scientifically based recommendations aimed at improving the effectiveness of law enforcement. Both in theory and in practice, it is generally recognized that any law enforcement activity should be based on the law and respect for the rights and legitimate interests of citizens. However, at present, scientifically-based recommendations of scientists are often not perceived by investigators, due to the focus of their activities not on protecting the rights and legitimate interests of citizens, but on the formation of favorable statistical indicators for combating crime.

Keywords: criminal procedure; criminalistics; theory; practice; crime prevention; forensic activity; investigator.

Уголовный процесс, а затем и криминалистика, возникли и развивались как науки, стоящие на передовых рубежах борьбы с преступностью. Их поступательное развитие, возникновение новых уголовно-процессуальных норм,

технико- и тактико-криминалистических средств, ученые связывают в том числе с необходимостью повышения эффективности борьбы с преступностью [1, с. 54]. Алгоритм получения новых научных знаний довольно очевиден и связан с постоянным эмпирическим обобщением материалов следственной и судебной практики, выявлением закономерных связей в механизме совершения преступления и выработкой научно-обоснованных рекомендаций, направленных на повышение эффективности процессуальных действий в различных ситуациях [2, с. 5]. Именно с разработками процессуалистов и криминалистов связывают раскрытие самых таинственных преступлений конца XX – начала XXI в. Необходимость научного осмысления практики, в целях адекватного противодействия новым вызовам преступности не оспаривается ни учеными, ни практиками [3, с. 18]. Не менее важно, что практическая деятельность, безусловно, должна строиться на основе соблюдения принципов законности и соблюдения этических норм [4, с. 34–39], уважения прав и законных интересов, как потерпевших [5, с. 4–25], так и обвиняемых [6, с. 155–160].

Однако высокие требования, предъявляемые сегодня к сотрудникам следственных и оперативных подразделений, в некоторых случаях приводят к действиям, направленным не на защиту прав и законных интересов граждан, а на формирование благоприятных статистических показателей по борьбе с преступностью.

К большому сожалению, расследование преступлений сегодня «поставлено на поток», следователь утратил процессуальную самостоятельность и превратился в фигуру, оформляющую ход расследования, хотя согласно ст. 38 УПК РФ он самостоятельно направляет ход расследования и принимает решения [7, с. 13–20]. Побывав на ознакомительной практике, в последующем выпускники высших учебных заведений не хотят связывать свою судьбу со следствием, престиж профессии падает катастрофически.

Наглядно разрыв теории и практики можно показать на примере уголовных дел, связанных с коррупцией и экономическими преступлениями. Например, в поле зрения правоохранительных органов попадают должностные лица бюджетных организаций, которые выступают исполнителями различного вида подрядных работ (строительно-монтажных, инженерно-технических и др.). Для выполнения работ привлекаются субподрядные организации, которые выполнением контрактных обязательств не занимаются, денежные средства обналичивают и передают недобросовестным подрядчикам, которые, в свою очередь, выполняют все работы, предусмотренные контрактами. Речь идет о так называемом встречном исполнении обязательств, когда планируемые объемы работ выполнены, но не силами субподрядной организации, а собственными силами.

С точки зрения уголовно-правовых наук, для правильной квалификации действий обвиняемых, определения характера и размера вреда, причиненного преступлением, требуются специальные познания. Однако на практике, зачастую, следствие не устанавливает событие преступления, характер и размер вреда, а действует по следующей схеме. С руководителем субподрядной организации «проводятся оперативно-следственные мероприятия», в случае успеха которых, с ним заключается досудебное соглашение о сотрудничестве. «В обмен на

показания» против должностных лиц бюджетных организаций, пусть даже не соответствующих действительности, этому участнику уголовного судопроизводства «гарантируется» получение минимального срока. На основании показаний лица, с которым заключено досудебное соглашение, должностные лица бюджетной организации арестовываются. Затем «проводятся переговоры» с руководителем бюджетной структуры о подаче искового заявления по уголовному делу, в котором голословно утверждается о наличии ущерба организации.

На самом деле, документально причинение прямого ущерба не подтверждается, а поскольку имело место встречное исполнение обязательств в перспективе возможно наличие упущенной выгоды, что и необходимо установить в ходе производства финансово-экономической экспертизы. Однако этого не происходит, поскольку тогда станет очевидной ущербность позиции следствия.

В последующем, вместо установления обстоятельств совершения преступления обвинение свою позицию, с одной стороны, обосновывает показаниями одного из обвиняемых, которому «следствие доверяет», а с другой, гражданским иском, который действительности не соответствует. Получается двойная ложь, «устраивающая» орган расследования, который абсолютно не заинтересован в установлении истины по делу.

Так, по одному из аналогичных уголовных дел защитой заявлено мотивированное ходатайство о назначении финансово-экономической экспертизы, в удовлетворении которого отказано. В целях «легализации» позиции обвинения была назначена бухгалтерская экспертиза, производство которой специальных познаний не требовало, поскольку сам факт перечисления денежных средств на счета обналачивающих фирм был установлен на этапе проверки сообщения о преступлении и не оспаривался ни одной из сторон.

При ознакомлении с постановлением о назначении бухгалтерской экспертизы, вновь подано ходатайство о постановке дополнительных вопросов, входящих в предмет доказывания. Однако следствием вынесено постановление о полном отказе в удовлетворении ходатайства, что, на наш взгляд, свидетельствует о явном нарушении баланса интересов обвинения и защиты, является не только незаконным, необоснованным, но и нарушающим нормы профессиональной этики. В подтверждение приведем конкретные положения уголовно-процессуального законодательства и этические вопросы, которые проигнорированы следствием.

С позиций теории уголовно-процессуального права участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения не освобождены от выполнения конституционной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина, что подтверждено не только положениями ст. 6, 7, 15 УПК РФ, но и решением Конституционного суда.¹ Несмотря на эти очевидные положения, орган расследования версию защиты не проверил, сосредоточив свое внимание на переписи-

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 10.08.2021 г.).

вании в процессуальных решениях сведений, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела.

В соответствии со ст. 73 УПК РФ характер и размер вреда, причиненного преступлением, относится к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию. Доказывание предполагает производство следственных действий, предусматривающих определение конкретных сумм причиненного имущественного вреда (ущерба). Эти данные не могут быть установлены только показаниями свидетелей, обвиняемых, не являющихся специалистами в экономических и бухгалтерских вопросах. Нужны специальные познания, связанные с установлением конкретных сумм, которые, по мнению следствия, похищены.

Упущенная выгода также подлежит установлению экспертным путем, поскольку имело место встречное исполнение обязательств. Назначать экспертизу или нет, конечно, решает орган расследования, но необходимость доказывания характера и размера вреда, причиненного преступлением, подтверждается не только ст. 73 УПК РФ, но и Постановлением Пленума Верховного Суда, в котором определена необходимость установления размера вреда и обосновывающих принятие такого решения мотивов².

Игнорируя эти требования УПК, следователь в постановлении о назначении экспертизы такой вопрос перед экспертами вообще не сформулировал, ставя вопросы, связанные с перечисленными суммами и целями их расходования. Полагаем, что сам факт перечисления денежных средств в субподрядную организацию состава хищения не образует, по крайней мере, перед экспертами должны быть поставлены вопросы, содержащие словосочетания «сумма доходов», «сумма расходов», а не «сумма перечислений».

Отказывая защите в удовлетворении ходатайства о постановке вопросов на экспертизу, следователь ссылался на ч. 1 ст. 195 УПК РФ, в ущерб праву на постановку дополнительных вопросов, предусмотренному ст. 198 УПК РФ, а также в нарушение ч. 2 ст. 159 УПК РФ об обязательности производства судебной экспертизы для установления вопросов, имеющих значение для дела.

Таким образом, следствие в таких ситуациях назначает экспертизу формально, нарушая ст. 57, 159, 195–198 УПК РФ, что искусственно лишает возможности реализовать назначение уголовного судопроизводства не только сторону защиты, но в перспективе и суд.

Ходатайствуя о назначении экспертизы, защита ссылалась на ч. 2 ст. 15 ГК РФ, в которой речь идет об убытках, которые предполагают реальный ущерб, а также недополученные доходы (упущенная выгода). В пп. 13,14 постановления Пленума Верховного Суда «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»³ подробно разъяснено, что входит в понятие «убыток». В постановлении

---

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 10.08.2021 г.).

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 10.08.2021 г.).

Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» также прямо указывается о необходимости определения стоимости имущества, похищенного в результате хищения⁴.

Согласно ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценки с точки зрения достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. При принятии процессуальных решений в отношении обвиняемых-сотрудников бюджетной организации следствие исходило из показаний другого обвиняемого, который занимался обналичиванием денежных средств и якобы изобличал их в совершении преступления. Вместе с тем, из материалов уголовного дела следовало, что этот обвиняемый давал показания, которые действительности не соответствовали. Несмотря на очевидную ложность показаний этого обвиняемого, следствие все свои процессуальные решения по-прежнему основывает на них, что противоречит не только ст. 88 УПК РФ, но и нормам морали, профессиональной этики.

Согласно ст. 39 УПК РФ, руководитель следственного органа вправе изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю с обязательным указанием оснований такой передачи. Не оспаривая права руководителя следственного органа, отметим, что несмотря на сложный характер расследуемых уголовных дел такой категории, как правило, с момента начала их производства они неоднократно передаются от одного следователя к другому, а само расследование уголовного дела неправомерно затягивается. С обвиняемыми с момента их задержания следствие практически не работает, противоречия в показаниях не устраняет. Такие «следственные хитрости» также искусственно ограничивают возможности защиты по оказанию квалифицированной правовой помощи.

Самоустранившись от установления конкретных обстоятельств виновности обвиняемых в совершении преступления, характера и размера реального имущественного вреда и упущенной выгоды, орган расследования аргументирует свою позицию только показаниями и гражданским иском. Подобные действия направлены на формирование благоприятной статистики, в ущерб правам и законным интересам обвиняемых, доводы которых не проверяются и не оцениваются.

Усилия следствия сводятся к созданию видимости расследования и сохранению некоего «статус-кво», полученного на этапе проверки сообщения о преступлении, а именно: непроверенных данных, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела, которые очевидно следует проверить в ходе расследования.

Многочисленные ходатайства и жалобы на действия и процессуальные решения следствия руководителям следственных подразделений и надзирающим Прокурорам остаются без внимания. Фактически создан «механизм самозащиты» от адвокатов, якобы навязывающих свою позицию следствию и мешающих осуществлению расследования.

---

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 10.08.2021 г.).

Указанные обстоятельства свидетельствуют о наличии глобального системного разрыва между теорией и практикой, который необходимо, как минимум, сокращать. В этих целях, ученым необходимо более внятно и публично отстаивать теоретические концепции и требования уголовно-процессуального законодательства, направленные на защиту прав и законных интересов граждан, которые, безусловно, должны учитываться в практической деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полстовалов О.В. Расширение прикладного направления реализации криминалистических рекомендаций // Правовое государство: теория и практика. – № 1 (59). – 2020. – С. 53–60.

2. Александров И.В. Криминалистика: тактика и методика : учебник для СПО. – М. : Изд-во Юрайт, 2016. – С. 5.

3. Жмуров Д.В., Протасевич А.А., Костромина А.С. Эра милосердия. Пути развития преступности // Baikal Research Journal. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 18–26.

4. Манова Н.С. Принципы и нравственные начала уголовного судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 3. – С. 34–39.

5. Смирнова И.Г., Алексеева Е.В. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в досудебном производстве по УПК РФ и КНР : учеб. пособие. – Иркутск : Изд. дом БГУ, 2020. – С. 4–25.

6. Заводских Ю.С. Проблемы соблюдения прав подозреваемых (обвиняемых) при производстве дознания в сокращенной форме // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2015. – № 1. – С. 155–160.

7. Смахтин Е.В. Взаимосвязь криминалистики и следственной практики: современное состояние и перспективы развития // Криминалистика и следственная практика: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2020. – С. 13–20.

Информация об авторе

Смахтин Евгений Владимирович – профессор кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, e-mail: smaxt@yandex.ru.

Author

Smakhtin Evgeny Vladimirovich – Professor of the Department of Criminalistics of the Ural State Law University, Doctor of Law, Professor, e-mail: smaxt@yandex.ru.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА И ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ПО УПК РФ И КНР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена вопросу участия потерпевшего как одного из ключевых участников уголовного судопроизводства в таких следственных действиях как допрос и предъявление для опознания по УПК РФ и КНР. Выбор этих следственных действий обусловлен, с одной стороны, наличием нормативного регулирования этих следственных действий уголовно-процессуальным законом обоих государств, а, с другой стороны, сложностями верификации результатов этих следственных действий. В статье дается оценка особенностей процессуального регулирования порядка производства допроса и предъявления для опознания по закону РФ и Китая.

Ключевые слова: потерпевший; допрос; предъявление для опознания; сравнительный анализ; УПК КНР.

I.G. Smirnova

SOME ISSUES OF THE PARTICIPATION OF THE VICTIM WHEN PRODUCING INTERROGATION AND PRESENTATION FOR IDENTIFICATION UNDER CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: COMPARATIVE ANALYSIS

The article is devoted to the question of the participation of the victim as one of the key participants in criminal proceedings in such investigative actions as interrogation and presentation for identification according to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the CPC of the PRC. The choice of these investigative actions is conditioned, on the one hand, by the presence of normative regulation of these investigative actions by the criminal procedure law of both states, and, on the other hand, by the difficulties in verifying the results of these investigative actions. The article provides an assessment of the features of the procedural regulation of the procedure for the production of interrogation and presentation for identification according to the law of the Russian Federation and China.

Keywords: victim; interrogation; presentation for identification; comparative analysis; Criminal Procedure Code of the People's Republic of China.

Одной из важнейших форм участия потерпевшего в предварительном расследовании является участие в следственных действиях.

Согласно п. 9 ст. 42 УПК РФ потерпевший имеет право участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо по ходатайству его представителя.

Необходимо отметить, что по смыслу ч. 5 ст. 164 УПК РФ следователь может привлечь потерпевшего к участию в следственных действиях, которые производятся по инициативе первого. Иными словами, потерпевший с согласия следователя может участвовать в производстве любого следственного действия.

В китайской юридической литературе [1] следственные действия (侦查行为zhēnchá xíngwéi) принято подразделять на следующие группы: 1. Гласные следственные действия (刑事侦查行为xíngshì zhēnchá) куда входят: допрос, осмотр, освидетельствование, обыск, наложение ареста на вещественные доказательства, проведение экспертизы (гл. 2 УПК КНР); 2. Техничко-следственные мероприятия (技术侦查jìshù zhēnchá); 3. Тайные следственные действия (秘密侦查bìmì zhēnchá). Две последние группы включают в себя: компьютерное прослушивание, систему электронного мониторинга подконтрольных лиц, секретное фотографирование, видеосъемку и др. Данные следственные действия регламентированы ст. 148 УПК КНР, а также законом КНР «О народной полиции». Известный китайский ученый-процессуалист Сунь Инхуэя подчеркивает, что законодатель в УПК КНР не вполне корректно дал название «Технические следственные мероприятия», поскольку в него включены не только положения о технико-следственных мероприятиях, но и о тайных следственных действиях. Последние, в свою очередь, причисляются к секретным методам расследования с использованием людских ресурсов и не являются техническим расследованием, поэтому было бы корректно дать название разделу «Тайные следственные действия и технико-следственные мероприятия» [2, с. 128].

По нашему мнению, отнесение тайных следственных действий и технико-следственных мероприятий к следственным действиям объясняется отсутствием закона об оперативно-розыскной деятельности в Китае. В России указанные мероприятия не являются уголовно-процессуальной деятельностью, а входят в систему оперативно-розыскных мероприятий.

В отечественной уголовно-процессуальной науке присутствует обширный перечень следственных действий, однако интересно рассмотреть те следственные действия, которые есть и в России, и в Китае, и в которых непосредственное участие может принимать потерпевший.

1. Допрос. 询问xúnwèn.

Как и в России, до начала производства следственных действий, связанных с дачей показаний – допроса, очной ставки и опознания, потерпевшего предупреждают об уголовной ответственности за дачу ложных показаний или отказа от дачи показаний, что заверяется подписью потерпевшего.

Как в РФ, так и в КНР дача показаний потерпевшим является одновременно его правом и обязанностью.

В Китае законодатель установил в качестве обязанности потерпевших – «правдивое предоставление сведений и дачу правдивых показаний» и предупредил об ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо за сокрытие улик (ст. 47 УПК КНР).

Необходимо отметить, что в УПК КНР действует этический принцип «взаимного сокрытия среди родственников». По этому поводу профессор Всекитайского народного университета политики и права Лиу Мей высказывает следующее: «принцип взаимного сокрытия среди родственников» – это этический принцип, его цель – охрана семьи, которая является краеугольным камнем стабильности общества. Воплощаемая в нем ценность гораздо важнее расследования уголовного дела, поэтому большинство государств в уголовно-процессуальном праве закрепили исключение для дачи свидетельств супругами, что выражает эту ценность» [3, с. 8].

Как в России, так и в Китае допрос несовершеннолетнего потерпевшего имеет определенные особенности.

Согласно с ч. 2 ст. 191 УПК РФ потерпевший в возрасте до шестнадцати лет не предупреждается об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Кроме того, допрос несовершеннолетних имеет некоторые особенности. В ч. 1 ст. 191 УПК РФ закреплено, что допрос потерпевшего в возрасте до шестнадцати лет, а по усмотрению следователя и допрос потерпевшего от шестнадцати лет производится с участием педагога. При допросе несовершеннолетнего потерпевшего вправе присутствовать его законный представитель.

В Китае допрос потерпевшего осуществляется по правилам допроса свидетелей. Согласно ст. 98 УПК КНР при допросе свидетель должен быть предупрежден о необходимости правдивого предоставления доказательств и дачи правдивых показаний, а также о юридической ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо за сокрытие улик.

Потерпевший вправе давать показания в любой момент следствия. В них могут содержаться не только обстоятельства по уголовному делу, но и выводы, суждения и объяснения, направленную защиту своих прав, оценка доказательств, соображения по поводу того, кто мог совершить преступление (ч. 2 ст. 42 УПК КНР)

2. Предъявление для опознания. 辨认biàn rèn.

В России указанное следственное действие регламентировано ст. 193 УПК РФ, цель предъявления для опознания состоит в предоставлении возможности свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому узнать (идентифицировать) людей, предметы, иные объекты либо труп.

Реализация данного следственного действия возможна в том случае, если опознающий ранее встречался или знаком с предложенными ему для опознания людьми, либо наблюдал определенный предмет ранее. При этом опознающий должен назвать индивидуальные признаки, по которым он может опознать предъявляемые объекты. С этой целью он допрашивается перед производством предъявления для опознания (ч. 2 ст. 193 УПК РФ).

Производство опознания предметов и живых лиц возможно по фотографии. Кроме того, что судебное-следственная практика допускает предъявление для опознания голоса, звуков, издаваемых животными, а также участков местности, видеозаписи и иных объектов, в предъявлении которых возникает необходимость.

При соблюдении других условий для опознания можно предъявить комплекс объектов, когда одновременно узнаются внешность человека, его функциональные признаки, например, походка, характерные жесты и голос [4, с. 225].

Согласно ч. 8 ст. 193 УПК РФ в целях обеспечения безопасности опознающего предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. В этом случае понятия находятся в месте нахождения опознающего.

Весьма интересную позицию по усовершенствованию производства данного следственного действия высказывает С. Е. Кузнецов, который полагает, что при предъявлении для опознания лица целесообразно применять видеозапись с целью фиксации эмоциональной составляющей следственного действия, выражающейся в реакциях как опознаваемого, так и опознающего [5, с. 51]. Аргументируя свою позицию, автор указывает, что в практической деятельности имеют место случаи, когда эмоциональная реакция опознающего свидетельствует о том, что он узнает человека, однако отрицает это, боясь расправы в дальнейшем, либо, напротив, пытается оговорить непричастное к преступлению лицо. Указанные обстоятельства очень хорошо проявляются на видеозаписи, поэтому наличие видеозаписи следственного действия – наглядное дополнение к протоколу предъявления для опознания. Кроме того, производство видеозаписи в ходе предъявления для опознания необходимо для исключения в дальнейшем противодействия стороны защиты и опознаваемых лиц в виде попыток признать предъявление для опознания недопустимым по критерию совершения процессуальных нарушений.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что китайский законодатель ориентирует органы предварительного следствия на применение видеозаписи во время производства всех следственных действий по уголовным делам. Тогда как отечественный законодатель устанавливает технические средства фиксации хода и результатов следственного действия в случае его производства без участия понятых (ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ)

Предъявление для опознания в КНР не закреплен в УПК КНР. Производство опознания регулируется Положением Верховной народной прокуратуры КНР и Приказом Министерства общественной безопасности КНР № 127.

Согласно указанным ведомственным актам производство предъявления для опознания заключается в следующем:

1. Производится двумя следователями органов общественной безопасности или прокурорами, наделенными следственными полномочиями.
2. Перед опознанием потерпевший должен быть опрошен о характеристиках предъявляемого объекта, а также предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний.
3. Предъявление для опознания производится как по фотографии, так и живых лиц, которых должно быть от пяти до десяти человек.

В качестве особенности опознания в Китае можно выделить возможность подведения тайного опознания, в рамках которого сотрудники органов общественной безопасности создают ситуацию, в ходе которой потерпевший узнает

подозреваемого или какой-либо предмет в общественном месте в условиях тайности проведения следственного действия от окружающих [6].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ли Сяо. Следственное действие: понятие и система // Журнал Хейлундзянского института права и управления. – 2017 // URL: <http://www.criminalprocedurelaw.cn/zh/node> (дата обращения: 10.08.2021).
2. Захарова В.К. Досудебное производство в уголовном процессе Российской Федерации и Китайской Народной Республики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. – Москва, 2017. – 196 с.
3. Козубенко Ю.В. Вопросы уголовного судопроизводства КНР // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2011. – № 3. – С. 8–12.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / В. И. Радченко, В. Т. Томин, М. П. Полякова. – Москва : Юрайт, 2014. – 1124 с.
5. Кузнецов С. Е. Применение видеозаписи при производстве предъявления для опознания // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 1 (39). – С. 51–53.
6. Чжан Вэй. Изучение системы тайного расследования. – URL: <https://ds.xingming.com/vip/ys/?from=tex> (дата обращения 10.08.2021).

Информация об авторе

Смирнова Ирина Георгиевна – заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Author

Smirnova Irina G. – Chair of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision, Institute of Justice, Baikal State University, Doctor of Law, e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются проблемы подготовки и принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которому в 2021 г. исполнилось 20 лет. Дан анализ Концепции судебной реформы 1991 г., наметившей главные принципиальные изменения российского уголовно-процессуального законодательства, обусловленных радикальными изменениями социально-экономического и политического строя страны. Анализируются проекты УПК РФ, подготовленные различными авторскими коллективами, и предложенные в них основные направления реформирования уголовного судопроизводства и судоустройства. Дана характеристика основных новелл УПК РФ, направленных на приведение последнего в соответствие с реалиями современного состояния общества и государства.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; Концепция судебной реформы; судебная реформа; уголовное судопроизводство; проекты УПК РФ.

I.V. Smolkova

THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION – A NEW STAGE IN THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article examines the problems of preparation and adoption of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which turned 20 in 2021. An analysis is given of the Concept of the Judicial Reform of 1991, which outlined the main fundamental changes in the Russian criminal procedure legislation, caused by radical changes in the socio-economic and political system of the country. The article analyzes the drafts of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, prepared by various teams of authors, and the main directions of reforming the criminal justice and judicial system proposed in them. The characteristic of the main novellas of the RF Criminal Procedure Code is given, aimed at bringing the latter into conformity with the realities of the current state of society and the state.

Keywords: Criminal Procedure Code of the Russian Federation; Concept of judicial reform; judicial reform; criminal proceedings; drafts of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Законы в сфере уголовного судопроизводства для государства, общества, отдельных граждан имеют принципиально концептуальное значение. По данному поводу знаменитый французский просветитель, юрист, философ Ш.Л. Монтескье еще в XVIII в. писал: «Сведения о наилучших правилах, кото-

рыми следует руководствоваться при уголовном судопроизводстве важнее для человечества всего прочего в мире... Только на применении к делу этих сведений и может быть основана свобода» [3, с. 318].

Известный дореволюционный русский процессуалист И.Я. Фойницкий, оценивая значение уголовно-процессуального законодательства в жизни государства и общества, отмечал: «Построение уголовного судопроизводства стоит в тесной связи с положением личности в государстве... Положения уголовного процесса оказывают крупное влияние на политическое состояние страны и составляют один из главнейших его признаков» [6, с. 12].

А некоторые современные авторы даже указывают на то, что государственная уголовная политика должна базироваться на четком понимании того, каких изменений в преступности можно ожидать, если предпринять меры по реорганизации тех или иных правоохранительных и судебных институтов, имея в виду, что в ряде случаев радикальные изменения уголовного судопроизводства были предвестниками последующих социальных потрясений (Россия 1917; Украина 2014) [1, с. 10].

Действительно, именно уголовно-процессуальное право, его процессуальные гарантии есть подлинный критерий для суждения о том, насколько государство является правовым, ибо нигде столь отчетливо не проявляется столкновение общественных и индивидуальных интересов, отношения государства к личности, как в этой сфере. Уровень развития уголовного судопроизводства давно стал «визитной карточкой» современного государства.

Вся российская история подтверждает, что существенные изменения в уголовно-процессуальной политике происходят только тогда, когда в стране происходят радикальные социально-экономические и политические изменения. Такие изменения произошли в России в 90-х гг. XX в. и стало очевидным, что нужна коренная судебная реформа, призванная создать демократичную и цивилизованную систему уголовного судопроизводства и судопроизводства. Одним из важнейших направлений судебной реформы была разработка и принятие нового Уголовно-процессуального кодекса, взамен устаревшего УПК РСФСР.

Принятию УПК РФ предшествовала большая подготовительная работа. Разработка нового УПК РФ длилась без малого 10 лет. Своеобразным камертоном для разработки основных направлений нового уголовного судопроизводства стала Концепция судебной реформы [2], в разработке которой участвовали юристы самой высокой квалификации (С.Е. Визин, А.М. Ларин, И.Б. Михайловская, Т.Г. Морщакова, С.А. Пашин, И.Л. Петрухин, Ю.И. Стецовский). Президент РФ Б.Н. Ельцин данную Концепцию предложил для обсуждения высшему законодательному органу страны – Верховному Совету РСФСР, которым она и была принята 24 октября 1991 г.¹ и, соответственно, ей была придана сила закона.

Основные идеи принятой Концепции состояли в следующем: создание независимой и самостоятельной судебной власти, построение судопроизводства на началах состязательности, развитие состязательности на досудебном произ-

---

¹ О концепции судебной реформы в РСФСР Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

водстве, исключение всех рудиментов обвинительной роли суда, обеспечение неприкосновенности личности и частной жизни участников уголовного судопроизводства, контроль суда за соблюдением прав граждан на предварительном расследовании.

В качестве генеральных направлений реформирования уголовно-процессуального закона в Концепции были намечены: гуманизация уголовного судопроизводства; демократизация уголовно-процессуальных мер расследования и рассмотрения уголовных дел; повышение правовой защищенности личности; поиск оптимального баланса соблюдения публичных и частных интересов; недопустимость необоснованного ограничения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства; дифференциация процессуальной формы, направленная на упрощение ряда процедур; утверждение судебной власти, повышение независимости, авторитета и роли суда, возрождение суда присяжных и мировых судов.

Только тогда государство может считаться правовым (ст. 1 Конституции РФ провозгласила, что Россия является правовым государством), когда во всех его сферах действует принцип уважения свободы, достоинства и прав человека, разрешение вопросов охраны, соблюдения и защиты этих прав является показателем развития общества.

Концепция послужила импульсом для подготовки многих проектов УПК РФ, подготовленных различными авторскими коллективами. Особо следует в данном плане выделить Теоретическую модель «Уголовно-процессуальное законодательство Союза СССР и РСФСР» (1990 г.), разработанную коллективом авторов Института государства и права Академии наук СССР под руководством профессора В.М. Савицкого [4]. В качестве одной из генеральных идей Теоретической модели было провозглашение состязательности в качестве самостоятельного принципа уголовного процесса (ч. 2 ст. 20). В содержание данного принципа авторы включили разделение процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела по существу, равенство прав участников процесса, понятие «стороны». В формулировку принципа состязательности предлагалось включить правило, ранее российскому законодательству неизвестное, обязывающее суд прекратить разбирательство дела в суде и вынести подсудимому оправдательный приговор, если обвинитель отказался от поддержания обвинения (ч. 4 ст. 20). Многие положения этой модели были впоследствии взяты за основу в официальном проекте УПК РФ.

Указом Президента РФ от 22 ноября 1994 г.¹ был создан Совет по судебной реформе, основной задачей которого являлось научное сопровождение реализации новой уголовно-процессуальной политики России. Одновременно в составе Государственно-правового управления Администрации Президента РФ был создан отдел по судебной реформе, при котором в течение двух лет функционировала комиссия, подготовившая проект УПК РФ. Общая часть этого кодекса была опубликована для обсуждения юридической общественностью в

---

¹ О мерах по реализации концепции судебной реформы : указ Президента Российской Федерации от 24 ноября 1994 г. № 2100 // Российская газета. 1994. 30 ноября.

журнале «Российская юстиция» [5]. К сожалению, проект прошел «редактирование» чиновниками Государственно-правового управления (в него были включены довольно странные положения, так, например, допускалось задержание свидетеля, если он отказывался давать показания, на срок до 60 суток, предусматривался арест адвоката на двое суток, если он без уважительных причин не являлся в суд и т.п.). Поэтому данный проект вызвал резкую, но справедливую критику со стороны юристов.

Начиная с 1996 г., над проектом УПК РФ начала работу специально созданная в этих целях комиссия при Министерстве юстиции РФ, в которой участвовали известные юристы: П.А. Лупинская и С.Б. Ромазин. Этот проект в конечном итоге и лег в основу проекта УПК РФ, который был принят Государственной Думой РФ в первом чтении 6 июня 1997 г.

Работа над официальным проектом УПК РФ на некоторое время была приостановлена и только в начале 2001 г. по инициативе Президента РФ была продолжена. В этих целях была создана комиссия в составе 40 видных юристов – ученых, судей высшей квалификации, руководящих работников прокуратуры, МВД и др. Комиссия подготовила целый пакет законопроектов, относящихся к разным видам организации и осуществления судопроизводства (о судебной системе, о статусе судей и др.).

В это же время активизировалась работа Комитета по законодательству и судебной реформе Государственной Думы РФ (руководитель рабочей группы Е.Б. Мизулина), который подготовил проект УПК РФ, принятый в первом чтении, для обсуждения во втором чтении. 20 июля 2000 г. этот проект был принят Государственной Думой РФ во втором чтении. 10 июля 2001 г. Проект УПК РФ был направлен для рассмотрения и принятия в третьем чтении Государственной Думой РФ. 18 декабря 2001 г. он был принят и вступил в действие с 1 июля 2002 г.

Одно из главных направлений реформирования уголовно-процессуального закона было обусловлено ориентацией на максимальное воплощение идеи состязательности, в основе которой лежит общий принцип разделения властей (законодательной, исполнительной и судебной) и отношением к сущности уголовного судопроизводства как спору о праве, в котором участвуют сторона обвинения и сторона защиты, а независимый суд этот спор разрешает. Именно состязательность выступает эффективным гарантом защиты прав и законных интересов как обвиняемого, так и иных участников уголовного судопроизводства.

С суда сняты обвинительные функции (возложение на суд задачи борьбы с преступностью, возбуждение уголовного дела, избрание подсудимого в ходе судебного следствия и др.). Был установлен судебный контроль за законностью и обоснованностью ограничения конституционных прав человека на предварительном следствии и дознании. В основе данной новеллы лежала идея, согласно которой судебное решение, разрешающее проведение процессуальных действий, вторгающихся в сферу конституционных прав граждан, является более серьезной гарантией их законности и обоснованности, чем санкция прокурора, ответственного за раскрытие преступления и выполняющего только обвинительную функцию.

В отличие от УПК РСФСР, УПК РФ отказался от двойного понимания дознания как формы предварительного расследования и как деятельности, предшествующей предварительному следствию. Дознание рассматривается только как одна из двух форм предварительного расследования, при этом предварительное следствие рассматривается как обычная форма предварительного расследования, по отношению к которому дознание выполняет роль ускоренной формы последнего.

УПК РФ впервые в истории уголовно-процессуального законодательства включил в виде Приложения образцы процессуальных документов и изготовления бланков этих документов (гл. 57). До этого практика уголовного судопроизводства в части разработки образцов процессуальных документов и изготовления на их основе соответствующих бланков не отличалось единообразием. Каждое ведомство само разрабатывало и изготавливало для своих нужд образцы и бланки процессуальных документов, что порождало разноречивость как в названии последних, так и в структуре.

Данное нововведение было обусловлено тем, что российское уголовное судопроизводство сохраняет письменную форму. Образец процессуального документа является своего рода правовым стандартом осуществляемого процессуального действия. От его содержания и последовательности осуществляемых процессуальных действий, принятия процессуальных решений, отражаемых в процессуальном документе, напрямую зависит ход и содержание уголовного судопроизводства по конкретному уголовному делу.

В условиях, когда законность процессуального действия и решения обуславливает допустимость полученного при этом доказательства, содержание процессуального документа, единообразие стандартов уголовно-процессуальной практики является одной из существенных гарантий проведения реформы уголовного судопроизводства. Поэтому нельзя согласиться с ликвидацией данного приложения в 2007 г.

Прошло 20 лет со дня принятия УПК РФ, и мы можем подвести итоги: можно со всей определенностью отметить, что процесс реализации принятых нововведений шел далеко не гладко и последовательно.

Так, после принятия УПК РФ, но до его вступления в силу и введение в действие, в него были внесены изменения законом РФ от 29 мая 2002 г.¹ в 69 статей, что составило 15 % от общего их количества (необычный случай в законодательной практике). За все время действия УПК РФ и по настоящее время в него было внесено колоссальное количество изменений дополнений, уточнений, поправок (более чем 250 федеральными законами), которые не всегда соответствовали изначальным намерениям реформаторов. Но ведь закон – это не догма и не идол, воплощенный в каменном монолите, это живая материя, которая должна быть чувствительна к изменениям, происходящим в жизни общества и государства.

---

¹ О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР: Закон Российской Федерации от 29 мая 1992 г. № 2869-1 // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 2002. № 27. Ст. 1560.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боруленков Ю. П. Следственный судья как «слабое звено» уголовно-процессуального доказывания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 3. – С. 9–21.
2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – М. : Республика, 1992. – 111 с.
3. Монтескье Ш. Л. О духе законов. Книга Двенадцатая / Ш. Л. Монтескье // Избранные произведения. – М. : Гос. изд-во политической литературы, 1955. – С. 159–258.
4. Уголовно-процессуальное законодательство Союза СССР и РСФСР. Теоретическая модель / под ред. В. М. Савицкого. – М. : Изд-во ИГПАН СССР, 1990. – 320 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Общая часть. Проект. – Российская юстиция. 1994. – № 9. – С. 2–92.
6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – В 2 т. – Т. 1. – СПб. : Альфа, 1996. – 552 с.

Информация об авторе

Смолькова Ираида Вячеславовна – д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Байкальского государственного университета, e-mail: SmolkovaIV@mail.ru.

Author

Smolkova Iraida V. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision, Baikal State University, e-mail: SmolkovaIV@mail.ru.

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ
НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАСКРЫТИЯ КРАЖ
АВТОТРАНСПОРТА, ПРИЧИНИВШИХ УЩЕРБ В ОСОБО КРУПНОМ
РАЗМЕРЕ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ**

Рассматриваются организационные и тактические аспекты раскрытия и расследования уголовных дел о кражах автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных организованными преступными группами. Приводятся мнения видных Российских ученых-криминалистов на проблематику указанной темы статьи. Анализируются действия органов предварительного следствия и органов дознания при различных следственных ситуациях, возникающих на начальном этапе расследования уголовного дела по преступлениям указанной категории. Выдвигается вопрос о возможном выделении в органах предварительного расследования отдельной категории следователей, специализирующихся на расследовании уголовных дел о кражах автотранспорта, причинивших особо крупный ущерб, совершенных организованными преступными группами.

Ключевые слова: кража автотранспорта, организованная преступная группа, организация, методика, криминалистическая характеристика, следственная ситуация.

V.R. Stolbov

**ORGANIZATIONAL ASPECTS OF THE ACTIVITIES
OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION AND DETECTION BODIES
AT THE INITIAL STAGE OF DISCLOSURE OF THEFT OF MOTOR
VEHICLES THAT CAUSED DAMAGES IN ESPECIALLY LARGE SIZES**

The organizational and tactical aspects of the disclosure and investigation of criminal cases of thefts of vehicles, causing damage on an especially large scale, committed by organized criminal groups, are considered. The opinions of prominent Russian forensic scientists on the problems of this topic of the article are given. The actions of the bodies of preliminary investigation and bodies of inquiry are analyzed in various investigative situations that arise at the initial stage of the investigation of a criminal case on crimes of this category. The question is raised about the possible allocation of a separate category of investigators in the preliminary investigation bodies, specializing in the investigation of criminal cases on thefts of vehicles, causing especially large damage committed by organized criminal groups.

Keywords: theft of vehicles, organized criminal group, organization, methodology, forensic characteristics, investigative situation.

В системе раскрытия и расследования преступления, если рассматривать ее как процесс, действующий во времени, присутствуют движущие силы,

направляющие ее развитие, и своим воздействием заставляющие протекать внутри нее определенные процессы. Определяя структуру этих сил, прежде всего, традиционно следует выделить две их группы в зависимости от стороны, занимаемой ими в реализации фундаментального уголовно-процессуального принципа состязательности сторон. Так, следует различать участников процесса со стороны защиты и со стороны обвинения. Можно рассматривать также еще нейтральную, незаинтересованную, сторону, но в данной статье нас интересует только сторона обвинения.

В процессе раскрытия и расследования со стороны обвинения, силы движущие процесс расследования преступления, прежде всего выражены подразделениями предварительного следствия или дознания и оперативно-розыскными подразделениями.

Участники уголовного делопроизводства, к которым следует относить представителей экспертных подразделений и иных специалистов, обладающих специальными знаниями, обычно вносят значительный вклад для получения положительного результата расследования, достижения его полноты, объективности и всесторонности. Безусловно, при рассмотрении методики расследования краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных организованными группами, значение использования специальных знаний трудно переоценить, что собственно и констатирует в своих трудах О.П. Грибунов [1–3]. Но, ведущую роль для обеспечения наступательности при расследовании таких преступлений следует отдавать все же именно органам следствия и органам дознания. При этом, кто из этих подразделений в большей степени организует расследование и принимает в нем участие, зависит от того, на каком этапе оно происходит. Так, органы дознания нередко занимают доминирующую позицию на стадии возбуждения уголовного дела, хотя и это происходит не всегда, так как в некоторых случаях проверку сообщения о преступлении проводят непосредственно следователи. После принятия решения о возбуждении уголовного дела, всегда на первую позицию выходят представители следственных органов, а участие органов дознания в системе расследования отходит на второй план, принимает характер сопровождения.

Такой второстепенный характер участия в расследовании оперативно-розыскных подразделений не означает низкого уровня его значимости. В некоторых случаях их активное и инициативное участие имеет даже более важное значение для получения положительных результатов, так как много сведений, имеющих значение для выбора наиболее эффективной линии поведения, зачастую совершенно невозможно получить следственным путем, т.е. в рамках полномочий, предоставляемых следователю Уголовно-процессуальным кодексом. Без эффективной оперативно-розыскной деятельности часто невозможно установить дополнительных свидетелей, места хранения или сбыта похищенного, места нахождения преступника, причастность лиц к расследуемому преступлению и т.д. Кроме того, необходимо не забывать неочевидный характер данной категории преступлений и для установления лиц, совершивших кражу автотранспорта, часто не хватает органам предварительного расследования инструментов, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

При совершении краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных организованными преступными группами (далее – ОПГ), особенным отличием является тщательная подготовка и повышенная конспирация всех участников ОПГ, в связи с этим на месте происшествия практически не остается следов, которые позволяют идентифицировать личности преступников в результате проведения различных видов экспертиз. Исходя из этого, оперативно-розыскная деятельность органов дознания не редко выходит на главенствующее значение для раскрытия совершенного преступления и положительного расследования уголовного дела.

Первостепенный характер участия в раскрытии и расследовании, придаваемый деятельности органов следствия, выражается в их организующей роли, ответственности за общий результат, официальном представлении государственной исполнительной власти в уголовно-процессуальных отношениях. При этом такой официальный статус не позволяет осуществлять негласную конспирированную деятельность, без которой традиционно невозможно эффективно преодолеть противодействие расследованию.

Так, например, способ совершения краж дорогостоящего автотранспорта в составе организованной группы часто подразумевает отставание угнанного автомобиля в месте временного хранения [4, с. 25]. Для установления таких мест путем проведения следственных действий у следователя слишком мало процессуальных инструментов в рамках расследования уголовного дела. При этом, получение подобной информации в процессе фиксации идеальных следов из сознания фигурантов по уголовному делу при оказании противодействия невозможно. А вероятность оказания противодействия, из проведенного анализа изученной практики расследования уголовных дел о кражах автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных организованными преступными группами, не просто высока, а практически является основной тактикой защиты обвиняемых на первоначальном этапе расследования. Оказание противодействия при расследовании осуществлялось во всех без исключения случаях из исследованной нами судебно-следственной практики, что обусловлено организованным характером преступных групп, совершающих преступления, рассматриваемой нами категории. Поэтому получить такую информацию на практике возможно только оперативным путем, который, по мнению профессора В.М. Шматова, является наиболее эффективным средством раскрытия преступлений [5, с. 36].

Несмотря на высокое значение деятельности органов дознания в деле достижения положительных результатов расследования, все же при рассмотрении особенностей первоначального этапа расследования краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных организованными группами, мы прежде всего обращаем свое внимание на деятельность следственных органов. Как пишет О.В. Чельшева, «деятельность следователя – ядро процесса расследования» [6, с. 125].

Методика расследования, как рекомендуемый следователям алгоритм действий и особенностей их выполнения, включает в себя организационный и тактический аспекты. Вместе они формируют целостную структуру деятельности

следователя, как объекта научного познания криминалистического учения. Определение структуры и системы объекта познания является одним из основополагающих начал в любых областях науки [7, с. 102]. Далеко не все ученые криминалисты в результатах своих исследований выделяли отдельно организационный аспект деятельности следователя при расследовании отдельного вида преступлений. Многие из тех, кто находился у основ современного учения о методике расследования отдельных видов преступлений, как правило чаще всего в структуре разрабатываемых ими частных методик предлагали рассматривать отдельно криминалистическую характеристику преступлений, рекомендации к проведению отдельных следственных действий на том или ином этапе расследования, выдвижение версий и планирование расследования [8, с. 137], не выделяя организационно-тактические особенности расследования как самостоятельный раздел методики. При этом раскрывая выделенные ими положения так или иначе они часто указывали на организующую роль следователя, которому прежде всего были адресованы разрабатываемые ими рекомендации. Такое положение является справедливым, и при изучении деятельности следователя нельзя не увидеть в ней организующего характера. Это послужило выделить нами в структуре разрабатываемой нами частной методики такой отдельный раздел как организационный аспект деятельности следователя по расследованию краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных организованными группами, в который мы бы хотели включить следующие направления:

- планирование расследования, обеспечение его выполнения, контроль;
- реализация принципа процессуальной самостоятельности следователя;
- организация взаимодействия следствия с другими правоохранительными подразделениями, органами, государственными и иными организациями;
- подключение к расследованию сторонних сил и ресурсов;
- непосредственная реализация принудительной силы государства в отношении других субъектов уголовно-процессуальных правоотношений в правоприменительной деятельности.

Если провести анализ деятельности по планированию расследования и реализации данного плана, то можно в этом процессе рассмотреть такие стороны деятельности следователя, как изучение и анализ следственной ситуации, имеющейся информации о преступлении, выдвижение версий на основании данного анализа, определение обстоятельств, подлежащих проверке или установлению, выбор средств достижения (проверки или установления), определение приоритета среди определенных обстоятельств для установления последовательности работы по ним. При выборе таких обстоятельств следует выделить из них обстоятельства, подлежащие проверке безусловно, вне зависимости от выдвижения той или иной версии. За этим следует составление плана расследования. После того, как план составлен, предпринимаются меры по его реализации, включающей в себя доведение принятого решения до исполнителей, непрерывного контроля за выполнением пунктов плана исполнителями и непосредственное выполнение пунктов плана, исполнителем по которым запланирован сам следователь.

Еще в 1978 г. Р.С. Белкин предложил четыре уровня организации расследования преступлений. На первое место он поставил организацию деятельности

всех государственных органов, имеющих отношение к расследованию и принимающих в нем участие. Второй уровень – организация деятельности отдельного органа – субъекта расследования. Третий и четвертый уровни касаются методики расследования отдельного вида или определенной группы преступлений и тактики производства следственных действий при их расследовании соответственно [9, с. 214].

На выбранных нами уровнях научного рассмотрения организационно-тактических аспектов расследования прежде всего следует рассматривать два вопроса: а) какие следственные действия или иные мероприятия необходимо проводить на рассматриваемом этапе расследования и б) какие существуют особенности проведения этих следственных действий или их комбинаций.

Для определения перечня следственных действий или иных мероприятий мы обязательно должны обратиться к научно-теоретическим положениям криминалистической ситуалогии [10, с. 18]. На первоначальном этапе расследования краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных организованными группами, как правило, складываются три типа следственных ситуаций, характер которых в наиболее яркой степени влияет на набор следственных действий, оперативно-розыскных и иного рода мероприятий, проведение которых при этом имеет преимущественно безотлагательный характер. Основанием выделения для этих трех групп мы называем наличие и объем сведений о лицах, которое необходимо привлечь к уголовной ответственности.

Так, в зависимости от сведений о лицах, подлежащих привлечению к уголовной ответственности при расследовании краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных организованными группами, на первоначальном этапе расследования могут сложиться следующего рода ситуации расследования:

- следственная ситуация, при которой лица, подлежащие привлечению к уголовной ответственности, и их место нахождения установлены;
- ситуация, когда лица, подлежащие привлечению к уголовной ответственности, установлены, но о их месте нахождения правоохранительным органам неизвестно;
- следственная ситуация, при которой не установлены ни лица, подлежащие привлечению к уголовной ответственности, ни их вероятное место нахождения.

Такая классификация следственных ситуаций, возникающих при расследовании имущественных преступлений является классической в криминалистической методике.

Специфика рассматриваемых нами преступлений требует внести дополнительные характеристики к представленным выше следственным ситуациями, которые также существенно влияют на весь характер процесса расследования.

Так, при расследовании краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных организованными группами, существенное значение имеет наличие сведений о похищенном имуществе – его характеристиках и месте нахождения. Если при этом лица, подлежащие привлечению к уголовной ответственности и их место нахождения установлены, то, безусловно, следует без промедления принять все возможные меры к изъятию похищен-

ного. Если при этом его место нахождения не установлено, то для его определения существует ряд практических рекомендаций следственного и оперативно-розыскного характера.

Кроме того, возможно формирование следственной ситуации, когда лица, подлежащие привлечению к уголовной ответственности не установлены, но правоохрнительным органам известно о месте нахождения похищенного. Такая осведомленность может носить как весьма вероятный, так и безусловный характер. Практике известно много случаев, когда правоохрнительным органам приходилось раскрывать преступления со схемой не «от лица» к месту нахождения похищенного им имущества, а «от похищенного» выходить на личность преступника. Соответственно перечень следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, которые следует обязательно проводить в тех или иных случаях может существенно отличаться. Соответственно, отличаются и рекомендации, которые следует применять на практике лицам, которые принимают участие в расследовании.

В связи с этим следует различать следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных организованными группами, в зависимости от наличия у правоохрнительных органов сведения о механизме способа хищения и реализации похищенного.

Подводя итоги вышесказанного, следует отметить еще одну из существенных проблем организационного характера расследования хищений автотранспортных средств и краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных организованными группами, которая связана с отсутствием в большинстве территориальных органов внутренних дел на региональном уровне следователей, специализирующихся на их расследовании, что влечет повторение одних и тех же ошибок разными следователями, отсутствие единого алгоритма действий, направленных на их раскрытие и расследование [11, с. 54]. Особая специфика подобного рода преступлений в сочетании с их особой степенью общественной опасности требует развитие у следователей особых навыков и способностей подобного специального знания, которыми обладают сведущие лица. Если следственный орган того или иного региона не может позволить себе выделение отдельного подразделения, специализирующегося на расследовании краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных организованными группами, или краж автотранспорта в широком смысле, то было бы целесообразно обеспечить передачу в производство подобных уголовных дел одному и тому же следователю или небольшой их группе. Так, на наш взгляд, это позволило бы кроме прочего снизить проблему квалификации преступлений, связанных с завладением чужого автотранспорта, когда органам предварительного следствия в большинстве случаев приходится предъявлять обвинение в угоне автотранспорта без цели хищения, сталкиваясь с существенными трудностями доказывания кражи в таких случаях [12, с. 92]. Эта проблема, поднимаемая О.П. Грибуновым в одной из своих публикаций, прежде всего касается деятельности подразделений органов внутренних дел, осуществляющих расследование.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варданян А.В., Грибунов О.П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании хищений на объектах транспорта // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию образования Дальневосточного юридического института МВД России) : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – 2016. – С. 274–277.
2. Грибунов О.П., Трубкина О.В. Назначение судебных экспертиз : учеб. пособие. – Иркутск, 2014. – С. 152.
3. Грибунов О.П. Участие сотрудников ЭКЦ в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий как фактор повышения раскрываемости преступлений // Российский следователь. – 2017. – № 20. – С. 47–51.
4. Мартынов В.А. Особенности способов совершения угонов и хищений автотранспорта // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2017. – № 4 (73). – С. 65–68.
5. Шматов М.А., Шматов В.М. Контроль и запись телефонных переговоров как следственное действие в соотношении с оперативно-розыскным мероприятием – прослушивание телефонных переговоров // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2017. – Вып. 1 (40). – С. 119–128.
6. Чельшева О.В. Гносеологические основы отечественной криминалистики : дис. ... д.ю.н. – СПб., 2003. – 133 с.
7. Лингарт И. Процесс и структура человеческого учения. М. : Прогресс, 1970. – 536 с.
8. Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. М. : Изд-во Высш. юрид. заоч. ин-та. 1975. – 359 с.
9. Белкин Р.С. О понятии организации расследования преступлений // Организация расследования преступлений органами внутренних дел : сб. ст. М., 1978. – С. 26–27.
10. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия / под ред. Н.П. Яблокова. Москва ; Калинингр. ун-т. – Калининград, 1997. – 25 с.
11. Кураков Д.В. Преступления, связанные с хищением автотранспортных средств, и пути их раскрытия // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2016. № 2 (67). – С. 70–73.
12. Грибунов О.П. Использование специальных знаний в раскрытии и расследовании краж автотранспортных средств. // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2019. – № 3 (90). – С. 128–133.

Информация об авторе

Столбов Василий Ростиславович – адъюнкт, Восточно-Сибирский институт МВД России.

Author

Stolbov Vasily Rostislavovich – associate professor. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ И СМИ В ЦЕЛЯХ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье с акцентом на необходимость обеспечения своевременного доступа граждан к достоверной и непротиворечивой информации, характеризуются возможности использования новых социальных медиа в целях пресечения, раскрытия и расследования преступлений, в современных условиях цифровизации жизнедеятельности общества и функционирования государства. Тезисно обозначаются основные проблемы взаимодействия правоохранительных органов с интернет-СМИ, и варианты их решения в контексте смещения сферы информационно осведомленности граждан в интернет-пространство и необходимости правоохранительных органов динамично приспосабливаться к взаимодействию с новыми формами средств массовой информации. Аргументируется авторская позиция о важности кардинального изменения подхода к использованию возможностей ведомственных медиа ресурсов.

Ключевые слова: информация; средства массовой информации; социальные медиа; интернет-СМИ; соцсети; взаимодействие, население, правоохранительные органы, раскрытие и расследование преступлений.

I.V. Tishutina

TOPICAL ISSUES OF THE INTERACTION OF LAW ENFORCEMENT BODIES WITH THE PUBLIC AND THE MEDIA FOR THE PURPOSE OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

The article, with an emphasis on the need to ensure timely access of citizens to reliable and consistent information, describes the possibilities of using new social media in order to suppress, disclose and investigate crimes, in modern conditions of digitalization of the life of society and the functioning of the state. The main problems of interaction between law enforcement agencies and online media are outlined, and options for their solution in the context of shifting the sphere of information awareness of citizens to the Internet space and the need for law enforcement agencies to dynamically adapt to interaction with new forms of media. The author's position on the importance of a radical change in the approach to using the capabilities of departmental media resources is argued.

Keywords: information; mass media; social media; internet media; social networks; interaction; population; law enforcement agencies; crime detection and investigation.

Глобальная информатизация и цифровизация, охватившие не только различные аспекты жизнедеятельности общества, но и завладевшие интересом

ученых, поднимают все новые проблемы и актуализируют новые задачи. Признание одним из основных ресурсов информации, соответственно, повышает значение средств ее распространения, привлекает внимание к разнообразию их форм, количество которых в интернет-пространстве постоянно растет и уже не просто составляет конкуренцию традиционным СМИ, а серьезным образом меняет саму систему этих средств.

В настоящее время Интернет представляет собой не только информационное пространство, а площадку для эволюции СМИ, становления и развития их новых видов. Изначально это были исключительно сайты и информационные каналы, посещаемые «от случая к случаю», а сегодня, согласно данным Лаборатории Касперского и АРПП «Отечественный софт», в среднем каждый пользователь проводит в соцсетях и интернет-СМИ не менее 5 часов в день. Социальное медийное пространство стало идеальным инструментом для формирования общественного мнения, индивидуальной позиции, оказания воздействия на граждан, информационной войны, пропаганды криминала, экстремизма и организации массовых беспорядков. Социальные медиа в России сегодня – это более 340 млн активных аккаунтов, 110 млн сообщений в сутки. По состоянию на 2019 г. насчитывалось 22 000 интернет-СМИ, публикующих до 300 000 новостей в сутки.

В сложившейся ситуации возникла проблема налаживания взаимодействия правоохранительных органов с такими СМИ, разработки организационных и тактических основ их использования в раскрытии и расследовании преступлений. Причем, наиболее ярко такая потребность, как и необходимость предупредить и нейтрализовать деятельность деструктивно работающих интернет-СМИ и социальных медиа, проявилась на примере освещения событий и деяний, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность.

В основе взаимодействия правоохранительных органов и СМИ лежит взаимная заинтересованность: с одной стороны – в подаче информации, соответствующей действительности и решении задач выявления, раскрытия и расследования преступлений, а с другой – в повышении рейтинга СМИ за счет распространения актуальных и привлекающих интерес граждан сведений. Вполне справедливо в этом контексте замечание о том, что взаимодействие со средствами массовой информации позволяет увеличить в несколько раз поток взаимноинтересующей информации, ее своевременную проверку и реализацию. А это, в свою очередь, способствует повышению доверия населения к правоохранительным органам [1; 208]

Организует и осуществляет информационное сопровождение в органах внутренних дел Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации Министерства внутренних дел Российской Федерации (УОС МВД России), которое совместно с территориальными органами МВД России обеспечивает эффективность деятельности пресс-служб, подразделений информации и общественных связей МВД России, ответственных за взаимодействие со СМИ и доступ граждан к информации о деятельности ОВД [2].

В интересах правоохранительных органов СМИ, независимо от формата, призваны осуществлять правовую пропаганду, и, как верно отметили А.Ю. Головин и Е.С. Дубонос, способность оперативно доносить информацию, широта охвата субъектов, ее воспринимающих, единообразие информирования дают возможность не только распространять необходимую информацию, но и осуществлять контроль за ее функционированием в социальной среде [3; 126]. Однако следует признать, что сегодня возможности контроля весьма спорны, его не только сложно осуществлять в пространстве глобальной сети, но, скорее наоборот – попадание туда информации позволяет беспрепятственно ее получать, модифицировать большому количеству пользователей. СМИ освещают и организационно-структурные изменения в системе правоохранительных органов, отдельные события, мероприятия, поскольку открытость – важный фактор формирования доверия со стороны населения. Однако, более важно их участие в решении текущих повседневных задач раскрытия и расследования преступлений, которые тесно связаны с информационными процессами, протекающими в социальной среде. Большой арсенал средств и методов массовых коммуникационных систем предоставляет дополнительные возможности на определенном уровне решать задачи, стоящие перед органами расследования. В этом случае СМИ становятся не только носителями значимых сведений, но и способны в определенной степени влиять на различные аспекты общественной жизни, в том числе, связанные с раскрытием и расследованием преступления.

В настоящее время каждый территориальный орган МВД России на региональном уровне имеет свой сайт, а также страницы в социальных сетях facebook, twitter, Instagram и др., однако зачастую, размещаемая в них информация довольно скудна и носит характер отчетов о проделанной работе либо анонсирует планируемые мероприятия официального характера. Более информативно и содержательно представлены ролики на youtube-каналах региональных подразделений, но и они, как правило, имея определенную периодичность выхода, содержат не актуальную информацию. В то же время, в территориальных подразделениях, которые нуждаются в таких каналах с целью обеспечения оперативного доведения информации до населения и установления обратной связи, ими не располагают. Кроме того, алгоритм размещения информации на официальных медиа-ресурсах регионального уровня довольно сложный. Однако, учитывая, как отмечено выше, что именно интернет и социальные сети выступают сегодня основным информационным полем для большинства населения, организация работы по функционированию таких каналов является одной из приоритетных задач в рамках взаимодействия с населением и СМИ. Это позволит не только эффективно и в сжатые сроки решать задачи раскрытия и расследования преступлений, но и минимизировать информационное давление за счет размещения недостоверной информации в неофициальных медиа с целью сформировать «нужное» общественное мнение. Существенно упрощается и формат взаимодействия с населением, при котором сообщить в правоохранительные органы информацию можно в режиме реального времени, отправив сообщение на страницу соответствующей сети, разместив комментарий и т.п.

В то же время эффективность работы аккаунтов и страниц в соцсетях, как известно, определяется охватом аудитории, а соответственно – необходимо не просто их наличие, а активность ведущейся в них работы не только по подаче актуальной информации, но и по продвижению. Как свидетельствуют результаты пилотажного опроса, именно интернет-СМИ сегодня выступают главным источником информации для большинства населения (78 %), однако о деятельности правоохранительных органов сведения из этого источника систематически получают только 23 %. С одной стороны, это объясняется нежеланием воспринимать негативные события, не касающиеся человека напрямую, а с другой – отсутствием у граждан информации о возможности почерпнуть ее в социальных медиа и малой информационной насыщенностью последних.

Так, количество подписчиков официальных аккаунтов МВД субъектов Российской Федерации колеблется от одного-двух до десяти процентов от объема населения субъектов, редко – чуть выше. Очевидно, о какой эффективности размещаемой в них информации идет речь. В таком случае, использование социальных медиа может оказаться даже менее эффективным, чем традиционных СМИ. В этой связи, на сегодняшний день очевиден вывод о необходимости сочетания их возможностей для достижения наибольшего эффекта.

Проблемы взаимодействия с социальными медиа – это как общие, характерные для любых СМИ, и связанные с достоверностью транслируемой ими информации, вероятностью распространения нежелательной либо запрещенной законом информации; так и специфические, свойственные только интернет-СМИ и определяющиеся свободой доступа к информации, длительностью ее хранения и возможностью практически бесконечного воспроизведения, а также неподконтрольностью распространения. Средства массовой информации, которые благодаря своей возможности воздействовать на общественное мнение, давно названы четвертой властью, в то же время являются и эффективным инструментом «мягкой силы». Они обладают способностью освещать факт под определенным, «более «правильным» углом в нужном идеологическом ракурсе» [3; 143]. Следует помнить и о том, что нередко публикации, по существу, заказного характера, преследуют цель противодействия расследованию.

Важной проблемой взаимодействия с социальными медиа является то, что специфика цифровой информации и данных, размещаемых в них, позволяет достаточно легко не просто копировать ее, но и осуществлять монтаж и изменение контекста подачи информации. Этим, зачастую, пользуются различные telegram-каналы, нацеленные на деструктивную деятельность и работающие с целью реализации задач стратегического и тактического противодействия, в том числе, в интересах организованных групп и преступных сообществ.

Кроме того, препятствует эффективному использованию социальных медиа в раскрытии и расследовании преступлений отсутствие достаточных знаний у сотрудников правоохранительных органов о их возможностях, алгоритме действий по размещению информации и организации обратной связи с гражданами.

По данным нашего исследования, сотрудники следствия и дознания всегда считали довольно эффективным использование в своей деятельности средств массовой информации (СМИ) по причине свойственной им аналитич-

ности, обстоятельности и последовательности раскрытия проблем [4; 97]. Однако, появление большого количества интернет-СМИ, которые зачастую не обладают подобными качествами, существенно усложнило отношение сотрудников практических подразделений к вопросам взаимодействия с такими СМИ. Как показывает практика, размещаемые ими материалы, характеризуются такими признаками, как:

- преобладание визуальной информации над текстовой;
- оценка событий и фактов на основе искаженной версии происшедшего;
- наличие «кричащих» заголовков, привлекающих внимание, но не соответствующих действительному положению вещей;
- сопровождение размещенной информации заранее подготовленными негативными комментариями якобы «независимых читателей»;
- отсутствие синхронизации с официальной версией события (факта)

Принимая решение об использовании СМИ в интересах расследования, необходимо тщательно изучить материалы дела, данные, полученные оперативным путем, осуществить прогноз вариантов развития ситуации по уголовному делу в результате размещения определенной информации и т.п. При этом, следует отметить, что круг тактических задач, которые позволяет решать взаимодействие с социальными медиа и интернет-СМИ, практически не изменяется в зависимости от того с какой разновидностью или формой средств массовой информации предполагается взаимодействие. Их спектр достаточно подробно рассмотрен в литературе [5]. Однако, ожидания эффективности от последних со стороны правоохранительных органов, на порядок выше, что объясняется в том числе и возможностью получения обратной связи в режиме реального времени. Общие правила подготовки информации к размещению в СМИ, факторы, которые целесообразно при этом учитывать, довольно обстоятельно представлены в научных трудах [4, 6].

Таким образом, в условиях сегодняшнего дня очевидно, что быстро прогрессирующее развитие цифровых социальных медиа требует от правоохранительных органов учитывать этот факт при организации взаимодействия с гражданами и СМИ, что позволит нивелировать противоречие между резким увеличением информационной нагрузки на социальные медиа и высокой погруженностью граждан в сферу интернет информирования – с одной стороны, и слабым развитием этой сферы, как потенциального направления взаимодействия со СМИ и гражданами, в правоохранительных органах в части их использования в своей деятельности по раскрытию и расследованию преступлений – с другой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бекмурзин М.С. Обеспечение взаимодействия правоохранительных органов и населения в борьбе с незаконным оборотом огнестрельного оружия // Милиция полиция третьего тысячелетия. Совершенствование подготовки сотрудников органов внутренних дел к взаимодействию с населением : материалы междунар. науч.-практ. конф. Вып. 1. – Смоленск : Смоленский регион ИРА, 2001.

2. Приказ МВД РФ № 1010 от 27.10.2015 г. «Об утверждении порядка организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС Гарант <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71154742>.

3. Головин А.Ю., Дубоносов Е.С. Этапы и особенности использования средств массовой информации в раскрытии и расследовании преступлений // Известия Тульского государственного университета. Серия: Современные проблемы законодательства, юридических наук и правоохранительной деятельности. – Тула, 2001. – Вып. 4.

4. Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США: Монография. – М. : РУДН, 2010. – 212 с.

5. Тишутина И.В. Первоначальный этап раскрытия и расследования бандализма : дис. ... канд. юрид. наук. – М. : МосУ МВД РФ, 2003.

6. Расследование грабежей и разбойных нападений / под ред. А.Ю. Головина. – Тула : Изд-во ТГУ, 2001. – С. 71.

7. Головин А.Ю., Дубоносов Е.С. Использование средств массовой информации в раскрытии и расследовании преступлений. – Тула : Изд-во ТГУ, 2001. – 77 с.

Информация об авторе

Тишутина Инна Валериевна – профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент, полковник полиции, e-mail: inna_tishutina@mail.ru.

Author

Tishutina Inna Valerievna – Professor of the Department of Forensic Science of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Doctor of Law, Associate Professor, e-mail: inna_tishutina@mail.ru.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАБИЛИТАЦИИ УМЕРШЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)

В данной статье исследованы вопросы реабилитации умершего подозреваемого (обвиняемого). Наличие правовых пробелов, связанных с окончанием предварительного расследования в случае смерти подозреваемого или обвиняемого, влечет ряд дискуссионных вопросов относительно применения п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Очередность уголовно-процессуальных действий и решений на данном этапе требует ясности и законодательного закрепления. В заданном контексте рассмотрены специфические аспекты производства по прекращению дел с исследуемыми обстоятельствами, а также проанализированы материалы судебной практики.

Ключевые слова: подозреваемый; обвиняемый; процессуальные действия; согласие.

V.N. Chaplygina

PROBLEMATIC ISSUES OF REHABILITATION OF THE DECEASED SUSPECT (ACCUSED)

This article examines the issues of rehabilitation of a deceased suspect (accused). The existence of legal gaps related to the end of the preliminary investigation in the event of the death of a suspect or accused person leads to a number of controversial issues regarding the application of paragraph 4, Part 1, Article 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The order of criminal procedure actions and decisions at this stage requires clarity and legislative consolidation. In the given context, the specific aspects of the proceedings for the termination of cases with the investigated circumstances are considered, as well as the materials of judicial practice are analyzed.

Keywords: suspect; accused; procedural actions; consent.

В условиях отсутствия четко прописанных уголовно-процессуальных норм, позволяющих принимать законные и обоснованные решения, учитывая принцип презумпции невиновности, положения института реабилитации, законные интересы лиц, не согласных с действиями органов уголовного судопроизводства, назрела необходимость переосмысления подходов к правовому регулированию правоотношений, связанных с прекращением уголовного преследования в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого). Примечательно также то, что помимо этико-нравственных аспектов, данная тема затрагивает вопросы законодательного закрепления круга лиц, правомочных выступить с возражением для реабилитации лица, их процессуального статуса.

В связи с этим вопросы правового регулирования отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела (уголовного преследования) применительно к умершему лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ [1], подозреваемому или обвиняемому являются весьма актуальными. В заданном контексте разумно проанализировать позицию Конституционного Суда Российской Федерации по данному вопросу, а также учесть мнения ведущих ученых и проанализировать процессуальные нормы, регламентирующие основания отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела (уголовного преследования) и корреспондирующие с ними положения института реабилитации. Если уделить внимание отдельным процессуальным вопросам, связанным с восстановлением прав умершего можно утверждать, что призмой через весь институт реабилитации умершего (подозреваемого) раскрывается принцип справедливости с целью необходимости реабилитировать лицо, в отношении которого прекращено производство по уголовному делу.

Как и любое процессуальное действие в уголовном процессе, производство по уголовному делу в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого) отличается специфическими основаниями и условиями, которые необходимы для того чтобы грамотно оформить процедуру производства по прекращению дел в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого).

Рассмотрим специфические аспекты производства по делу с исследуемыми обстоятельствами, где можно отметить три ключевых аспекта:

1. Для начала в процессе рассмотрения дел, в которых подозреваемый (обвиняемый) скончался, лицо, осуществляющее по нему производство должно определить тех лиц, которые в силу своих прав могут настоять на том, чтобы уголовное дело было рассмотрено до конца [2].

2. Необходимо уточнить содержание прав круга лиц уполномоченного участвовать в данном производстве. Здесь многие ученые поднимают проблему того, что не понятна роль тех лиц, которые являются родственниками умершего подозреваемого (обвиняемого), в частности по вопросам продолжения расследования [3]. Однако если исходить из анализа как практики предварительного следствия, так и судебной, можно утверждать, что рассматриваемая категория лиц участвуют в деле в качестве его представителя либо законного представителя.

3. Также, опираясь на исследования современного законодательства, регламентирующего специфику досудебного производства в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого), можно смело утверждать, что оно не содержит четкого руководства касательно продолжения рассмотрения уголовного дела, по которому подозреваемый (обвиняемый) скончался.

Стоит заметить, что содержание процесса непосредственно самого привлечения субъекта после смерти в статусе обвиняемого законодательно определен, в нормах гл. 23 УПК РФ. Определенный интерес вызывает постановление о привлечение в качестве обвиняемого, который по правилам норм указанной главы предъявляется непосредственно представителю обвиняемого. Также важным условием является то, что данное постановление предъявляется при защитнике, т.е. смерть лица подозреваемого (обвиняемого) не исключает уча-

стие защитника в предварительном следствии. Все разъяснения касающиеся обвинения, лицо, ведущее производство по такого рода уголовному делу, обязано дать представителю (т.е. близкому родственнику) умершего обвиняемого.

Процедура и нюансы ознакомления родственника скончавшегося подозреваемого (обвиняемого) с процессуальными документами, содержащимися в материалах дела регламентирована ст. 217–219, 225 УПК РФ.

На основании вышеизложенного, необходимо определить, что:

1. Производство по уголовному делу в любом случае следует продолжить.

2. Факт смерти обязательно должен быть подтвержден.

3. Прекращение уголовного дела возможно только с обязательного согласия родственников, представляющих интересы умершего. Исходя из смысла Определения КС РФ № 456-О [4], есть следующие требования к такого рода согласию: во-первых, отсутствие возражений из числа близких родственников; во-вторых, любое лицо из числа близких родственников подписало согласие на прекращение уголовного дела в отношении их родственника.

4. Родственникам и близким родственникам обязательно должно быть представлено право продолжить производство по уголовному делу и настаивать на всестороннем и объективном рассмотрении дела в суде.

В юридической литературе преимущественно акцентируется внимание именно на вопросе, раскрывающем непосредственно тот этап, когда возможно, вовлечение близкого родственника умершего подозреваемого (обвиняемого) в уголовное судопроизводство рассматриваемого производства. В данном направлении формируется и правоприменительная практика. В случае смерти подозреваемого (обвиняемого) органы предварительного расследования продолжают процесс доказывания и только на этапе окончания предварительного расследования выясняют позицию близкого родственника. Возможно, это объясняется неопределенностью в вопросе о целях вовлечения близкого родственника умершего подозреваемого (обвиняемого) в уголовное судопроизводство.

При обращении к правовой позиции Конституционного Суда РФ может создаться впечатление, что близкий родственник вовлекается исключительно в целях выяснение его позиции относительно решения о прекращении уголовного дела. Соответственно вопрос о вовлечении близкого родственника в уголовно-процессуальные отношения возникает лишь в случае, если он возражает против этого решения. Правомерность подобной интерпретации можно поставить под сомнение.

По мнению А.Д. Прошлякова и Ю.В. Козубенко «...что необходимо предпринять, когда родственники умершего подозреваемого настаивают на продолжении уголовного дела, чтобы узнать правду: действительно ли их усопший близкий совершил преступлений, или выдвинутые следствием гипотезы в его отношении были далеки от истины? Данное требование не выходит за рамки закона, поскольку право на честь и достоинство переживает правообладателя, смерть не является поводом неоправданно считать человека подозреваемым (обвиняемым) в совершении преступления» [5].

Также возможна ситуация, когда после совершения преступления группой лиц, один из участников группового преступления умирает до окончания. В

таком случае дело будет продолжено до его логического завершения, и умерший соучастник будет фигурировать в нем в соответствующем статусе подозреваемого или обвиняемого [6].

Отметим, что в любом случае умерший не будет привлекаться ни к уголовной ответственности, ни к наказанию ввиду нерелевантности возложения их на усопшего. Как верно замечает Ю.В. Козубенко, уголовная ответственность умерших не соответствует логике механизма уголовно-процессуального регулирования [7]. Однако, прав и А.Д. Прошляков, в том, что несмотря на процессуальные препятствия, правоприменитель в целях установления истины по уголовному делу, должен продолжать производство в отношении того или иного лица.

Вместе с тем, при принятии решения о прекращении уголовного дела или продолжении производства по уголовному делу в отношении умершего должны учитываться и другие обстоятельства. Такими обстоятельствами, на наш взгляд, являются: мнение наследников умершего подозреваемого (обвиняемого), защитника (в отсутствии близких родственников и наследников), а также соучастников преступления (подозреваемых, обвиняемых). Кроме того, подлежит учету позиция подозреваемого (обвиняемого) при жизни. Эти обстоятельства нами рассматриваются как условия принятия решения на этапе окончания предварительного расследования. Очевидно, что их установлению должна предшествовать определенная процедура. Прежде всего, она должна обеспечивать права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, иных заинтересованных лиц, в том числе касающихся защиты чести и достоинства умершего, и их реализацию.

Поэтому следователю (дознавателю) необходимо начать с анализа материалов уголовного дела, оценки собранных доказательств. В то же время материалы уголовного дела являются источником информации о позиции подозреваемого (обвиняемого), о близких родственниках, наследниках умершего и соучастниках преступления. О прекращении уголовного дела по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ как о возможном процессуальном решении заинтересованные лица уведомляются только тогда, когда установлены все обстоятельства, свидетельствующие о причастности умершего лица к совершенному преступлению (обосновано подозрение либо доказано обвинение).

Стоит также отметить, что продолжение производства по уголовному делу может быть обусловлено стремлением защитить также и собственные честь, достоинство и (или) интересы имущественного характера. Конституционный Суд РФ, основываясь на принципах состязательности и презумпции невиновности признал необходимым в случае смерти подозреваемого, обвиняемого, (подсудимого) обеспечение компетентными органами доступа заинтересованных лиц к правосудию и указал на необходимость правового регулирования порядка вовлечения данной категории лиц в уголовно-процессуальные отношения. Кроме того, законодателю следует регламентировать особенности досудебного и судебного производства в случае смерти подозреваемого, обвиняемого, (подсудимого), а также учесть специфику принятия итогового решения».

Это направление развития современного уголовно-процессуального законодательства продиктовано поиском баланса реализации в уголовном судопро-

изводстве публичных и диспозитивных начал. Окончательная линия разграничения в данном вопросе вряд ли возможна и будет пересматриваться с учетом осознания и разрешения конкуренции ценностей, имеющих приоритетное значение в нынешних условиях развития уголовно-процессуального права. Для обеспечения интересов лица, который в силу естественных причин, не может принять участие в уголовном процессе, в законе следовало бы предусмотреть соответствующие гарантии. Вовлечение заинтересованных лиц, а также обязательное оказание квалифицированной юридической помощи позволяет стороне защиты принять участие в процессе формирования доказательств и выбора итого решения, что, безусловно, способствует реализации элементов принципа состязательности на досудебном производстве по уголовным делам.

Важно правильно определить момент вовлечения в досудебное производство близкого родственника или иного заинтересованного лица. Своевременное наделение данного субъекта соответствующим комплексом прав является необходимым условием эффективной защиты интересов.

С учетом изложенного полагаем, что следователь в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) обязан незамедлительно уведомить об этом близкого родственника и разъяснить ему право на дальнейшее участие в производстве по уголовному делу. При утвердительном ответе следователь должен вынести постановление о признании данного лица представителем умершего подозреваемого (обвиняемого) и допросить его. Вопрос о процессуальном статусе близкого родственника умершего остается дискуссионным. В юридической литературе по данному поводу высказаны разные подходы. Предлагается признавать близких родственников умершего в качестве законных представителей обвиняемого (подозреваемого), а также близкого родственника. Нам представляется, что в рамках действующего закона более уместно наделить его процессуальным статусом представителя умершего подозреваемого (обвиняемого).

Таким образом, момент вовлечения близкого родственника умершего подозреваемого (обвиняемого) в досудебное производство зависит от цели, которую преследует данный участник: во-первых, в целях защиты от уголовного преследования. В этом случае близкий родственник может вступить уголовно-процессуальные отношения с момента смерти подозреваемого (обвиняемого) и принять участие в процессе доказывания; во-вторых, в целях реализации права на судебную защиту. Это право близкий родственник может реализовать, отказавшись от дачи согласия на прекращение уголовного дела, настаивая на продолжении расследования и разрешении его по существу.

Резюмируя сказанное, отметим, что уголовный процесс с участием умерших обвиняемых (подозреваемых) возможен. Во многом это помогает достигнуть объективной истины, которая была важна для российского правоприменителя на протяжении всей истории. Несмотря на то, что принцип достижения объективной истины не всегда был регламентирован в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, законодатель требует от суда, прокурора, дознавателя, следователя полного и объективного исследования обстоятельств дела, и смерть одного из участников процесса не должна помешать установить истину.

Таким образом, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, уголовное дело (а значит и уголовное преследование) должно быть прекращено в отношении умершего или лица, признанного умершим. Данное обстоятельство, благодаря которому прекращается уголовное дело, носит не реабилитирующий характер. Однако, бывают случаи, когда следователь вынужден продолжать расследование по делу, несмотря на смерть участника со стороны защиты. В частности, уголовное преследование должно быть продолжено, если необходима реабилитация умершего (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921; 2020. – № 31 (ч. 1). – Ст. 5002.

2. Головки Л.В. Курс уголовного процесса. – М. : Статут, 2017. – С. 120.

3. Лазарева В.А., Максимихина Ю.О. Практика прекращения уголовного дела и уголовного преследования в связи со смертью подсудимого // Вестник Тольяттинского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 112.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2006 г. № 456-О. URL: ksrf.ru (дата обращения: 15.08.2021).

5. Прошляков А.Д., Козубенко Ю.В. Об уголовном преследовании умерших // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 4. – С. 30.

6. Храмова А.Л. Уголовно-процессуальное преследование умерших // Эволюция российского права : материалы 18-й Заоч. Междунар. науч. конф. молодых ученых и студентов. Уральский государственный юридический университет. – 2020. – С. 208.

7. Козубенко Ю.В. Системные и антисистемные образования в межотраслевом механизме уголовно-правового регулирования. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2018. – С. 146.

Информация об авторе

Чаплыгина Виктория Николаевна – начальник кафедры криминалистики и предварительного расследования Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова, к.ю.н., доцент, e-mail: victory-75@yandex.ru.

Author

Chaplygina Victoria Nikolaevna – Head of the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Candidate of Law, Associate Professor, e-mail: victory-75@yandex.ru.